This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

SAL

ЛУБОЧНЫЯ

КАРТИНКИ

РУССКАГО НАРОДА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ МІРѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Ив. Снегирева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1861.

Fem

ЛУБОЧНЫЯ

КАРТИНКИ

РУССКАГО НАРОДА

ВЪ МОСКОВСКОМЪ МІРѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Ив. Снегирева.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1861.

Къ этой книжкѣ изготовляется альбомъ наиболѣе замѣчательныхъ картинокъ лубочной печати и будетъ выданъ изъявившимъ желаніе имѣть его, по особой подпискѣ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Января 4 дня, 1861 года.

Цензоръ П. Безсмыкинъ.

Въ то самое время, какъ проявленія Русской народности въ жизни, художествѣ и писменности составляютъ предметы разностороннихъ наблюденій и ученыхъ изслѣдованій — не будетъ излишнимъ и несовременнымъ обозрѣніе *Русскихъ*, или вѣрнѣе сказать, *Московскихъ лубочныхъ картинокъ*, соединяющихъ въ себѣ писменность съ лицевыми изображеніями. Для нашего простолюдья сіи политипажи замѣняютъ картинную галлерею, иллюстраціи и кипсеки.

О такихъ *простовикахъ* въ гравированіи [1] едва ли мы не первые говорили, тому лѣтъ за тридцать; [2] теперь возобновляемъ наше обозрѣніе, чтобы не оставить въ забвеніи и безъ употребленія въ дѣло вновь собранныхъ нами матеріаловъ, чтобы одно въ нашемъ сочиненіи дополнить, другое исправить; такимъ образомъ прежде изданное обозрѣніе наше теперь представляемъ въ бо́льшемъ объемѣ и въ новомъ видѣ отдѣльною книжкой. Когда оно было читано 1824 года въ засѣданіи Московскаго Общества Любителей Россійской Словесности: то нѣкоторые изъ членовъ его даже сомнѣвались, можно ли и должно ли допустить разсужденіе въ ихъ обществѣ о такомъ пошломъ, площадномъ предметѣ, какой предоставленъ въ удѣлъ черни? Впрочемъ рѣшено было принять ету статью только съ измѣненіемъ заглавія въ ней — вмѣсто *лубочныхъ картинъ*, сказать *простонародныя изображенія*. Такъ и напечатана она въ Трудахъ Общества.

Глубже вникая въ смыслъ и духъ проявленій Русской народности, въ близкой ихъ связи съ исторіей и жизнію народною, теперь уже не называютъ народныхъ пѣсенъ, какъ нѣкогда называли ихъ Третья-

---

[1] Такъ называются у ремесленниковъ и торговцевъ плохой и грубой работы гравюры.

[2] см. Труды Общества Любит. Росс. Словесности, 1824 г. часть IV.

ковскій и Сумароковъ, *подлыми*, а лубочныхъ картинокъ и сказокъ, какъ князь Кантемиръ и издатель его сатиръ Барковъ, *негодными и гнусными*. [3] До того чуждалась своей народности литература наша, увлеченная подражаніемъ Французской! И многіе писатели и художники конца XVIII, даже начала XIX вѣка, смотря только на одну грубую внѣшность такихъ произведеній простонароднаго художества и письменности, неиначе отзывались объ нихъ, какъ съ насмѣшкою и презрѣніемъ. Между тѣмъ въ западной Европѣ подобныя произведенія (litterature de colportage, les livres populaires, Völksbücher, einfache billige Bilderbogen, common pictures), становились предметомъ ученыхъ изслѣдованій, и въ Россіи смышленый иностранецъ, издатель анекдотовъ о Петрѣ I, Профессоръ Аллегоріи Штелинъ обратилъ свое вниманіе на Московскія лубочныя картинки (повидимому, какъ на *куріозности*, безъ дальнѣйшихъ соображеній). Въ 1760 году онъ составилъ довольно полное ихъ собраніе, которое, какъ увидимъ далѣе, поступило въ Императорскую Публичную Библіотеку. Изъ Русскихъ также появились собиратели такихъ народныхъ куріозностей.

Въ *куріозностяхъ* природы и художества тогда любителямъ ихъ представлялась одна только внѣшность безъ отношенія къ внутреннему значенію и цѣли; слѣдственно воззрѣніе ихъ ограничивалось одними внѣшними, случайными признаками, не касаясь внутреннихъ, существенныхъ. Въ такихъ предметахъ для подобныхъ любителей казалось занимательнымъ и любопытнымъ одно только странное и нелѣпое, забавное и каррикатурное, особливо если оно еще было и рѣдкимъ въ своемъ родѣ.

Съ такой стороны смотрѣли и на лубочныя картинки, въ коихъ художество остановилось на той самой степени, най како стояло въ младенчествѣ своемъ. Въ нихъ видѣли только неправильный до уродливости рисунокъ, совершенное отсутствіе перспективы, раскраску, похожую на малеванье, или мазанье, пошлость и грубость въ выраженіяхъ, высокое и величественное, перешедшее въ преувеличенное и чудовищное, забавное и смѣшное въ низко-комическое и балагурное; но не замѣчали смысла и духа въ самомъ содержаніи, идей въ образахъ. Нелѣпость и причудливость вкуса въ произведеніяхъ простонароднаго художества, или лучше сказать, ремесла, могли ли нравиться лю-

---

[3] *Кантемиръ* сатира: «Гнусно не будутъ лежать въ одномъ свертѣ съ Бовою» «или Ершомъ.»

бителямъ изящной живописи—воспитанникамъ Французской школы? Но что для ума предразсудки, то для чувствованія испорченный вкусъ. Вкусъ вѣка и націи имѣетъ свои причуды и странности, уполномоченныя незапамятною давностью. Развѣ Индѣйцы и Китайцы донынѣ не держатся своего народнаго пошиба въ живописи, какой у нихъ существуетъ тысящелѣтія? Да гдѣ же чернь не имѣетъ своихъ особенностей въ проявленіи своихъ мыслей и чувствованій? У нея обычаемъ, если не оправдывается, по крайней мѣрѣ, терпится гротескъ — нелѣпость въ формахъ, и бюрлескъ — странность во мнѣніяхъ и вкусѣ, полагающая неизгладимые отпечатки на произведенія простонароднаго искусства.

Не думайте, впрочемъ, чтобы простонародныя картинки въ Германіи и Франціи были лучше нашихъ въ художественномъ и умственномъ отношеніи. По замѣчанію одного ученаго изъ Русскихъ путешественника: «видѣнныя имъ на ярмаркѣ въ Сен-Клу Французскія лубочныя картинки ничто предъ нашими Московскаго издѣлія. И тѣ и другія, говоритъ онъ, рѣшительно въ одномъ стилѣ; «но въ Французскихъ нѣтъ той замысловатости, какую находимъ въ «нашихъ не потому, что онѣ наши, но потому, что онѣ дѣйствительно лучше Французскихъ.» [4] Прибавимъ, что въ нашей народной иллюстраціи нѣтъ такихъ развратныхъ книжекъ и картинокъ, какія у Французовъ находятся въ ихъ litterature de colportage, на пр: Картина супружеской любви (Tableau de l'amour conjugal), коей вышло безчисленное множество изданій и т. д. [5] Въ Германіи и Англіи, у тамошней черни есть свои лубочныя картинки. Сравните съ Русскими Нѣмецкія изданія простонародныхъ тетрадокъ и книжекъ съ политипажами въ родѣ лубочныхъ: Iobsiade, Rübezahl, Geschichte de sieben Schwaben и пр. — вы найдете въ нихъ разительное сходство съ стариннымъ пошибомъ первыхъ. Заглавія Нѣмецкихъ Азбукъ и Катихизисовъ и теперь еще украшаются изображеніемъ пѣтуха (символа бдительности и Петрова раскаянія), какое появилось въ Германіи при первомъ изданіи сихъ учебниковъ для простаго народа. Недавно въ Англіи Текерей (Thackeray) выдалъ прекрасный опытъ изображенія жизни народной въ пошибѣ простонародныхъ картинокъ подъ заглавіемъ: Pepy's Diary by Titmarsh.

---

[4] См. С.-Петербур. Вѣдомости 1859 г. № 177.

[5] Объ ней говоритъ Низаръ: Un détestable livre dont les villes et les campagnes ont été inondées.

Какъ въ западной Европѣ, такъ и у насъ въ Россіи, простонародныя картинки, по своему характеру и пошибу, составляютъ нѣчто отдѣльное и своеобразное въ мірѣ художественномъ, а соединенная съ ними писменность приняла особенный типъ, усвоенный себѣ простолюдьемъ. Вызванныя естественною потребностью выражать себя, олицетворять свои чувствованія и мысли, онѣ проявляютъ народность въ формѣ и предметѣ. Не смотря на свою разобщенность съ движеніемъ мысли, и художественности, онѣ входятъ въ соприкосновеніе съ исторіей Словесности и отечественныхъ художествъ.

Хотя пути науки и народной мысли и расходятся; но есть въ ихъ ходѣ такіе перекрестки, гдѣ они сходятся. Сближеніе жизни народной съ наукою, общечеловѣческаго съ національнымъ встрѣчается не только въ пословицѣ, пѣснѣ и сказкѣ, но и въ лубочныхъ картинахъ простолюдина, кои олицетворяютъ его вѣрованія, знанія и мнѣнія. Съ наукою Лубочная Словесность можетъ имѣть черезполосное владѣніе, не отдѣленное полюбовнымъ размежеваніемъ. Изъ жизни семейной и общественной вошли въ нее тѣ основныя начала, кои выработаны природнымъ характеромъ Русскаго человѣка, его собственнымъ сознаніемъ, его историческимъ развитіемъ, самобытнымъ воспитаніемъ и дѣятельностію: случайныя же уклоненія отъ такихъ началъ и разныя обстоятельства положили оттѣнки на жизнь, и художество, какіе найдемъ и у другихъ народовъ. Изъ области наукъ заимствованы Лубочною литературой истины, доступныя уму и близкія сердцу и приспособительныя къ жизни; потому что Русскій человѣкъ усвоиваетъ себѣ только то, что находитъ сроднымъ своему духу, характеру и быту. Чужое жь, несродное, ему не по душѣ и не по сердцу; ибо народъ не бездушный камень, на коемъ природа раститъ мохъ, а рука человѣческая можетъ начертать по произволу всякое изображеніе. Между тѣмъ какъ мысль и художественность приняли съ XVIII вѣка ускоренное движеніе, въ простовикахъ гравированія онѣ остались неподвижными; вмѣстѣ съ тѣмъ остаются неподвижными и коренныя начала вѣры и жизни, господствующія въ народѣ. Отставши отъ такого движенія, завѣтная мысль и наслѣдственная художественность составили особенность, какую поддерживала любовь къ старинѣ, укореняла привычка и благоговѣніе къ памяти предковъ. Въ какой сорочкѣ родилась у народа мысль, въ такой она и обжилась у него. Сколь ни грубъ и даже безобразенъ пошибъ лубочной картинки; но простолюдинъ такъ свыкся съ нимъ, какъ съ обычнымъ покроемъ своего сѣраго кафтана и съ нагольной шубой

изъ домашней овчины. Такой покрой, сколько бы, съ перваго взгляда, ни казался грубымъ, не отчуждаетъ ни ума, ни человѣчности, по собственному сознанію Русскаго крестьянина въ его пословицахъ: *Кафтанъ хоть сѣръ, а умъ не волкъ съѣлъ*; *Шуба овечья, а душа человѣчья.*

Теперь лубочныя картинки достались въ удѣлъ такъ называемой черни, т. е. многочисленнѣйшей и дѣятельнѣйшей части народа. Но было время на Руси, когда сословія еще мало разъединялись нравами и обычаями, когда завѣтныя игры и потѣхи были едва ли не однѣ и тѣже у крестьянина, купца и боярина. Въ это время, какъ увидимъ далѣе, такія картинки имѣли свободный доступъ и въ царскія палаты и въ боярскія хоромы и въ крестьянскія избы; ибо онѣ составляли, выключая развѣ немногихъ, не одну праздную забаву и безмысленную потѣху, но наглядное вразумленіе, дѣятельное руководство и поучительные образцы для жизни семейной и общественной, для настоящей и будущей.

Обращаясь ко внѣшности простонародныхъ естамповъ, замѣтимъ, что вообще подъ названіемъ *лубочныхъ* разумѣются не только отдѣльные листы, или гравюры, но и лицевыя тетрадки; текстъ въ нихъ дополняется и объясняется представленіемъ въ лицахъ самаго содержанія, тѣмъ самымъ сильнѣе впечатлѣвая его въ умѣ, памяти и воображеніи.

При первомъ взглядѣ на такія произведенія доморощеннаго художества, пробуждается вопросъ: почему онѣ слывутъ *лубочными*, когда вырѣзывались сперва на деревянныхъ (Ксилографія), потомъ на металлическихъ доскахъ (Металлографія) и теперь рисуются на камняхъ (Литографія), а отпечатываются на бумажныхъ листахъ? Поищемъ на ето отвѣта въ исторіи, преданіи и жизни народной.

Въ глубокой древности лубъ дерева, т. е. исподняя его кора, снятая съ липы, вяза и другихъ удобныхъ для рѣзьбы и письма деревъ, замѣнялъ недостатокъ бумаги; самое названіе книги у Грековъ *βίβλος*, у Римлянъ liber собственно значило *лубъ*; [6] потому

---

[6] *Cicero* de N. D. 11, 47; Obducebantur *libro*, aut cortice, trunci, quo sint a frigoribus et a caloribus tutiores. cf. *Virgil.* eccl. X, 67. Antiqq. Romanae, enarratae a D. D. *Fuss*, ed. 3. Lipsiae. 1837, in 8. О неизвѣстной рукописи въ Университетѣ Св. Владиміра, *П. И. Кеппена* въ Журналѣ Мин. нар. пр. 1839 г. Октябрь.

что въ частномъ употребленіи, для письма болѣе служили досточки изъ бѣлыхъ деревъ. Такъ и въ древности на Руси, по рѣдкости и дороговизнѣ пергамена, бомбицины и бумаги, писывали на берестѣ и лубѣ. Св. Іосифъ Волоколамскій свидѣтельствуетъ намъ, что въ обители Препод. Сергія, по скудости средствъ, писывали служебныя книги не на хартіяхъ, т. е. не на пергаменѣ, но на берестѣхъ [7]. Миллеръ изъ Сибири вывезъ писанные на берестѣ документы.

Изъ Псковской правой грамоты 1483 года обнаруживается, что на *лубѣ* чертили планы землямъ: «И Княжій бояринъ Михайло, да «Климента соцкой тое воды досмотрѣли, да *на лубѣ* выписали и «передъ осподою положили, да и велись бы *по лубу*,» т. е. межевались бы по лубочному плану. [8] Другой примѣръ встрѣчаемъ въ лѣтописи: въ 1577 году *Государскіе лубы* изъ покореннаго Новго«рода отвезены были къ Царю въ Москву» [9] Даже въ концѣ XVII столѣтія, какъ значится въ указѣ 1697 года, лубъ замѣнялъ бумагу; ибо пасквильныя письма, прибитыя къ городскимъ воротамъ, въ Москвѣ, тогда писаны были на лубкахъ.

Скажутъ: на лубкѣ можно писать, а нельзя вырѣзывать естамповъ. Но слово ето принято употребленіемъ не въ собственномъ смыслѣ, а въ напряженномъ, переносномъ. Липовыя доски, употребляемыя для рѣзьбы, по удобству самаго дерева, по природѣ своей, мягкаго, бѣлаго и неструистаго, называются также *лубами*, какъ и самая липа въ Рязанской Губерніи донынѣ слыветъ *лубомъ*. На такихъ-то доскахъ въ Москвѣ вырѣзывались обронно разныя картинки сначала духовнаго и историческаго, потомъ уже и разнаго содержанія, и отпечатывались на бумажныхъ листахъ. Древній обращикъ етой ксилографіи, хранившійся у Президента Спб. Академіи художествъ А. Н. Оленина, сообщенъ намъ въ точномъ снимкѣ Академикомъ Ѳ. Г. Солнцевымъ: ето отломокъ отъ луба толщиною $^1/_4$ аршина: на немъ обронно вырѣзано изображеніе какаго то князя, вѣроятно, (святаго), котораго видна только одежда съ длинными спущенными рукавами. Нѣсколько липовыхъ досокъ, по видимому, XVII и XVIII вѣковъ, съ вырѣзанными на нихъ обронными изображеніями, находилось въ Московскомъ древлехранилищѣ Г. Погодина. Образное письмо предшествовало буквенному.

---

[7] Преп. *Іосифа Санина* духовное правило, гл 19.

[8] Юридическіе акты, стр. 3.

[9] Въ Собраніи Росс. лѣтописей 1 Новгородская лѣтопись. 174.

До изобрѣтенія печатанія подвижными буквами, оттиснута рѣзанными на деревянныхъ доскахъ къ Западной Европѣ *Библія для бѣдныхъ* (Biblia pauperum, Bible des pauvres) съ естампами грубой работы.[10] Подражали етому и у насъ въ Россіи, какъ увидимъ далѣе. Хотя въ послѣдствіи ксилографія уступила мѣсто металлографіи и литографіи, деревянныя доски замѣнились металлическими и камнями; но названіе *лубочныхъ* усвоилось и гравированнымъ на мѣди картинкамъ тогоже пошиба, между тѣмъ, какъ оно собственно принадлежитъ только естампамъ, рѣзаннымъ у насъ на деревѣ. Етому соотвѣтствовало между прочимъ и то, что простонародныя картинки развѣшивались на лубкахъ для продажи и выставлялись при лубочныхъ комедіяхъ. Мѣстное преданіе на Москвѣ говорить, будто лубочныя картинки, или такъ называемые листы одолжены своимъ прозвищемъ улицѣ Лубянкѣ. Тамъ будто онѣ вырѣзывались на лубкахъ и печатались въ станкахъ печатниками, т. е. типографщиками въ Печатной слободѣ, бывшей у Срѣтенскихъ воротъ Бѣлаго города, а выставлялись на деревянной оградѣ церкви св. Троицы у Срѣтенскихъ воротъ Землянаго города (Сухаревой башни), на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ у ограды щепетильныя лавочки. За подлинное неизвѣстно, когда именно началась здѣсь такая выставка листовъ; но уже въ 1782 году урочище церкви слыло *на Листахъ*, какъ видно изъ подписи священника етой церкви Михаила Кубарева на сохранившейся ея лѣтописи.[11] Прихожане сего храма старожилы[12] помнятъ еще такую

---

[10] Histoire des livres populaires, ou de la litterature de colportage, par M. C. *Nisard*. Paris. 1844, t. III, p. 29.

[11] Въ обоюдномъ названіи етого урочища совмѣщаются разныя значенія слова *листы*, кои даютъ поводъ къ болѣе или менѣе вѣроятному объясненію урочища, по отношенію къ самой церкви, именно: [1]) *листы* значатъ древесные листы, постилаемые въ храмѣ на праздникъ Пятидесятницы. Въ уставѣ соборномъ и приходныхъ книгахъ XVII вѣка читаемъ, «что за вечерней въ Троицынъ день постилали въ соборѣ *листъ* — «Царь лежалъ *на листу*»; [2]) Стрѣльцы, строившіе ету церковь, за кирпичь, взятый изъ казны, дали Царю платежную память, а Царь пожаловалъ имъ за ихъ подвиги. А какъ всякаго рода актовыя бумаги въ старину вообще назывались *листами*, то изъ етого не безъ основанія выводится, что и церковь сооружена какъ бы *на листахъ* и [3]) наконецъ къ етому присоединяется продажа здѣсь у ограды въ концѣ XVIII столѣтія *листовъ*, т. е. лубочныхъ картинъ. см. «Церковь Св. Троицы на листахъ въ Москвѣ, описан. *И. Снегиреевымъ*, М. 1852 г. въ 12.»

[12] Между прочимъ по свидѣтельству причетника, служащаго при етой церкви болѣе 50 лѣтъ *И. Петрова*.

выставку до построенія каменной ограды; по ихъ свидѣтельству, первая прекратилась не ранѣе 1805, или 1806 г. Какъ бы то ни было; но подобныя обстоятельства, взятыя въ совокупности, легко могли дать поводъ къ названію простонародныхъ картинокъ *лубочными*, такъ что и другіе естампы плохой работы обыкновенно слывутъ лубочными. Листы сіи также извѣстны подъ именемъ *Суздальскихъ*, не по производству ихъ въ Суздалѣ, но по разнощикамъ ихъ Суздаламъ и по самому пошибу, близкому къ суздальскому иконному. Въ Сибири они извѣстны подъ названіемъ *Панковъ*, а въ Осташковѣ *Богатырей*, безъ сомнѣнія, потому, что представляютъ государей, военачальниковъ, героевъ и знаменитыхъ особъ.

По своему происхожденію, лубочныя картинки или *отечественныя*, или *заимствованныя* у чужестранцевъ. Древнѣйшія изъ первыхъ, какъ увидимъ, были преимущественно духовно-религіознаго содержанія, какое и донынѣ, по большей части, усвоиваютъ себѣ лубочныя картинки. Иностранцы пользовались и етимъ средствомъ для распространенія своихъ религіозныхъ мнѣній и вѣрованій въ Русскомъ мірѣ; они доставляли въ Москву Нѣмецкіе печатные листы, изображавшіе Спасителя І. Хріста, Богородицу, небесныя силы и святыхъ угодниковъ Божіихъ. Такія изображенія, по свидѣтельству Патріарха Московскаго Іоакима, «никакого подобія первообразныхъ «лицъ не являли своимъ неискусствомъ, но представлялись неисто«во и неправо, на подобіе лицъ своестранныхъ и *въ своестранныхъ «одеждахъ Нѣмецкихъ*.[13] Патріархъ етотъ въ 1674 г. запретилъ и «покупать такіе листы, кои печатали Нѣмцы еретики, лютеры и каль«вины, по своему проклятому мнѣнію.» Не смотря на ето, иностранные образчики не остались у насъ безъ подражанія, какъ видно изъ сvнодальнаго указа 1721 года, марта 20: появились тогда въ Москвѣ изображенія Святыхъ, несогласныя съ преданіемъ Церкви и съ подлинниками, или персональниками иконописцевъ, предосудительныя уже и по тому, что достойно покланяемые и чествуемые лики Святыхъ установлено православною Церковію писать на доскахъ, а не печатать на бумажныхъ листахъ.[14] Печатные же допускались духовнымъ начальствомъ неиначе, какъ только *для пригожства а а не для почитанія*; ими, замѣчаетъ Патріархъ Іоакимъ, «украшались

---

[13] Акты Археографіи Експедиціи. IV, № 200.
[14] Histoire der livres populaires, par *Nisard*.

«храмины, избы, клѣти и сѣни.» Изъ описи имущества духовныхъ особъ въ дѣлахъ Сѵнодальнаго приказа въ половинѣ XVIII вѣка значится, что въ крестовыхъ и сѣняхъ у духовныхъ властей на стѣнахъ наклеены были лубочныя картинки: Исторія въ лицахъ Блуднаго сына, Страшный судъ и другія назидательныя изображенія. Указъ 1721 г. марта 20 запрещаетъ выставлять «на продажу на Спасскомъ мосту и въ «другихъ мѣстахъ Москвы сочиненныя разныхъ чиновъ людьми служ«бы и каноны, равно и естампы (листы), печатанныя своевольно «кромѣ тѵпографіи.» Подражанія западнымъ картинкамъ религіознаго содержанія находимъ въ изданіяхъ XVII и XVIII вѣковъ *Священной Исторіи*, *Апокалѵпсіса*, *Притчи о Блудномъ сынѣ*, *Избіенія младенцевъ Иродомъ*, *Истиннаго начертанія беззаконнаго суда на Хріста отъ Іудей произнесеннаго*, наконецъ въ извѣстномъ въ Европѣ съ XIV вѣка памятникѣ ксилографіи, Speculum, въ нашемъ отечественномъ изданіи *Зерцало грѣшнаго* и пр.

Появившіеся на Москвѣ около половины XVII вѣка *Нѣмецкіе потѣшные печатные листы*—картинки забавнаго содержанія, продавались вмѣстѣ съ печатными книгами, рукописями, писчею бумагой, молотковыми и простыми картами въ Овощномъ ряду, потомъ на Спасскомъ мосту—етомъ старинномъ приютѣ въ Москвѣ пѣвцовъ Лазаря и Алексія Божія человѣка, также бахарей, т. е. сказочниковъ, имѣвшихъ доступъ въ царскія палаты, наконецъ книжниковъ, или книгопродавцевъ, торговавшихъ тамъ на хорахъ лавокъ. [15] Изъ приходно-расходныхъ книгъ Оружейной Палаты 1634 года видимъ, что Іюня 16 «дано торговымъ людямъ Овощнаго ряду за Нѣмецкія за «печатные листы 20 алтынъ, а взяли тѣ листы изъ Государевы ма«стерскія палаты въ хоромы Государю Царевичу, князю *Олексѣю «Михайловичу*, да Государынямъ Царевнамъ бояринъ Борисъ Ивано«вичь Морозовъ, да околничій Василій Ивановичь Стрѣшневъ.» Потомъ въ 1637 году, марта 8, «дано Овощнаго ряду торговому чело«вѣку Ондрюшкѣ Петрову за 9 листовъ потѣшныхъ 8 алтынъ и двѣ «денги; а листы принимала крайчея Соломонида Мезецкая.» Такіе жъ листы покупались тамъ и для Царевича Петра Алексѣевича. *Нѣмецкими* они назывались по ихъ происхожденію, а *потѣшными* по забавному и занимательному ихъ содержанію. Способъ учить картинами входилъ въ область стариннаго воспитанія. Наставникъ Царя

---

[15] Государевы мастерскія полаты книги приходно—расходныя. 7142 и 3 г. № 761; 7145 г. № 959.

Алексѣя Михайловича Морозовъ училъ его посредствомъ гравированныхъ въ Германіи картинокъ, изображающихъ разные достопамятные предметы въ мірѣ, какъ доказываетъ собраніе такихъ гравюръ, принадлежавшее Морозову и хранящееся у П. А. Муханова. Учитель Петра великаго Зотовъ, названный имъ въ шутку *Княземъ Папою, Патріархомъ Пресбурскимъ, Залузья и всего Кукуя*, т. е. Нѣмецкой слободы, [16] для впечатлѣнія въ памяти своего питомца важнѣйшихъ предметовъ изъ Географіи и Исторіи, велѣлъ наклеить на стѣнахъ учебной его комнаты виды знатнѣйшихъ городовъ Европы и изображенія разныхъ достопамятностей въ свѣтѣ. [17] Той же методы держались при обученіи Царевича Алексѣя Петровича: ему представлены были въ аллегорическихъ фигурахъ разныя науки подъ заглавіемъ *Градъ царства небеснаго.*

Бывшій въ Москвѣ, при Царѣ Алексіѣ Михайловичѣ Англичанинъ Самуилъ Коллинсъ видѣлъ тамъ Голландскія простонародныя каррикатуры на Англичанъ, кои очевидно принадлежали къ Нѣмецкимъ потѣшнымъ листамъ. Онѣ, говоритъ Англійскій туристъ, «изо«бражали Англію въ видѣ безхвостаго льва съ тремя опрокинутыми «коронами и множество большихъ собакъ съ обрѣзанными ушами и «хвостами.» «Такихъ неприличныхъ картинъ, замѣчаетъ Коллинсъ, «было много; онѣ производили большое дѣйствіе въ народѣ варвар«скомъ.» [18] Нѣмецкіе потѣшные листы содержали въ себѣ не однѣ каррикатуры, но и предметы вообще занимательные. Если бъ сличить Русскія балагурныя и сатирическія картинки съ старинными Голландскими, Нѣмецкими [19] и Польскими въ етомъ же родѣ: то, вѣроятно, нѣкоторыя изъ первыхъ, почитаемыя за отечественныя, оказались бы иноземными, по своему происхожденію, и наоборотъ. Въ Нирембергѣ Графъ А. С. Уваровъ нашелъ у одного Доктора значительное собраніе старинныхъ простонародныхъ картинокъ,

---

16 Исторія царствованія Петра Великаго, Н. *Устрялова*. Спб. 1858 г. т. II. пр. 24.

17 Записки Русскихъ людей. Спб. 1838, въ 8.

18 The present state of Russia, in a letter to a friend at London., by *Sam. Collins*. London. 1671, in 8, ch. XXIV.

19 Недавно вышла въ Германіи книга: Bibliothek der ältern deutschen Volks-Wunder-Curiositäten u. vorzugsweise komischen Literatur zur Kultur u. Sittengeschichte in Wort u Bild, 14 B.

между коими попались ему и сходныя съ Русскими лубочными. Тамъ, равно какъ въ Кёльнѣ, Нейрупинѣ и Минхенѣ, находятся особыя фабрики для такихъ картинокъ. Изъ Троа простонародные естампы расходятся по всей Франціи. Въ XVIII вѣкѣ, изъ Франціи и Голландіи нерѣдко проходили въ Россію картинки соблазительныя и безнравственныя.

Нѣмецкіе потѣшные листы, безъ сомнѣнія, переработывались у насъ въ особенныхъ исключительныхъ формахъ; ихъ передѣлывали на Русскій ладъ, или находя въ Русской жизни подобные предметы для воспроизведенія ихъ въ художествѣ, олицетворяли и въ лубочныхъ картинкахъ; нерѣдко черты отечественныхъ повѣрій и обычаевъ вставлялись въ иностранныя рамы, а иногда сцены изъ Нѣмецкой жизни облекаемы были въ Русскія формы и на оборотъ. Возмите напр. изображеніе на естампѣ въ лицахъ Семика: онъ является вамъ не въ видѣ разгульнаго Русскаго мужика, или фабричнаго, съ березкою въ рукѣ, но въ видѣ степеннаго Голландца съ трубкою во рту, сидящаго у открытаго окошка. На другой картинкѣ Масляница и Семикъ, въ иностранныхъ костюмахъ, подчиваютъ одинъ другаго не блинами, яичницей и драченой, а заморскими фруктами. Картинка *Голландскій лѣкарь и добрый аптекарь*, очевидно иностраннаго происхожденія. Самому *Погребенію кота мышами* находимъ ровень (pendant) въ Нирембергской простонародной картинкѣ: «Погребеніе охотника разными звѣрями,» коихъ онъ, при жизни своей, преслѣдовалъ и убивалъ. Черный гробъ его несутъ олени; на гробовой крышѣ сидитъ сова, держащая въ лапахъ, трубу и видна надпись: Ihm ist wohl und uns ist besser, т. е. ему хорошо, а намъ лучше. Впереди идутъ на заднихъ лапахъ двѣ лисицы, одна съ раскрытою книгой, а другая съ крестомъ; у самаго гроба вепрь съ заступомъ, какъ гробокопатель, далѣе слѣдуютъ разные звѣрки и птицы, позади осѣдланная охотничья лошадь и двѣ собаки. Надъ гробомъ парятъ птицы. — Между тѣмъ въ Русскомъ естампѣ болѣе единства: процессія состоитъ изъ однихъ только мышей, идущихъ также на заднихъ лапкахъ; но смыслъ одинъ, какъ въ Нѣмецкой, такъ и Русской каррикатурѣ, только въ первой не столько ограниченъ, сколько въ послѣдней; отъ сего одна можетъ быть примѣнена къ разнымъ лицамъ и временамъ, а другая къ одному предмѣту. Таже мысль олицетворена въ літографированной картинкѣ, изданной въ половинѣ текущаго столѣтія: *Погребеніе медвѣдя косолапа* тѣми звѣрями, которыхъ онъ угнеталъ. Г. Стасовъ находитъ между отечественными и иностранными картинками внѣшнее

различіе еще и въ томъ, что первыя форматомъ своимъ больше послѣднихъ.

Не останавливаясь далѣе на сличеніи и сравненіи Русскихъ лубочныхъ картинъ съ иностранными, которое могло бы завлечь насъ далѣе предѣловъ нашего обозрѣнія, перейдемъ ко времени изданія первыхъ. Начало ихъ въ Москвѣ относится къ XVII вѣку.

На лубочныхъ картинкахъ весьма рѣдко обозначались годъ и мѣсто печатанія; на то и другое могли бы указать фабричные знаки бумаги; но они выставлены на весьма немногихъ, сколько намъ удалось видѣть, екземплярахъ такихъ изданій. Остается только опредѣлить самое время изданія по содержанію и пошибу, по языку текста и почерку буквъ.

Предоставляя себѣ говорить въ особомъ отдѣлѣ о содержаніи лубочныхъ естамповъ, мы должны бы здѣсь упомянуть о сочинителяхъ и самыхъ издателяхъ; но они, къ сожалѣнію, весьма мало извѣстны, такъ какъ и сочинители пѣсенъ, сказокъ и пословицъ, потому что очень рѣдко выставляли свои имена на лубочныхъ картинахъ и тетрадкахъ. Ето было выморочное имѣніе, поступившее въ общее достояніе народа. Вѣроятно, нѣкоторые изъ знаменщиковъ т. е. рисовальщиковъ, и граверовъ были вмѣстѣ и составителями такихъ картинокъ. Кромѣ того, могли выдавать или сообщатъ первымъ матеріялы для лубочныхъ листовъ и тетрадокъ, странники къ св. Мѣстамъ — тѣ «калики перехожіе, которые на торгахъ пѣвали «немалыя сказаньица про стару старину, про Божіихъ людей, про «Великъ Новгородъ и каменну Москву», бахари, или сказочники верховые, т. е. придворные, [20] потомъ такъ называемые, кажется, Третьяковскимъ, «стихотворцы Спасскаго моста,» справщики, т. е. типографскіе корректоры и переводчики Посольскаго Приказа, изъ которыхъ извѣстенъ въ XVII вѣкѣ, какъ писатель, Богданъ Лыковъ. Наконецъ преданіе приписываетъ замысловатому шуту Петра Великого Балакиреву сочиненіе нѣкоторыхъ балагурныхъ и сатирическихъ картинокъ; издателемъ нѣкоторыхъ лубочныхъ тетрадокъ былъ Матв. Комаровъ.

---

[20] При Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, любительницѣ Русскихъ сказокъ, былъ старикъ придворный камеръ лакей, знавшій множество сказокъ; онъ не рѣдко разсказывалъ ихъ Императрицѣ въ досужные часы ея отдыха. Сообщено *В. И. Панаевымъ*.

Первоначальной основой для лубочныхъ естамповъ служили, по большей части, кромѣ изустнымъ преданій, рукописныя сказанія и повѣсти. Представленіе въ лицахъ упрощеннаго разсказа дѣлало его нагляднымъ. Сверхъ того, издатели лубочныхъ листовъ и тетрадокъ духовно-религіознаго, нравственнаго и историческаго содержанія почерпали предметы изъ св. Исторіи, изъ притчей Соломоновыхъ, Сіраховыхъ и Евангельскихъ, изъ Апокалипсіса, изъ Четій-Миней, изъ рукописныхъ и печатныхъ Прологовъ, Патериковъ (Палестинскаго, Египетскаго, или Лімонаря, Александрійскаго, Святогорскаго, Синайскаго, Скитскаго, Печерскаго и Соловецкаго), изъ рукописныхъ житейниковъ Святыхъ православной Церкви, изъ Мірозрительнаго Зерцала, изъ Лѣствичника, изъ Лѣтописей, Хронографовъ и Сборниковъ. Рядомъ съ такими источниками попадались сочиненія писателей, которыхъ никогда не признавали учителями Церкви, статьи, несогласныя съ Св. Писаніемъ и ученіемъ Отцевъ Церкви. Въ понятіяхъ стариннаго книжника не было строгаго различія между текстомъ Св. Писанія и писаніемъ отеческимъ, между мыслями, согласными съ тѣмъ и другимъ. Въ слѣдствіе сего стали называть Св. Писаніемъ и отеческимъ всякое сочиненіе, въ заглавіи коего выставленъ текстъ Св. Писанія, или изреченіе отеческое. Сначала ето происходило отъ необразованности, а въ послѣдствіи отъ недобросовѣстности. Древніе и старинные книжники, изъ желанія возбудить вниманіе читателей къ своему и чужому произведенію, прямо называли его *сказаніемъ отъ Св. Писанія*, или *отъ Св. Отецъ*. [21] Такъ распространилось въ старину множество ложныхъ сочиненій, наполненныхъ суевѣріями и заблужденіями. Посему иногда издатели и составители неправильно приписывали статьи, заимствованныя изъ разныхъ рукописныхъ сборниковъ. то Соломону, то Златоусту, одному, какъ представителю ветхозавѣтной практической мудрости, другому, какъ образцу краснорѣчія хрістіанскаго, напр.: первому присвоены нижеприведенная нами притча о *судѣ* его и другіе суды [22], а послѣднему слово его о *злыхъ женахъ* и *о немилостивомъ богачѣ*, гдѣ Златоустъ, жившій въ IV вѣкѣ, ссылается на Св. Григорія исповѣдника—писателя VII вѣка. Первому приписывается невѣжествомъ также подложное сказаніе *о старомъ мужѣ* и *молодой женѣ* съ подписью на картинкѣ, изображающей корову съ крестьянкой, ее доящею, овцу съ кре-

---

[21] О почитаніи книжномъ въ Православномъ Собесѣдникѣ, Казань. Іюль, 1857 г.

[22] Очеркъ старинной Русской Литературы, Г. *Пыпина* къ От. Зап. 1858 г. № 1.

стьяниномъ, ее стригущимъ и старика съ молодою женой: «Зла-«тоустъ сице рече:» Корова носитъ млеко не для себя, а для про-«чихъ, овца носитъ руно не для себя, а для прочихъ, старикъ же-«нится на молодой не для себя, а для прочихъ.» У раскольниковъ печатанныя въ Слободахъ лубочныя картинки служили средствомъ къ распространенію раскола; съ такою цѣлью они раздавали ихъ и привозили иногда на ярмарки. [23]

Какъ въ Германіи и Англіи, такъ и въ Россіи, простой народъ изъ картинокъ, коихъ содержаніи заимствовано газетъ, узнавалъ великихъ людей своего времени и отечества, замѣчательныя явленія въ мірѣ умственномъ, нравственномъ, физическомъ, и политическомъ. [24] Съ появленіемъ, въ началѣ XVII вѣка, на Москвѣ иностранныхъ газетъ подъ общимъ названіемъ Курантовъ, переводившихся на Русскій языкъ въ Посольскомъ приказѣ для Двора, [25] равно и съ изданіемъ въ Москвѣ Вѣдомостей, съ 1703 года нѣкоторыя изъ нихъ куріозныя статьи переходили на лубочные листы въ лицахъ, и такимъ образомъ расходились въ народѣ. На этихъ листахъ изображаемы были полководцы, прославившіеся побѣдами на сушѣ и на морѣ, взятія крѣпостей и сраженія съ краткимъ описаніемъ. Такъ увѣковѣчивались въ памяти народной Петръ Великій, Шереметевъ, Меншиковъ, Румянцевъ, Потемкинъ, Суворовъ, Кутузовъ; Полтавская побѣда, войны Турецкая, Семилѣтняя, Польская, незабвенный 1812 годъ. Въ область отечественныхъ воспоминаній входили иностранные герои: Карлъ XII, Фридрихъ великій, Костюшко, Георгъ Черный, Наполеонъ Бонапарте и другіе.

Между лубочными картинками въ XVIII вѣкѣ намъ не попадалось портретовъ Россійскихъ Государей, вѣроятно, отъ того, что лубочное гравированіе не могло удовлетворить строгимъ требованіямъ указа Петра Великаго 1723 г. Января 21, коимъ повелѣвалось «Императорскія персоны искусно писать свидѣтельствованнымъ въ добромъ «мастерствѣ живописцамъ со всякою опасностію и съ прилежнымъ «тщаніемъ, а продаваемыя въ Москвѣ по разнымъ мѣстамъ и нахо-«дящіяся по домамъ отобрать въ Сунодъ.» Подобные указы и послѣ повторялись.

---

[23] Русскій Расколъ старообрядства, соч. А. Щ[illegible]. Казань. 1859 г.

[24] [illegible] въ Conversationslexicon der Gegenwart, XVII B. Leipz. 1839. in 8.

[25] Реестръ газетъ извлеченій изъ нихъ на Россійскомъ, Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Голландскомъ, Англійскомъ, Французскомъ и Польскомъ языкахъ, печатанныхъ и писанныхъ, съ 1631 по 1794 годъ, № 62, въ Главн. Моск. Архивѣ М. И. Д.

Въ Западной Европѣ, послѣ Библіи, были, по всему вѣроятію, древнѣйшими книгами *Альманахи* и *Календари*; въ числѣ ихъ были астрологическія, магическія и діавольскія. [26] Съ XVI вѣка появляются у насъ въ переводахъ извлеченія изъ оныхъ, а миніатюрныя изображенія въ рукописяхъ; многія изъ нихъ перешли на лубочныя картинки. Оттуда же къ намъ пришли *Оракулы и толкованія сновъ.*

Въ началѣ текущаго столѣтія стали заимствовать содержаніе для народныхъ картинокъ изъ источниковъ, чуждыхъ духу, характеру и понятію Русскаго человѣка: изъ романовъ и повѣстей Гете, Радклифъ, Коттень, Шатобріана; перегравировывались иностранные естампы безъ перемѣны.

Не смотря на такое вторженіе иностранныхъ стихій въ нашу лубочную литературу, освоившіяся съ Русскимъ простолюдьемъ старинныя картинки повторялись во многихъ переводахъ (изданіяхъ), кромѣ тѣхъ, кои совершенно утратились въ 1812 году. Однѣ съ другими составляли совершенную противоположность, какъ явленія изъ двухъ различныхъ міровъ. Замѣненіе старыхъ картинокъ новыми улучшенными едва ли произведетъ такое жь впечатлѣніе на умъ и сердце простолюдина, какое производили и даже теперь производятъ старыя; потому что Русскій, какъ мы замѣтили выше, уже свыкся съ ихъ содержаніемъ и пошибомъ, не охотно мѣняетъ старое на новое, особливо на несродное съ его бытомъ, духомъ, вкусомъ и понятіемъ, неуполномоченное незапамятною давностью.

Въ заключеніе нашего введенія укажемъ на сочиненія, посвященныя размотрѣнію лубочныхъ картинокъ.

I. О простонародныхъ изображеніяхъ, соч. *И. Снегирева*, въ Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности. М. 1824 г. часть IV, стр. 119 и 149. [27] Спустя послѣ того 10 лѣтъ, статья ета съ дополненіями перепечатана была въ Москвитянинѣ и въ Симбирскомъ Сборникѣ.

Въ Dorpater Iahrbücher 1835, № 1: Ueber die Schriftstellerei des Russifchen Volks, von Dr W. F. Dahl.

3. Взглядъ на старинную Русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ. С-та. Въ Москов. Вѣдомостяхъ 1856 г. № 132, 133, ст. 1, 2 и 3.

---

[26] L'Histoire des livres populaires par *Nisard.*

[27] До того сообщено было мною краткое извѣстіе объ етомъ предметѣ въ Отеч. Записки, изд. Г. Свиньинымъ.

4. *Нѣсколько данныхъ изъ лубочныхъ картинокъ.* Москов. Вѣдом. 1856 г. № 156.

Первоначальныя изданія и даже старые переводы лубочныхъ картинъ, время отъ времени, становятся болѣе рѣдкими, такъ что ихъ весьма трудно отыскивать. До 1822 года картинки сіи печатались безъ Цензуры; потомъ ихъ подвергнули разсмотрѣнію Полиціи. Тогда запрещены были нѣкоторыя изъ нихъ, а другія, даже самыя доски уничтожены. Наконецъ всякаго рода естампы подчинены были разсмотрѣнію Цензуры и въ Уставѣ ея, изд. 1826 года, § 183 узаконено: «При «разсматриваніи всякаго рода изображеній, представляемыхъ къ одо«бренію для гравированія, или літографированія, наблюдать: 1) чтобы «оныя имѣли нравственную, полезную, или, покрайней мѣрѣ, без«вредную цѣль; 2) чтобы не были оскорбительными правительству, на«родной чести, какому либо сословію вообще, или лицу въ особен«ности; 3) чтобы портреты лицъ Августѣйшей Фамиліи имѣли худо«жественное достоинство, приличествующее изображенію Особъ «Высочайшаго Дома и желательное въ сихъ случаяхъ сходство.» Пожаръ и другія обстоятельства были тоже причиною истребленія многихъ изъ этихъ любопытныхъ памятниковъ Русской народности: притомъ картинки сіи не вставляются въ рамки за стекломъ, но чаще наклеиваются на стѣнахъ домовъ, или попадаясь въ руки дѣтей, испытывали ту же участь, какъ ихъ игрушки.

Но въ царствованіе Екатерины II были охотники до куріозностей (такъ назывались тогда рѣдкія произведенія природы и искусства), которые собирали ихъ болѣе для любопытства и хвастовства, чѣмъ для изученія: таковы основатель Московскаго Воспитательнаго дома Прокопій Акимов. Демидовъ, государственный сановникъ и литераторъ А. И. Алтуфьевъ, * который въ прошломъ столѣтіи владѣлъ весьма рѣдкимъ собраніемъ лубочныхъ картинокъ, стоившимъ ему въ то время 5000 р. Также основатель Ярославскаго Лицея П. Г. Демидовъ имѣлъ у себя коллекцію оныхъ. Какъ неизвѣстна участь такихъ коллекцій, равно какъ и собранія разныхъ историческихъ и забавныхъ листовъ, печатанныхъ въ домѣ книгопродавца, Московскаго 2 гильдіи купца Ильи Яковлевича Алтуфьева.

---

* По свидѣтельству Профессора Ив. Ѳ. Тихонравова, сообщенному имъ бывшимъ Ректоромъ Кіевскаго Университета М. А. Максимовичемъ.

нѣйшее собраніе лубочныхъ картинъ находится въ Импера-
й Публичной Библіотекѣ, въ составъ коего вошли коллекціи
Ітелина, Погодина и Снегирева.
ераторская С. П. Академія Художествъ также владѣетъ зна-
нымъ собраніемъ такихъ естамповъ. Замѣчательныя ихъ кол-
находятся въ Москвѣ у Д. А. Равинскаго, а въ С. Петербургѣ
П. Каратаева, перешедшая Шишкину, у Н. Т. Яковлева, у ко-
находилось Демидовское собраніе луб. картинокъ. Въ драго-
й библіотекѣ А. Д. Черткова хранились и произведенія Моск.
ой иллюстраціи.
тѣсной связи етой лубочной иллюстраціи съ исторіею гра-
нія и писменности отечественной, мы сперва коснемся: 1.
и простонароднаго гравированія въ Московскомъ мірѣ, етой
винѣ Русской народности, гдѣ оно получило свое начало и
остраненіе, потомъ перейдемъ 2. къ самому содержанію, кото-
кроетъ намъ подлинный смыслъ простонародныхъ произведе-
го искусства, или вѣрнѣе, ремесла. Упомянувъ вкратцѣ о кар-
тъ, болѣе извѣстныхъ и самимъ заглавіемъ своимъ уже объя-
цихъ намъ свое содержаніе, мы будетъ говорить съ нѣкото-
одробностью о рѣдкихъ и менѣе гласныхъ, особливо если ихъ
етъ почему либо достоинъ вниманія, или изслѣдованія; гдѣ
можно и сколько намъ доступно, укажемъ на источники, изъ
заимствовано ихъ содержаніе. Какъ вновь составленныя и вы-
я изъ літографій простонародныя картинки своимъ предме-
характеромъ и пошибомъ отступаютъ отъ прежнихъ: то мы
болѣе ограничимся вышедшими въ концѣ XVII, въ теченіи
и въ началѣ XIX вѣка, рѣзанными на деревѣ и металлахъ.

I.

О ГРАФИЧЕСКОМЪ ИСКУССТВѢ ВЪ РОССІИ,

ОСОБЕННО ВЪ МОСКВѢ.

Церковная живопись и грамотность, перешедшія вмѣстѣ съ Христіанскою вѣрою въ Русскій міръ изъ Византійскаго, служили дѣйственными средствами къ распространенію истинъ вѣры и правилъ благочестія, кои начертывало перо и олицетворяла кисть. Сочетаніемъ образа съ словомъ онѣ глубже впечатлѣвались въ воображеніи, памяти и понятіи простолюдина.

Кромѣ стѣнописи, вошла въ употребленіе миніатюрная живопись на пергаменѣ, бомбицинѣ и тряпичной бумагѣ, тѣмъ болѣе, что ея произведенія могли имѣть движеніе. Съ древнѣйшихъ временъ, на Руси любили украшать миніатюрными изображеніями священныя, церковныя и богослужебныя книги, сборники, лѣтописи, житейники Святыхъ, сунодики. Судя по уцѣлѣвшимъ до нашихъ временъ лицевымъ рукописямъ, съ достовѣрностію можно предполагать о множествѣ погибшихъ въ пожары, утраченныхъ отъ небреженія, истребленныхъ невѣжествомъ. Драгоцѣнные памятники миніатюрной живописи находимъ въ древнѣйшихъ рукописяхъ, каковы: Святославовъ Сборникъ, Житіе Бориса и Глѣба, Временникъ Георгія Амартола, Георгія Пісида, лицевыя Псалтыри и Апокалипсисъ XV и XVI вѣковъ, Козьма Индикопловъ, Царственный лѣтописецъ и многія другія рукописи въ Московской Патріаршей, Типографской, Сунодальной, Соборныхъ, Чудовской, Московской и С. Петербургской Духовныхъ Академіяхъ, въ Новгородской Софійской, въ библіотекахъ разныхъ монастырей, въ Спб. Публичной Библіотекѣ, также въ собраніяхъ

у частныхъ людей. Тамъ встрѣчаемъ драгоцѣнныя по древности, рѣдкости и даже искусству миніятюры, писанныя корпусными и водяными красками, съ золотомъ и серебромъ. Кромѣ строгости и замысловатости рисунка, въ нихъ достойны замѣчанія и даже удивленія твердость, свѣжесть и яркость красокъ, чрезвычайная тщательность въ отдѣлкѣ.

Приютами и мастерскими миніатюрной живописи были, по большей части, монастыри, а мастерами монахи, которые упражнялись въ переписываніи книгъ Св. Писанія и богослужебныхъ, лѣтописей и другихъ сочиненій духовнаго, нравственнаго и историческаго содержанія, украшали ихъ миніатюрами.

Для успѣшнѣйшаго распространенія въ народѣ такихъ изображеній, недоставало только въ Россіи гравированія, коего начало въ Европѣ покрыто непроницаемымъ мракомъ. [1] Искусство ето могло быть случайнымъ у разныхъ народовъ, попавшихъ на одну мысль: потому что Германія едва ли сносилась съ Италіей о введеніи гравированія въ 1430 и 1440 годахъ. Вѣроятно, Россія усвоила себѣ ето художество, заимствованное ею отъ Западной Европы, вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ. То и другое посему извѣстно было подъ именемъ *Фряжскаго дѣла*; первые граверы назывались у насъ *Фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастерами*, а подъ названіемъ Фряговъ, Фрязиновъ разумѣли вообще западныхъ Европейцевъ. [2]

Какъ всякому изобрѣтенію почти всегда предшествуютъ приблизительныя попытки: то и введенію въ Россію Фряжскаго дѣла предшествовало свычное Русскому народу вырѣзываніе писменъ и фигуръ; на деревѣ и металлахъ. Монголо-Татары познакомили насъ съ образщиками Китайскаго печатанія на бумагѣ, на бумажныхъ и шелковыхъ тканяхъ; недоставало только умѣнья вырѣзанное на деревѣ и металлѣ отпечатывать на пергаменѣ и бумагѣ; ибо, задолго до введенія книгопечатанія и гравированія въ Россіи, уже оттискивали (басмили) на воскѣ, кожѣ, берестѣ, холстинѣ и оловѣ (не говорю уже о печатныхъ пряникахъ), вырѣзанныя на деревѣ и металлахъ надписи

---

[1] L'histoire de la peinture en Italie, par l'abbé *Lanzi*, trad. par Mme Dieudé. t. I. à Paris, 1824, in 8.

[2] Разборъ сочиненія Д. Равинскаго: Обозрѣніе Русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ до 1725 г. состав. *В. Стасовымъ* въ Отчетѣ о второмъ присужденіи наградъ Графа Уварова. Спб. 1857 г.

и разныя фигуры, какъ свидѣтельствуютъ намъ древнія печати святительскія, великокняжескія, царскія, настоятельскія, посадничьи, также найденный въ каменныхъ гробницахъ у Спаса на Бору въ Москвѣ кожаный парамандъ и поясъ XIV вѣка съ вытиснутыми на нихъ изображеніями праздниковъ и подписями, открытыя въ старыхъ могилахъ тисненые берестяные вѣнчики, какіе полагались на усопшихъ, наконецъ набиваніе холста, на коемъ оттискиваются досками разные узоры. По сродству съ етими опытами, скоро усвоилось и гравированіе въ Россіи.

Въ Германіи, Голландіи и Италіи гравированіе на деревѣ не только предшествовало книгопечатанію, но даже привело къ открытію послѣдняго и осталось тѣсно связаннымъ съ нимъ. Въ Россіи гравюра на деревѣ является въ одно время съ типографіей. Ксілографическія книги и отдѣльные листки, гравированные на деревѣ, въ самомъ началѣ ничто иное были, какъ повторенные на деревянныхъ доскахъ рисунки миніатюръ изъ рукописей; они легче и скорѣе расходились въ народѣ, чѣмъ миніатюры.

Сколько извѣстно, Нѣмцы первые начали вырѣзывать на деревѣ и печатать на бумагѣ изображенія событій изъ Св. Исторіи, собранныя въ Вольфенбиттельской и другихъ библіотекахъ Германіи. Поляки и Литовцы, заимствовавъ отъ нихъ етотъ способъ олицетворенія, сообщили его сосѣдямъ своимъ—Москвичамъ. Въ началѣ XVI вѣка, явилось въ Литвѣ Скоринино изданіе Русскаго перевода библейскихъ книгъ, со многими виньетами и естампами и съ портретомъ самаго Доктора Скорины, вырѣзанными на деревѣ. Въ половинѣ тогожь столѣтія, когда Галиція славилась своими типографіями и граверами, вызванные Царемъ Иваномъ Васильевичемъ изъ Германіи и Даніи въ Москву, типографщики [3] завели типографію, коей, можетъ статься, содѣйствовали и Галицкія; тогда вмѣстѣ съ книгопечатаніемъ возникло и въ Россіи гравированіе на деревѣ и тисненіе на бумажныхъ листахъ; оно украшало печатныя книги заставками, виньетами и естампами, подобно рукописямъ. Миніатюры изъ харатейныхъ и бумажныхъ рукописей послужили образчиками для гравюръ. Къ первой, доселѣ извѣстной намъ, вышедшей 1564 года

---

[3] О сношеніяхъ Датскаго Короля Хрістіана III съ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ касательно заведенія типографіи въ Москвѣ, ст. *И. Снегирева* въ Русскомъ истор. Сборникѣ О. И. и Д. Р.

изъ Московской типографіи, книгѣ Апостолъ, приложено было изображеніе св. Евангелиста Луки, вырѣзанное на деревѣ крупными грубыми чертами (штрихами), наподобіе прорѣзи. Гравюра ета, въ пошибѣ Византійскомъ, донынѣ остается первой и единственною Русскою. Такого жъ пошиба естампъ, представляющій пророка Давіда, присоединенъ къ Псалтыри, напечатанной въ Москвѣ 1568 года Никифоромъ Тарасіевымъ и Невѣжею Тимоѳеевымъ, а въ Александровской слободѣ 1576 года Андроникомъ Тимоѳеевымъ. На етихъ гравюрахъ не находимъ имени художника; но по тому, что въ XVI вѣкѣ типографщики бывали нерѣдко и граверами, можно заключать, что первые наши книгопечатники дьяконъ Иванъ Ѳедоровъ, Петръ Мстиславецъ и его преемники, вѣроятно, знали то и другое искусство, столь сродныя между собою. Не прежде, какъ въ 1597 году появилась первая гравюра, изображающая Евангелиста Луку, съ именемъ рѣщика, гравера Андроника Тимоѳеева Невѣжи, который по сему долженъ быть признанъ первымъ исторически извѣстнымъ Московскимъ граверомъ. Ета гравюра, (на коей внизу въ орнаментѣ рамки означено на оборотѣ *Андроникъ Тимоѳѣевъ Невѣжа*) приложена къ Апостолу, напечатанному въ Москвѣ; потомъ она перепечатана при Московскомъ Апостолѣ 1606 г. которой изданъ сыномъ Андроника Иваномъ Невѣжею. Въ Кіевѣ гравированіе является позднѣе. Къ напечатаннымъ [4] тамъ Виршамъ на погребъ Гетмана Сайгадачнаго 1622 г. приложены картинки гражданскаго содержанія и портреты, (Кіевлянинъ, 1850 г. 111), также къ Акаѳістнику 1629 г. Гравюрамъ изъ него: Безгрѣшная и грѣшная душа, находимъ подражаніе въ переводахъ Моск. лубоч. картины. Къ Кіевскому Литургіаріону 1629 г. приложено нѣсколько естамповъ, рѣзанныхъ на деревѣ. Присоединенные къ Патерику Печерскому 1663 г. естампы отдѣльно изданы въ тетрадяхъ.

Въ 1612 году, въ Московской типографіи были уже станы на Фряжское дѣло, т. е. для печатанія книгъ и вмѣстѣ естамповъ;

---

[4] Историческій Сборникъ Павла М. Строева, рукоп. полуустав. XVII вѣка, въ 4. «Лѣта 7120 (1612) Іюля въ день Великія Московскія державы Московскаго Государства, по приказу бояръ и воеводъ, положена смѣта, во што станутъ двѣ штанбы печатные здѣлати, да станы на фрязское дѣло со всѣмъ сполна, какъ въ нихъ печатати всякие книги, всего ТПЗ рублей, ко алтынъ с деньгою.»

работали знаменщикъ Ѳедоръ Сергѣевъ и рѣзецъ, т. е. рѣщикъ, граверъ Аѳанасій Никоновъ. Тогда *знаменованіемъ* называлось рисованіе и даже раскрашиваніе до тѣхъ поръ, пока еще искусство ето не раздѣлилось на *знаменованіе* и *граверованіе*, или какъ писалось въ томъ и послѣдующемъ вѣкахъ, *гридированіе*. Хотя Г. Сахаровъ и утверждаетъ, будто у насъ граверы въ XVII столѣтіи слыли *знаменщиками*: но, какъ показываютъ самые памятники гравированія, *знаменовать* значило дѣлать очеркъ, рисовать, а *граверовать* — рѣзать, вырѣзывать на деревѣ и металлѣ. [5] Такъ на гравированномъ естампѣ конца XVII вѣка, изображающемъ Спасителя міра съ крестомъ на рменахъ, находимъ подпись: «*знаменилъ* Сімонъ Ушаковъ, *рѣзалъ* Василій Андрѣевъ.» На одномъ листѣ лицеваго Апокалипсіса, гравированнаго 1696 г. въ Москвѣ, означено: «*рѣзалъ* Василій Корень, *знаменилъ* Григорій.» Произведенія Московской Кеглографіи, теперь весьма рѣдкія, по рисунку и исполненію грубы и уродливы: но какъ зародыши искусства, какъ первые его попытки, любопытны и драгоцѣнны.

Едва ли можно предполагать, чтобы въ XVI вѣкѣ гравированные естампы духовнаго содержанія издавались отдѣльно: потому что Церковью и отеческимъ преданіемъ запрещено писать иконы не на бумажныхъ листахъ, а на доскахъ. Кіевскій Митрополитъ Петръ Могила приводитъ въ свидѣтельство нарушенія сего преданія что въ Новгрудскомъ монастырѣ, въ церкви Митрополичьей каѳедры были образа бумажные. [*] Не вѣроятно также, чтобы искусство ето, первоначально посвященное предметамъ религіознымъ, могло быть употреблено на изображеніе мотѣшныхъ листовъ въ родѣ дубовой картинки, представляющей *потѣшную Бобы Жаку и кукольницу*. Г-нъ С-ръ ету картинку, хранящуюся въ Императорской С. Петербургской Публичной Библіотекѣ, относитъ къ XV вѣку, т. е. [illegible] еще въ Москвѣ [illegible] гравированія. Но, по нѣшнимъ и внутреннимъ признакамъ, по бумагѣ, по филигранамъ на ней явленнымъ, [illegible] и языкъ [illegible] [illegible] въ XVIII

---

[5] [illegible] Сим. Арх. лет. Спб. 1881 г. 2. стр. 12

[*] [illegible] Бобы. [illegible] 1884 г. № 6.

[illegible] [illegible] 1886 г. № 52

столѣтіи. По наблюденію Г. Стасова, бумага естампа желтоватая, довольно плотная, однако съ прожимками; въ ней есть два филигранные знака, извѣстные Тромонину. Такіе знаки показываютъ, что означенный екземпляръ относится къ концу царствованія Екатерины второй — 1780 г. или, можетъ статься, какъ полагаетъ Г. Стасовъ, «нѣсколько рановременнѣе.»

Въ XVII вѣкѣ, сблизившемъ Россію съ Западною Европой, при распространеніи книгопечатанія, сдѣлавшагося проводникомъ просвѣщенія и вмѣстѣ орудіемъ для расколовъ, дѣятельность графическаго искусства усилилась не только въ Москвѣ, но и въ Кіевѣ, Черниговѣ, Могилевѣ, и еще въ нѣкоторыхъ монастыряхъ гравированіе шло рука объ руку съ книгопечатаніемъ, какъ его принадлежность, до самаго ихъ раздѣленія, и одно помогало другому.

Съ введеніемъ Металлографіи, не прекращалось рѣзаніе на деревѣ (Ксѵлографія), которое наконецъ уступило мѣсто Літографіи.

Какъ предметы книгопечатанія, такъ и гравированія, почти до половины XVII вѣка, были только духовные, и самые художники, или мастера, по большей части, духовнаго званія. Изъ граверовъ того вѣка особенно славились своими произведеніями: въ 1606 году Онисимъ Радошевскій, въ 1615 году Аникита Ѳедоровъ Ѳофановъ; потомъ Іерей Прокопій, Паисій Сійскій, издатель Святцевъ съ естампами, рѣзанными на деревѣ въ Сійскомъ монастырѣ, Фряжскихъ рѣзныхъ дѣлъ мастеръ Василій Андреевъ, Леонтій Бунинъ, Василій Корень и пр.

Въ началѣ XVII вѣка появляются на Руси и отдѣльные естампы, кои Митрополітъ Евгеній относитъ къ царствованію Алексія Михайловича и къ патріаршеству Іосифа; [8] но въ библіотекѣ Графа Ѳ. Толстаго къ рукописи Св. Іоанна лѣствичника приложена была гравированная на деревѣ картинка 1629 года, слѣдств. относящаяся къ царствованію Михаила Ѳеодоровича и къ Патріаршеству Філарета, съ надписью: *Темница Богоугодная Святыхъ осужденникъ.* [9] Г. Стасовъ приводитъ еще пять отдѣльныхъ листовъ, весьма важныхъ для исторіи нашего гравированія: 1. Неопалимыя купины, одну съ означеніемъ

---

[8] Словарь историческій описателяхъ въ Россіи духовнаго чина, сочин. *М. Евгенія*, изд. 2.

[9] Описаніе Славено-русскихъ рукописей Графа Ѳ. А. Толстаго. изд. *К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ*. М. 1825 г. въ 8.

1626 г. а другую 1627 г. 2. Памвы Берынды въ Ливіи, которому женщина приноситъ деньги для раздачи нищимъ, 1627 г. 3. св. Акулина въ ростъ, на черномъ полѣ, на коемъ видѣнъ 1627 г. и представлены луна и звѣзды, кои изображены на карт. Темницы осужденныхъ; 4. о Препод. Памвѣ Нітрійскомъ.

Тогда же изданы въ Москвѣ съ гравированными на деревѣ естампами книги: Лицевая Библія Мартыномъ Нехорошевскимъ, въ 16, весьма рѣдкій лицевый Апокалупсісъ, гравир. діакономъ Прокопіемъ 1646 г., въ Кіевѣ; 1664 г. Патерикъ Печерскій, Трубы праздничныя Лазаря Барановича, въ Кіевѣ, 1674 г. и другія, исчисленныя въ каталогахъ гг. Сопикова, П. Строева, Сахарова, Востокова, Ундольскаго, въ Библіографическихъ листахъ Кеппена. Естампъ, изображающій поклоненіе Царевичей предвѣчному Младенцу съ Богоматерію, г. Стасовъ относитъ къ числу первыхъ Русскихъ гравюръ на мѣди: судя по работѣ, полагаетъ, что оный произведенъ въ Кіевѣ, или въ другомъ городѣ южной Россіи. Изъ Чернигова вызванъ былъ тогда граверъ Леонтій Тарасевичь, который гравировалъ портретъ царевны Софіи Алексѣевны. Въ царствованіе Ѳеодора II и въ тройственное царствованіе Іоанна V, Петра I и Софіи, замѣчательное по особенному покровительству изящнымъ искусствамъ, церковная и свѣтская живопись, также гравированіе, время отъ времени, стали входить во внутреннюю жизнь народа; появились гравированные естампы разнаго содержанія. Въ единодержавіе Петра I Леонтій Бунинъ 1692 г. вырѣзалъ на мѣди Букварь Словенороссійскій Каріона Истомина, въ листъ, а Василій Корень издалъ 1696 года, изображенія произшествій изъ книги Бытія и 14 картинъ изъ Апокалупсіса, въ десть. За тѣмъ вышло въ свѣтъ нѣсколько естамповъ религіозно-духовнаго, не мало также символическаго и историческаго содержанія, изъ коихъ иные обнаруживаютъ успѣхи гравированія. Тогда уже славились своимъ искусствомъ граверы: Ѳедоръ Никитинъ, Марко Петровъ, ученики Шхонебековы и сотрудники Пикаровы Алексѣй и Иванъ Зубовы, Иванъ Мякишевъ, Иванъ Овсовъ, Михайло Карновскій, Григорій Павловъ Тепчегорскій, искусно вырѣзавшій на мѣди Мѣсяцесловъ въ лицахъ (фигурнымъ изображеніемъ) 1713 и 1714 г. въ Москвѣ, въ листъ. [10] Но особеннаго гра-

---

[10] XII листовъ у Г. Ундольскаго, раскрашенныхъ; неполные въ Императорской публичной библіотекѣ.

вировальнаго заведенія тогда еще не видно въ Москвѣ. Естампы для духовныхъ книгъ и отдѣльные печатались въ типографіяхъ духовныхъ, на Печатномъ дворѣ, въ Верхней, или придворной, также въ Иверскомъ и Сійскомъ монастыряхъ.

Между тѣмъ, какъ гравированіе въ Россіи шло къ усовершенствованію, отъ него отдѣлилась особенная вѣтвь, которая привилась къ нашей народности: ето было лубочное производство простонародныхъ картинокъ, или такъ называемыхъ простовиковъ, излюбленныхъ нашимъ простымъ народомъ. *Кромѣ типографіи*, какъ значится въ указѣ 1721 г. марта 20, *люди неопредѣленные къ тому стали своевольно печатать дгревянными досками на бумажныхъ листахъ* разныя изображенія, службы, каноны и молитвы, неутвержденные Церковію. Для разсмотрѣнія такихъ изданій, учреждена Петромъ I въ Москвѣ Изуграфская палата. Безъ етого Цензурнаго Комитета, не могли онѣ выходить въ свѣтъ. Но въ послѣдующія царствованія такое учрежденіе Петра I предано было забвенію, такъ что въ Москвѣ самовольно уже печатались и выставлялись на продажу у Спасскаго моста и въ другихъ мѣстахъ «изображенія I. Хріста, Богоматери и св. Угодниковъ, печатанныя «деревянными досками, съ небрежностью и крайнимъ неискусствомъ.» Указомъ 1744 г. октября 18, повелѣно было «представлять рисунки «предварительно на аппробацію епархіальнымъ Архіереямъ, и по «одобреніи, вырѣзывать на мѣдныхъ доскахъ и до выпуска въ «свѣтъ. первый оттискъ и доски представлятъ Архіереямъ на разсмо«трѣніе и утвержденіе.» По и ета мѣра въ послѣдствіи ослаблена злоупотребленіемъ.

Отъ предметовъ священныхъ перешли къ свѣтскимъ: стали выдавать политипажи историческаго, нравственнаго, символическаго содержанія и балагурныя, частію собственнаго сочиненія, частію подражанія иностраннымъ въ такомъ же родѣ. Ето было, такъ сказать, воспроизведеніемъ Нѣмецкихъ потѣшныхъ листовъ и началомъ Московской печатницы лубочныхъ картинъ. Не ранѣе XVIII вѣка, стали тамъ печататься лицевыя простонародныя сказки и повѣсти тетрадками «въ первую голову,» полныя и сокращенныя, кои прежде выпускались писменныя, вѣроятно, съ рисованными картинками, какъ видно изъ сатиръ Кантемира, умершаго въ 1744 году. Съ текстомъ соединяли естампы въ такихъ изданіяхъ. Фигуры были, подобно какъ въ простонародныхъ Нѣмецкихъ книжкахъ, ниже обыкновеннаго роста человѣческаго, между тѣмъ, какъ на иконахъ Святые изображались выше его.

Не прежде, какъ въ началѣ XVIII вѣка, въ Москвѣ учреждено было особенное гравировальное заведеніе подъ надзоромъ Генералъ-Фельдцехмейстера Брюса. [11] Образовавъ у насъ постоянное искусство гравированія на мѣди и рѣзьбу на деревѣ, ето заведеніе выпустило въ свѣтъ географическія карты и естампы разнаго содержанія, между прочимъ въ 1722 году 226 фигуръ изъ *Овидіевыхъ превращеній*, преложенныхъ на Русскій языкъ Св. Димитріемъ Ростовскимъ. [12] Въ кратковременное царствованіе Екатерины I, устроена при Спб. Академіи наукъ исправнѣйшая фигурная типографія, коей первые опыты показываютъ замѣчательные успѣхи гравированія. Императрицы Анна, Елисавета и Екатерина II любили ето искусство и ему покровительствовали. Въ ихъ царствованіе появилось много прекрасныхъ естамповъ, выданныхъ отдѣльно и приложенныхъ къ книгамъ. Въ то же самое время, отъ художественнаго гравированія отдѣлившееся производство лубочныхъ картинокъ, съ его пошлостью и грубостію, перешло въ достояніе простаго народа, какъ сродное ему ремесло: оно сильно обнаружило свою дѣятельность особенно въ царствованіе Елисаветы Петровны и Екатерины II, когда ни Полиція, ни Ценсура не наблюдали еще за движеніемъ лубочной иллюстраціи.

Что жь касается до производства лубочныхъ картинъ, то одна изъ первыхъ, извѣстныхъ въ Москвѣ фигурныхъ фабрикъ была у еупцовъ Ахметьевыхъ, которые около половины XVIII в. имѣли свое заведеніе у Спаса въ Спасской за Сухаревой башней. Въ семействѣ етихъ промышленниковъ она существовала болѣе полвѣка. У нихъ работали на 20 станкахъ; доски вырѣзывались на самой фабрикѣ; подлинники, или истинники переносились съ одной доски на другую. Когда жъ вступила въ управленіе етою фабрикой Татьяна Васильева: то она стала раздавать подлинники для воспроизведенія по подмосковнымъ деревнямъ, гдѣ правильная рѣзьба на деревѣ обратилась въ кустарное ремесло. Рѣщики начали своевольно отступать отъ прежнихъ истинниковъ и портить ихъ своими выдумками и ошибками. Кромѣ Ахметьева, рѣщикъ М. Артемьевъ въ окрестностяхъ Москвы завелъ фигурную фабрику, на коей гравировались и

---

[11] см. Истор. Словарь *М. Евгенія*.

[12] Ученыя записки Импер. Моск. Университета, 1833 г. № 11, стр. 695.

отпечатывались изображенія разныхъ Святыхъ и простонародныя картинки; но, по словамъ Профессора Буле, отдѣлка у него была недостойна своего предмета. [13] Совмѣстникомъ Ахметьева явился В. Логиновъ. Теперь въ Москвѣ извѣстны фигурныя типографіи для лубочныхъ картинокъ: Ахметьева, Логинова, Щурова, Чижова, Кудрякова, Руднева, Флорова, дѣвицы Лаврентьевой, Шарапова, Кирилова, Морозова, Стрѣльцова, Яковлева.

Техническая сторона такого дѣлопроизводства стóитъ замѣчанія въ нѣкоторомъ отношеніи. Картинки сначала вырѣзывались на деревѣ въ одну сторону штрихами долотомъ, обронно, въ верхъ, на липовыхъ, потомъ на кленовыхъ, грушевыхъ и даже пальмовыхъ доскахъ, по удобству сихъ деревъ для рѣзьбы и печатанія. Наконецъ стали ихъ гравировать на доскахъ красной и зеленой мѣди, поддѣлываясь подъ рѣзьбу на деревѣ, утолщенными, крупными и рѣдкими чертами для того, чтобы легче раскрашивать. Такія картинки почти всегда выдаются разцвѣченныя. Ето было прочнѣе и скорѣе для печатанія. Когда доски сіи сотрутся, то возобновляются долотцемъ (цееромъ и грапштомъ) по прежнимъ чертамъ. Текстъ вырѣзывался вмѣстѣ съ естампомъ, а въ послѣдствіи особо печатался подвижными буквами. Почеркъ самыхъ буквъ занимаетъ средину между церковными и гражданскими, такъ что, въ концѣ XVIII и даже въ началѣ XIX вѣка, удерживались еще нѣкоторыя церковныя буквы, напр: ѹ, ѧ, ѥ. Прямыя соотвѣтствовали уставу, курсивныя полууставу. Оттискивались такія доски въ особыхъ станкахъ сперва на ручной, расхожей, клееной сѣрой бумагѣ, потомъ на сѣрой неклееной, въ малый, средній и большой листъ, иногда на двухъ, трехъ, даже на четырехъ листахъ, вмѣстѣ склеенныхъ, иногда тетрадками, въ листъ, въ 4 и 12 долю; печатали обыкновенно въ первую голову. Для печатанія употреблялись чернила, приготовленныя изъ жженаго сѣна съ примѣсью голландской сажи, лазури, или синьки, на вареномъ льняномъ маслѣ, назыв. оливою, или алифою. Такія чернила набивались и втирались мацою, т. е. мягкою кожею, набитою волосомъ, потомъ стирались руками съ мѣломъ: чрезъ ето самое невырѣзанныя мѣста очищались отъ краски, а вырѣзанныя буквы и штрихи удерживали краску и выходили посред-

---

[13] Журналъ изящныхъ искусствъ, изд. 1807 г. Профессоромъ И. Ѳ. *Буле*, ч. 1. М. 1807 г. въ 4.

ствомъ тисненія валами на бумагу. Замѣчательно, что рѣзьба и печатаніе производятся, по большей части, кастою художниковъ самоучекъ между крестьянами въ нѣкоторыхъ подмосковныхъ селахъ и деревняхъ. Раскрашивали, или вѣрнѣе сказать, размалевывали картинки *цвѣтильщики* соковыми и осадочными минеральными красками, кои болѣе извѣстны подъ названіемъ *кроновъ*. Такое производство составляло ремесло и пропитаніе не столько мущинъ, какъ женщинъ и ребятъ. Раскрашиваніемъ лубочныхъ картинокъ нѣкогда славилась въ Москвѣ старушка Ѳедосья Семеновна съ сыномъ своимъ. Разцвѣчиваніе соотвѣтствуетъ самой рѣзьбѣ. Не отступая отъ утвержденныхъ давностію образцевъ, цвѣтильщики размалевываютъ во вкусѣ простонародномъ вышедшіе изъ станка естампы ярко и пестро, безъ смѣшенія красокъ: деревья иллюминуютъ краснымъ сандаломъ и празеленью, зданія синимъ сандаломъ, или желтымъ крономъ, или такъ называемымъ гробовымъ крономъ, лошадей зеленой краской, одежду сурикомъ, баканомъ и зеленымъ крономъ. Такими красками, усвоенными обычаемъ и вкусомъ, изображались и красоты рая и ужасы ада.

Нынѣ ето замѣняется также печатаніемъ въ нѣсколько тоновъ літографическимъ способомъ. Лубочныя картинки вырѣзываются на мѣдныхъ доскахъ, а не болѣе двухъ лѣтъ, какъ стали переводить ихъ съ мѣди на камень для скорости печати.

По внѣшности и содержанію, у картинщиковъ лубочные естампы такъ различаются одни отъ другихъ: *Праздники*, т. е. изображенія Святыхъ, *Конница*—конные, и *Балагурникъ*, картинки потѣшныя и забавныя. По формату своему, онѣ бываютъ *листовики*, *двойники* и *четверики*. Точное воспроизведеніе, или повтореніе лубочныхъ естамповъ, какъ мы замѣтили, называется *переводомъ*, а печатаніе ихъ съ перемѣнами въ самомъ содержаніи и форматѣ — *изданіемъ*.

Кромѣ рѣзкой неправильности рисунка въ лубочныхъ картинкахъ, ощутительны совершенное отсутствіе пропорціональности въ частяхъ тѣла и линейной перспективы, незнаніе научной и художественной группировки; совмѣщаются въ одномъ только пространствѣ предметы, существующіе, по природѣ своей, во времени, слѣдственно въ одномъ естампѣ, подобно какъ и на многолюдной мконѣ, одно и тоже лице изображено въ разныхъ мѣстахъ и поло-

женіяхъ, какъ напр: въ картинкѣ Мытарствъ, проходитъ душа человѣческая, послѣ смерти тѣла; на образѣ Страшнаго суда І. Хрістосъ является въ трехъ мѣстахъ, то въ раю, то съ Отцемъ небеснымъ, то на престолѣ Судіи.

Не взирая однакожь на отсутствіе условій искусства, свободное и размашистое изображеніе лицъ и дѣйствій такъ рѣзко и сильно, въ нѣкоторыхъ изъ лубочныхъ естамповъ, что легко и глубоко впечатлѣвается въ воображеніи: иные изъ нихъ не лишены положительно хорошихъ качествъ. Между лубочными картинами, рѣзанными на деревѣ и гравированными на мѣди, нельзя не замѣтить существенной разницы въ исполненіи. Не смотря на незначительность художественнаго развитія, въ первыхъ обнаруживается болѣе своеобразныхъ, характеристическихъ признаковъ и особенностей, чѣмъ въ послѣднихъ: въ физіогноміи однихъ болѣе типа народнаго, въ физіогноміи другихъ болѣе иноземнаго. [14]

Въ лубочныхъ картинахъ духовно-религіознаго содержанія пошибъ болѣе Византико-Московскій, подходящій къ иконному, а въ картинкахъ свѣтскаго, мірскаго содержанія пошибъ ближе къ западному, и соотвѣтствуетъ самому сюжету.

Съ такимъ пошибомъ, сколько бы онъ ни нарушалъ условія искусства, свыкся и сроднился Русскій простолюдинъ. Дайте выгравировать или налітографировать лубочную картину искуснѣйшему художнику: пусть онъ ее представитъ въ лучшемъ видѣ, согласно съ требованіями художества; она едва ли удовлетворитъ причудливому вкусу простолюдина; въ глазахъ его она потеряетъ свою подлинность и своеобразную заманчивость. Онъ не узнаетъ своего въ новомъ, хотя бы изящномъ, стилѣ, такъ какъ не узнаетъ ни своего брата мужика модномъ европейскомъ костюмѣ, хотя бы и съ бородою, манерно причесанною *а ла мужикъ*, ни барина въ красной рубашкѣ съ косымъ воротомъ, въ пестрыхъ портахъ, въ кафтанѣ съ борами и въ Русскихъ сапогахъ съ отворотомъ; потому что здѣсь онъ подозрѣваетъ поддѣлку, или насмѣшку. По сему предложеніе замѣнить Русскую простонародную гравюру Англійскимъ способомъ гравированія, [15] какой возобновили

---

[14] Разборъ сочиненія Г. Равинскаго Г-номъ Стасовымъ въ Отчетѣ о второмъ присужденіи наградъ Графа Уварова. Спб. 1858 г. въ 8.

[15] О гравированіи на деревѣ въ № 24 Москов. Вѣдомостей 1834 г.

въ Англіи братьи Бьюки (Bewick), едва ли будетъ сбыточно и успѣшно; потому что етотъ способъ не обогатитъ насъ ничѣмъ, отниметъ отрасль промышленности у простаго народа, уничтожитъ ремесло, существующее въ Московскомъ мірѣ столѣтія и застрахованное обычаемъ и вкусомъ. Лубочнымъ картинамъ, не безъ основанія замѣчаетъ Г. Сахаровъ, «наносятъ рѣшительный ударъ безобразные літографическіе естампы и безграмотные ученики московскихъ гравировальныхъ заведеній: граверы, чтобы приучить учениковъ къ рѣзьбѣ, заставляютъ ихъ сочинять рисунки и потомъ вырѣзывать на мѣди. Отсюда появились новыя каррикатурныя изданія.»

ОТДѢЛЪ II.

О СОДЕРЖАНІИ И ЗНАЧЕНІИ ЛУБОЧНЫХЪ КАРТИНЪ.

Ихъ содержаніе столь же ограничено, какъ и самая жизнь Русскаго простолюдья; но и разнообразно, какъ и начала, дѣйствовавшія въ Русской писменности XVII вѣка: оно открываетъ намъ религіозное, умственное и нравственное настроеніе народа нашего на столько, на сколько онъ высказываетъ себя въ произведеніяхъ своего гравировальнаго художества. Хотя въ нихъ обнаруживаются не всѣ стороны его жизни, не всѣ завѣтныя его мысли, и оттѣнки его характера; однако проглядываютъ нѣкоторыя черты любопытныя и важныя по связи ихъ со внѣшнею внутреннею исторіей народа, чаще встрѣчаются предметы религіозные, гораздо рѣже отрывки изъ области знанія, не многія событія изъ всеобщей и отечественной исторіи, наконецъ произведенія его фантазіи. Здѣсь найдете олицетворенными догматъ, молитву, житіе Святыхъ, историческій фактъ, четью (легенду), нравоученіе, притчу, сказку, пословицу, пѣсню, словомъ: все, что пришлось по духу, нраву и вкусу нашего простолюдина, что усвоилось его понятію, что составляетъ предметъ вѣдѣнія, назиданія, обличенія, утѣшенія и любопытства милліоновъ Русскаго люда.

Разсматриваемыя въ такихъ отношеніяхъ лубочные естампы, по своему содержанію и значенію, бываютъ *духовно-религіозные*, *нравственные*, *юридическіе*, *историческіе* и *символико-поетическіе*.

А. КАРТИНКИ ДУХОВНО-РЕЛИГІОЗНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Когда на Руси тьма уступила мѣсто свѣту, язычество Христіанству, тогда главными средствами къ образованію и просвѣщенію Русскаго народа сдѣлались книги Св. Писанія, богослужебныя, отеческія и устная проповѣдь; онѣ-то сообщили ему религіозно-нравственный характеръ, который такъ ясно выражается во всѣхъ почти чертахъ Русской жизни, между прочимъ и въ самыхъ произведеніяхъ простонароднаго художества, каковы лубочныя картинки. Вѣра христіанская такъ сроднилась съ духомъ Русскаго человѣка, что составила его народность, и справедливо сказано, что «нѣтъ ничего болѣе народнаго въ немъ, какъ его православіе.» [1]

Вотъ почему въ лубочной иллюстраціи преобладаетъ стихія духовно-религіозная и вотъ почему такихъ картинокъ несравненно болѣе, чѣмъ философическаго, историческаго и даже символико-поэтическаго содержанія. Въ область первыхъ вошли упрощенные, доступные понятію простолюдина предметы изъ Богословіи созерцательной, дѣятельной, состязательной и обличительной, какъ то: ученіе, исповѣдуемое православною Церковью о Богѣ, Ангелахъ и Святыхъ, о внѣшнемъ и внутреннемъ Богопочтеніи, объ отношеніи дѣйствій христіанина къ Закону Божію и о способахъ оправданія вѣрою и дѣлами, или частныя правила христіанскаго благоповеденія примѣнительно къ разнымъ случаямъ и положеніямъ христіанина въ обществѣ и семействѣ, потомъ статьи, обличающія расколъ, состязанія православныхъ съ такъ называемыми старообрядцами. Не могла избавиться ета иллюстрація, какъ замѣчено, отъ вліянія старинныхъ суевѣрій, предразсудковъ и расколовъ, кои вкрадывались въ нее время отъ времени путемъ преданія, или заимствованы изъ апокрифическихъ сказаній. [2] Но такого рода картинки уничтожались по распоряженію духовнаго и свѣтскаго начальства.

Не расположенный къ отвлеченнымъ понятіямъ, Русскій человѣкъ обыкновенно превращалъ свои вѣровнія въ образы, придумывая для нихъ имена и лица, или сближая ихъ съ извѣстными именами и лицами: въ назидательныхъ бесѣдахъ, въ чудныхъ сказаніяхъ и въ притчахъ, олицетворенныхъ лубочными картинками. Въ такихъ

---

[1] Православный Собесѣдникъ

[2] См. выше стр. 13.

изображеніяхъ нашъ простолюдинъ желалъ видѣть болѣе всего назиданіе, поученіе въ хрістіанскомъ смыслѣ. Первое мѣсто у него между ними занималъ образъ Страшнаго Суда, который былъ проводникомъ Хрістіанства въ языческую нѣкогда Россію; за нимъ изображеніе Мытарствъ, кои проходитъ душа по смерти, наконецъ лицевыя житія Святыхъ и т. д.

Въ предисловіи мы указали на источники, изъ коихъ почерпались лубочныя картинки духовно-религіознаго содержанія; между прочимъ замѣтили, что издатели ихъ не всегда строго различали текстъ Св. Писанія отъ писанія отеческаго, привносили въ нихъ свои мнѣнія; отъ сего вошло въ лубочную иллюстрацію нѣсколько картинъ изъ сочиненій апокрифическихъ, такъ называемыхъ, *отреченныхъ книгъ*, наполненныхъ суевѣріями и заблужденіями, отрѣшенныхъ отъ живаго истиннаго ученія Церкви. Таковы: притча и сказанія о Царѣ Соломонѣ и Китоврасѣ, разговоръ Адама со Хрістомъ, Гогъ и Магогъ, объ Антихрістѣ, и другія произведенія мистико-апокалѵпсіческой литературы, господствовавшей на Руси въ XVII столѣтіи. Не смотря однакожъ на примѣсь вымысла къ истинѣ, остатковъ язычества и суевѣрія къ истинной вѣрѣ, иноземнаго къ отечественному, главное, существенное направленіе въ етихъ произведеніяхъ простонароднаго гравированія сохранилось нравственно-религіозное.

И такъ, по источникамъ и предмету своему, лубочныя картинки духовно-религіознаго содержанія заимствованы 1. изъ Св. Писанія, 2. изъ отеческихъ книгъ и преданій древняго народнаго благочестія, изъ библейской и церковной Исторіи, изъ житій Святыхъ съ молитвами—предметы догматическіе, полемическіе и нравоучительные въ поученіяхъ, притчахъ и сказаніяхъ и 3. изъ отреченныхъ книгъ и народныхъ суевѣрій.

I. ИЗЪ КНИГЪ СВЯЩ. ПИСАНІЯ.

1. Сотвореніе міра, шесть дней творенія и грѣхопаденіе перваго человѣка.

2. «Творяй Ангелы своя духи» и пр. изъ псалма CIII, 4. Здѣсь представленъ Архангелъ Михаилъ на конѣ, съ трубою въ рукѣ.

3. О мірстемъ бытіи (изъ псалма CIII), гдѣ между прочимъ помѣщена Птоломеева система міра, съ семью планетами, кои названы небесами. на 2 лист.

4. Всякое дыханіе да хвалитъ Господа: хвала служебныхъ духовъ своему Творцу. Олицетвореніе псалма CVIII, 6, на 2 лист.

5. Соборъ Архангела Михаила, съ тропаремъ.

6. Лицевыя изображенія дѣяній изъ книги Бытія и 14 картинъ изъ Апокалѵпсіса, изд. В. Коренемъ 1696 г. въ л. очень рѣдкая. Въ И. П. Б.

7. Свящ. Исторія въ лицахъ, на 59 листахъ, въ 12, конца XVII, или начала XVIII столѣтія; при каждой картинкѣ четверостишіе, напр: къ изображенію жертвоприношенія Самуилова «Иноплемен-«ныхъ полцы мечи изостриша на Ісраилскъ родъ, Съ ними силу «обратиша. Тогда Самуилъ жертву Богу сотворилъ есть, Съ моли-«твою Ісраиль враги побѣдилъ есть.»

8. Богошественная гора Синай, на коей Моѵсей принимаетъ отъ Бога заповѣди. На двухъ склеенныхъ листахъ, въ половинѣ XVIII в.

9. Дѣянія Іосифа прекраснаго въ 23 мѣстечкахъ, или отдѣлахъ, на 6 склеенныхъ листахъ, съ лѣтописью.

10. Изображеніе книги родства І. Хріста, сына Давідова, сына Авраамова. на 2 лист.

11. Изображеніе поклоненія предвѣчному Младенцу, замѣчательное тѣмъ, что Волхвы замѣнены тремя лицами въ царской одеждѣ, съ бармами па раменахъ; надъ головою старшаго надписано: *Умъ*, у младшаго—*Слово*, у юнѣйшаго—*Душа*. Короны ихъ повержены предъ стопами І. Хріста. Два Царевича, стоящіе на колѣняхъ, представляютъ Богоматери третьяго младшаго: ето долженъ быть Царь Ѳеодоръ Алексѣевичь съ братьями своими Іоанномъ и Петромъ. въ сред. листъ, конца XVII вѣка.

12. Избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ Іудейскомъ; конца XVII, или начала XVIII в., въ большой листъ. Въ И. П. Библіотекѣ изъ собранія И. Снегирева.

13. Отъ Хріста паденіе Антихріста, изъ Апокалѵпсіса, XIX, 15 и пр. Хрістосъ изображенъ сѣдящимъ на радугѣ. съ Евангеліемъ въ одной рукѣ, а другая благословляющая; изъ устъ его исходятъ мечь и перуны, поражающіе человѣка беззаконія и сына погибели съ его воинствомъ. на 2 листахъ.

14. Кроволительное судище, имѣющее Евреи надъ Іисусомъ Хрістомъ, гравир. въ Спб. Иваномъ Мякишевымъ 1721 г. на 2 лист. и на 1 л. см. выше стр. 9.

15. Страсти Хрістовы въ 15 картинкахъ, рѣзанныхъ на мѣди, съ текстомъ. въ 12 (у Г. Равинскаго).

16. Распятіе Господа нашего І. Хріста, съ изображеніемъ Его страстей, смерти и воскресенія. въ 1 л. и въ 2 лист.

17. Положеніе во гробъ Господа Бога нашего І. Хріста.

18. Несеніе креста съ поученіемъ Преосв. Тихона Воронежскаго.

19. Притча Евангельская, представляющая въ лицахъ два пути жизни, тѣсный, вводящій въ животъ, и широкій, вводящій въ пагубу. *Матѳ.* VII, 13 и 14.

20. Притча Евангел. о Лазарѣ богатомъ и Лазарѣ убогомъ. Первый въ Нѣмецкомъ платьѣ, сидитъ на седмиглавомъ чудовищѣ, означающемъ семь смертныхъ грѣховъ.

21. Притча Евангел. о блудномъ сынѣ, напеч. въ Москвѣ 1685 года, особою книжкой, въ 12; текстъ съ лубочными картинками. Изъ собранія И. Снегирева поступила въ Императорскую публ. Библіот.

22. Лицевый Апокалѵпсісъ, рѣзанный на деревѣ священникомъ Прокопіемъ, 1646 г. въ 4. очень рѣдкій. Въ И. П. Б.

23. Лицевый Апокалѵпсісъ, по числу 20 его главъ, въ 20 мѣстечкахъ, или отдѣленіяхъ, съ текстомъ, на двухъ склеенныхъ листахъ.

24. Жена Вавилонская, сидящая на седмиглавомъ и десятирогомъ звѣрѣ, съ чашею въ рукѣ, исполненною мерзости и скверн ея любодѣянія. Изъ Апокалѵпсіса, г. XVII, 4 и 5.

25. Сѵмволическій образъ Софіи Премудрости Божіей: одинъ Новгородскій, представляющій огнезрачнаго Царя въ царской одеждѣ и коронѣ, сидящаго на престолѣ, въ предстояніи ему Божія Матери и Предтечи; другой Кіевскій, въ видѣ Богоматери, стоящей на седьмой ступени седмистолпнаго храма, въ большой средній и мал. лис.

Образцемъ первому служили древнія иконы Новгородскаго письма, а другому также древняя икона въ Кіево-Софійскомъ соборѣ. Укажемъ на одну такую икону въ семь локтей, писанную на доскѣ, по видимому, XV или XVI вѣка. [1] Премудрость изображена въ подобіи юнаго Царя съ огневидными лицемъ, руками и крыльями, съ тороцами въ ушахъ, въ Царской одеждѣ, какую возлагали на себя Византійскіе Императоры; въ одной рукѣ онъ держитъ жезлъ съ крестомъ на верху его, въ другой свитокъ нераскрытый. Онъ возсѣдаетъ на престолѣ, утвержденномъ на седьми столпахъ, согласно съ изображеніемъ въ Притчахъ Солом. IX, 1; подножіемъ ему многоугольный камень, вѣроятно, тотъ, который долженъ быть

---

[1] Сіи иконы находятся въ церкви Святит. Алексія въ Алексѣевской слободѣ и у А. Е. Сорокина въ Преображ. селѣ.

во главу угла. Софіи предстоятъ Божія Матерь съ воздушнымъ изображеніемъ серафимскаго вида воплощенія Еммануила на персяхъ, и Предтеча Господень со свиткомъ, въ коемъ начертаны слова: «се «агнецъ вземляй грѣхи всего міра.» Всѣ сіи три лица окружены воздухомъ въ трехъ разноцвѣтныхъ слояхъ. Надъ ними благословляющій обѣими руками поясный Спаситель, надъ Которымъ отверстое небо и среди его престолъ съ возложенными на него Царскою одеждой и Евангеліемъ. По сторонамъ престола, по три колѣнопреклоненныхъ Ангела.—Хотя не всѣ изображенія Софіи Премудрости Божіей одинаково написаны; но всѣ онѣ выражаютъ главную мысль: или Матерь Божію, послужившую воплощенію Сына Божія, или воплотившуюся отъ нея Премудрость Божію. [2]

Въ Моск. церкви Благовѣщенія Божія Матери на Бережкахъ икона Софіи Премудрости Божіей, писанная въ фряжскомъ пошибѣ, названіемъ и содержаніемъ не похожа ни на одну изъ извѣстныхъ того же предмета. Названіе ея, изображенное на развернутомъ свиткѣ, таково: «Логика Перипатетика, подъ смотрѣніемъ въ праотцахъ отца «Варлаама Ясинскаго, Божіею милостію Архіерея Митрополіи Кіевской и всея Россіи, свидѣтельствованная при великомъ собраніи «православномъ Кіевскомъ.» Въ верху иконы въ облакахъ и свѣтѣ Господь Саваоѳъ, пониже его въ видѣ голубиномъ Св. Духъ съ расходящимися лучами свѣта; по сторонамъ ихъ на облакахъ семь Архангеловъ, предстоящихъ Богу, каждый съ знакомъ своего служенія, съ именемъ и переводомъ имени, какъ-то: Уріилъ—огнь Божій, Рафаилъ—врачевство Божіе и пр. За Архангелами, ближе къ полямъ иконы, написаны мѣлкимъ уставомъ чтенія, одно изъ Притч. Солом. IX, 1—11, съ надписью: О *Премудрости Божіей*, другое изъ кн. I. Навіна V, 13—15, съ надписью: *Ангеломъ*. Самую средину, какъ главное мѣсто иконы, занимаетъ на свѣтломъ полѣ Архангелъ съ распростертыми крылами: на персяхъ его благословляющій І. Христосъ: въ правой рукѣ Архангела разцвѣтшій жезлъ Аароновъ, а въ лѣвой жезлъ съ четвероконечнымъ крестомъ на его вершинѣ, въ правомъ крылѣ малое изображеніе Св. Варлаама, а въ лѣвомъ — ликъ какого-то св. инока. Надъ Архангеломъ два малые Ангела лер-

---

[2] Описаніе Новгород. Софійскаго собора, сост. Протоіереемъ П. Соловьевымъ. Спб. 1858 г. въ 12. см. надпись на образѣ сего вида въ Успенскомъ соборѣ Троицкой лавры: см. Троицкая Сергіева лавра. М. Снегирева. М. 1842 г. въ 12.

жатъ корону; подножіемъ его полумѣсяцъ, подъ коимъ поверженъ седмиглавый огненный драконъ. По сторонамъ Архангела седмь св. мученицъ: Іуліанія, Екатерина, Варвара, Софія съ тремя дщерями. Въ нижней части образа, находится домъ Премудрости на семи столпахъ, обвитыхъ плетеницами изъ вѣтвей и цвѣтовъ, съ капителями Коринѳскаго ордена; на верхнихъ орнаментахъ надпись: *Премудрость созда себѣ домъ,* и два малыя изображенія Богоматери и какого-то Святаго. Между семью столпами семь Св. Князей Русскихъ: Владиміръ I, Борисъ и Глѣбъ, Ярославъ и еще три безъ подписи, посреди ихъ фамильный гербъ Кіевскаго Митрополіта, вѣроятно, Варлаама: на свѣтло-зеленомъ полѣ полумѣсяцъ съ звѣздочками на концахъ его и стрѣла остріемъ вверхъ; около ихъ Архіерейская мітра, посохъ и крестъ. Подъ гербомъ видна надпись· «Молитва ко всевышней, всесильной и всесвятой Троицѣ» и пр. На Холмогорской иконѣ Софіи въ семистолпномъ храмѣ, знаменующемъ семь даровъ Св. Духа, семь Таинствъ и семь Вселенскихъ соборовъ, въ срединѣ Распятый Хрістосъ, окруженный Богоматерію, Предтечею и Апостолами.

25. «Азъ есмь лоза, вы же рождіе.» *Іоан.* XV, 5, Образъ единенія возрожденнаго человѣка съ І. Хрістомъ, съ Которымъ онъ живетъ не своею, но Его жизнію; по сему І. Хрістосъ называется *лозою,* а вѣрующіе *вѣтвями.* Здѣсь представляется Распятіе Господа І. Хріста, Котораго обѣ ноги прибиты ко кресту не двумя гвоздями, какъ въ Грекороссійской Церкви приято, но однимъ, какъ въ Римско-католической. Кругомъ Распятія, въ клеймахъ, мученическая кончина XII Апостоловъ. на 1 и на 2 листахъ.

26. І. Хрістосъ съ крестомъ на раменахъ своихъ. Въ концѣ XVII вѣка, грав. В. Андреевымъ.

27. Деисусъ, состоящій изъ трехъ поясныхъ образовъ: І. Хріста, Божія Матери и Предтечи Господня. Богородица и Св. Креститель Іоаннъ съ молитвенными воззваніями на хартіяхъ, послѣдній также держитъ въ рукѣ на дискосѣ Предвѣчнаго Младенца, конца XVIII в.

28. Сошествіе Св. Духа. конца XVIII, или начала XIX в.

29. *О Тебѣ радуется, Благодатная, всякая тварь.* Здѣсь олицетворены упоминаемыя въ етомъ задостойникѣ: *освященный храмъ, Ангельскій соборъ и человѣческій родъ.*

Къ картинамъ религіознаго содержанія отнести можно изображенія Святыхъ Божіихъ человѣкъ, съ приложенными къ нимъ молитвами, тропарями и сокращеннымъ житіемъ.

1. Изображеніе Св. Іоанна Предтечи, рѣзанное на деревѣ, въ концѣ XVII вѣка, въ листъ. (У Г. Равинскаго). На нѣкоторыхъ естампахъ онъ представленъ держащимъ свою отрубленную голову въ рукахъ, Такъ Св. Діонисій Ареопагітъ несъ свою отсѣченную голову нѣсколько поприщъ и вручилъ ее Катулѣ.

2. Святый Василій великій, 1664 г. въ мал. л., по видимому, принадлежитъ къ книгѣ.

3. Св. благовѣрные князья Ярославскіе Ѳеодоръ и чада его Давідъ и Константинъ; рѣзано на деревѣ, въ концѣ XVII вѣка, въ листъ (у Г. Равинскаго).

4. Св. Девять мучениковъ, иже въ Кизнцѣ, съ молитвою къ нимъ.

5. Св. Василій и Максимъ, блаженные, Московскіе чудотворцы, съ лѣтописью и съ изображеніемъ Московскаго Кремля.

6. Св. Зосима и Савватій Соловецкіе.

7. Св. Исидоръ Блаженный, Хріста ради юродивый Ростовскій, съ дѣяньми и молитвою.

8. Явленіе Св. Царевичу Петру, Ростовскому чудотворцу Св. Апостолъ Петра и Павла; съ тропаремъ, кондакомъ и молитвою.

9. Священномученикъ Антіпа, съ молитвою къ нему.

10. Сказанія, «кіимъ Святымъ каковыя благодати изцѣленія и когда «память ихъ бываетъ.» въ л., конца XVIII вѣка.

11. Лицевые житейники Святыхъ, на одномъ и двухъ листахъ:

a. Св. Великомученика Георгія, безъ дѣяній и съ дѣяніями.

b. Св. Маріи Египетской и Преп. Зосимы.

c. Преподобнаго Герасима Іорданскаго, со львомъ.

d. Препод. отца нашего Петра, иже во Аѳонстѣй горѣ.

e. Сказаніе Св. Іоанна Милостиваго.

f. О Петрѣ мытарѣ.

g. Объ Св. Алексіѣ человѣкѣ Божіемъ. Сказаніе о ето жизни и подвигахъ сходно съ cantique spirituel à l' honneur de S. Alexis, vrai miroir de patience et de chasteté. [3] На листѣ, гравированномъ Гр.

---

[3] Historie der livres populaires, par Nisard. II, 182 и 183.

Тепчегорскимъ ликъ Св. Алексія человѣка Божія съ дѣяніями, 1708 г.

h. Объ Іоасафѣ Царевичѣ, изъ Пролога.

i. О благовѣрныхъ Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ, въ двойныхъ вѣнцахъ, княжескихъ и мученическихъ.

k. На одномъ среднемъ листѣ четыре Святыхъ на коняхъ: Михаилъ Архангелъ, Великомуч. Георгій и благовѣрные страстотерпцы Князья Борисъ и Глѣбъ.

l. Преп. Сергій Радонежскій.

m. О убіеніи Царевича Димитрія въ Угличѣ 1591 г, Мая 15.

II. ИЗЪ ОТЕЧЕСКИХЪ КНИГЪ, ИЛИ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ ОТЕЧНИКОВЪ, И ПРЕДАНІЙ, СVМВОЛИЧЕСКІЯ ИЗОБРАЖЕНІЯ.

Въ картинкахъ такого содержанія представляется въ лицахъ то нравственное ученіе, то догматъ, то отеческое преданіе, то духовно-нравственное иносказаніе въ притчахъ; таковы:

1. Борьба свѣтлыхъ Ангеловъ съ темными духами злобы, гордости, зависти, унынія, сребролюбія, блуда, облежащими человѣка, который изображенъ согбеннымъ и поникшимъ къ землѣ подъ ихъ бременемъ.

2. Особенно замѣчательное многосложное и многолюдное изображеніе *Втораго пришествія, Страшнаго суда Божія*; потому что имъ начинается исторія Хрістіанской Руси. Иконопись и живопись олицетворяютъ Страшный судъ на образахъ и на стѣнахъ церковныхъ; а ксѵлографія и металлографія съ XVII вѣка на лубочныхъ картинахъ, кои были снимками съ иконъ такого вида.

Прежде чѣмъ войдемъ въ разсмотрѣніе содержанія етой картины, страшной для грѣшныхъ и вмѣстѣ отрадной для праведныхъ, коснемся мимоходомъ ея происхожденія и появленія на Руси языческой. Начало свое получили она въ Византіи, въ цвѣтущій періодъ ея искусства и въ то время, когда преобладала мысль о близости Страшнаго суда, усилившаяся особенно предъ истеченіемъ тысящелѣтія отъ Р. Х., когда Русскій Великій Князь Владиміръ I испытывалъ разныя вѣры предъ крещеніемъ своимъ. Содержаніе ея заимствовано частію изъ Еванге-

лія, Апокалупсіса и древнихъ преданій въ Хрістіанскомъ мірѣ. Перенесенная въ Россію, она, какъ мы выше замѣтили, сдѣлалась проводникомъ и проповѣдникомъ Хрістіанской вѣры. Подобно Болгарскому Царю Богорису, Великій Князь Владиміръ изъ язычества обращенъ въ Хрістіанство изображеніемъ Страшнаго суда, которое показалъ ему греческій философъ: »показа Володимеру запону, на «ней же бѣ написано судище Господне.» [4] Въ концѣ XII вѣка, Св. Авраамій Смоленскій, духовный витія и исографъ, написалъ образъ Страшнаго суда и воздушныхъ Мытарствъ. [5] Подобный образъ въ 1399 году прислалъ къ Тверскому Великому Князю Михаилу Александровичу, предъ самою его кончиной, Цареградскій Патріархъ. [6]

Такими путями вошелъ въ Россію етотъ догматико-нравственный образъ, который распространяла иконопись въ Хрістіанскомъ мірѣ съ распространеніемъ мысли о преставленіи свѣта, возбуждавшейся то необыкновенными явленіями въ природѣ и въ жизни народной, то исходомъ великаго Индиктіона. Въ 1402 г. вмѣстѣ съ появленіемъ зловѣщей кометы, послѣдовали однѣ бѣдствія за другими: ето принято было за предвѣстіе кончины міра и приближенія Страшнаго суда. Въ исходѣ XIII великаго Индиктіона и при началѣ осьмой тысячи отъ С. М. въ 1492 году, возобновилась мысль о наступленіи втораго пришествія Хрістова, наконецъ суевѣры возмечтали видѣть въ 1666 году апокалупсіческое звѣриное число 666 и мнимое явленіе Антихріста въ новомъ Іерусалимѣ.

Въ такое смутное время болѣе всего размножились изображенія Страшнаго суда, олицетворенныя сперва кистію иконописцевъ, а потомъ уже рѣзцомъ граверовъ; сходныя между собою главнымъ содержаніемъ онѣ разнились подробностями и околичностями: однѣ были полнѣе, другія сокращеннѣе. Принявъ въ основаніе одинъ изъ простонародныхъ такого подобія, мы заимствуемъ изъ него нѣкоторыя черты етого многознаменательнаго и многосложнаго изображенія судебъ міра и человѣчества, гдѣ наглядно открывается неизбѣжное отношеніе земнаго къ небесному и преходящему, будущаго къ настоящему.

---

[4] Лѣтопись Несторова по Лаврентьевскому списку, изд. Р. Тихановскаго. М. 1824. въ 4.

[5] Четьи-Минеи Августъ.

[6] Софійскій Временникъ. II. 421.

Въ срединѣ, между свѣтлымъ и темнымъ царствомъ, въ облакѣ силы. Богъ Отецъ на престолѣ славы, окруженный Херувимами; подлѣ Него въ сіяніи Сынъ, озаренный Св. Духомъ, благословляется отъ Отца въ ознаменованіе того, что Богъ «Отецъ судъ надъ «міромъ даетъ Сыну.» [7] По одну сторону Господа Саваоѳа Горній Іерусалимъ, Царство Небесное, гдѣ Іисусу Хрісту и Божіей Матери предстоятъ лики Преподобныхъ женъ, Мучениковъ, Страстотерпцевъ, Преподобныхъ отецъ, Святителей, Пророковъ; у райскихъ вратъ на стражѣ Ангелы съ обнаженными мечами. На противоположной сторонѣ Ангелы свѣта низвергаютъ въ адъ ангеловъ тьмы, превратившихся въ козловъ, свиней и другихъ нечистыхъ животныхъ; съ ними вмѣстѣ летятъ въ адъ и престолы—знаменія ихъ владычества.

Далѣе является торжественное откровеніе правды Божіей. Самъ праведный Судія, которому престолъ небо, а подножіе земля, возсѣдаетъ въ сіяніи на радугѣ, опираясь ногами на шаръ земный, изображенный въ видѣ Царской державы: одною рукой благословляетъ Онъ праведныхъ, другою указуетъ грѣшнымъ плачевный ихъ удѣлъ. Судіи міра предстоятъ Богоматерь и Предтеча; при подножіи Его праотцы Адамъ и Евва. Около престола славы Хрістовой ликостоянія Ангеловъ, изъ которыхъ двое вверху и двое внизу сзываютъ гласомъ трубнымъ на судъ всѣ племена и народы; по обѣ стороны Судіи сидятъ на дванадесяти престолахъ дванадесять Апостоловъ съ отверстыми книгами въ рукахъ, какъ знаменіями ихъ проповѣди и посланничества. Подъ престоломъ Господнимъ, на другомъ престолѣ положена завѣса и книга Совѣта воли Божіей, разгнутая на словахъ: «пріидите благословен«ніи Отца моего.» Позади етого сѣдалища водружены знаменія страстей Хрістовыхъ: крестъ, копіе и трость, съ предстоящими имъ Ангелами, которые, по описанію Строгановскаго подлинника, [8] держатъ свитки; на одномъ начертано: пріидѣте благосло«веніи Отца моего,» наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложе«нія міра; а на другомъ: «Престолъ Господень стояше, и свѣтъ «возсіаше правды.« Изъ облака, осѣняющаго престолъ, выходитъ рука, держащая вѣсы, предъ коими стоитъ душа человѣческая, въ видѣ младенца, «ожидающая мѣрнаго претяженія, купно же и чело«вѣколюбія Божія.» Одну чашу вѣсовъ охраняетъ Ангелъ, пора-

---

[7] *Іоанна Ев.* V, 17.

[8] О Страшномъ судѣ въ Современникѣ, Октябрь 1857 г.

жающій копіемъ двухъ бѣсовъ, усиливающихся перетянуть другую чашу къ себѣ: первая добрыхъ дѣлъ, послѣдняя злыхъ. Около престола лики Святыхъ, далѣе подъ сѣнью деревъ блаженные праотцы Авраамъ, Ісаакъ и Іаковъ съ окружающими ихъ младенцами — душами праведныхъ: на нѣкоторыхъ переводахъ Страшнаго суда среди праотцевъ видѣнъ и Благоразумный разбойникъ съ крестомъ. Подъ ногами праотцевъ текутъ четыре райскія рѣки Геонъ, Ѳеонъ (Ѳіссонъ), Евфратъ и Тигръ. Въ свѣтлую обитель Святыхъ ведутъ врата, въ кои готовится Апостолъ Петръ впустить праведниковъ. [9] Но вотъ примѣръ средняго состоянія, непринимаемаго Церковію: между раемъ и адомъ, между Ангеломъ и дьяволомъ привязанъ къ столбу юноша: «ради милостыни, онъ избавленъ муки вѣчныя, а «ради блуда, лишенъ вѣчныя жизни.» [10]

Обратимся къ другой сторонѣ: тамъ Моусей съ скрижалями заповѣдей въ рукѣ, (а въ другомъ переводѣ: съ свиткомъ, на коемъ читается: «азъ вамъ дахъ законъ, вы же не послушасте мене).» Свыше вдохновенный законодатель указуетъ Жидамъ на распятаго Хріста; позади ихъ стоятъ еще языческая Литва, Кизилбаши, Арапы и Русь, коей въ другихъ изданіяхъ нѣтъ. По Строгоновскому подлиннику, на иконахъ такого содержанія изображались также Индіане, Измаильтяне, Песьи головы, Турки, Срацины, Нѣмцы, Ляхи. Такимъ образомъ въ картинѣ представлялись не отдѣльныя личности, еретики, но цѣлыя толпы народовъ языческихъ и противниковъ Православію; между ими и тѣ, отъ которыхъ приходили проповѣдники для обращенія Владиміра въ свою вѣру: Болгары, Жидове, Нѣмцы. [11]

Чрезъ всю почти картину извивается вышедшій изъ ада змѣй, и досягаетъ пяты Адама, припадшаго къ престолу верховнаго Судіи.

---

[9] Ср. замѣчательный полнотою образъ Страшнаго суда въ соборѣ Новодѣвичьяго монастыря.

[10] Въ житіи Преп. Василія новаго, жившаго въ IX в. и видѣніи ученика его Григорія находимъ, что снисшедшая съ неба на Судъ возлюбленная Богомъ Милостыня въ образѣ красной отроковицы, ходатайствовала за осужденныхъ на муку иноковъ и простую чадь. Судія вирекъ имъ: «яко ми«лостыни вашея ради огня вѣчнаго избавляю; блуда же ради и иныхъ «нечистотъ и страстей въ царство мое не внидете, и благихъ моихъ не «насладитеся, и радости Святыхъ не узрите.» И повелѣ имъ дати мѣсто на «Сѣверѣ, да будутъ потребныхъ скудни.» См. Великая Макаріевская Минея.

[11] Лѣтопись Несторова по Лаврент. списку.

На кольцахъ змѣя начертаны имена грѣховъ, въ числѣ коихъ есть лакомство, плясаніе, тщеславіе. Около етого чудища видны три царства: Римское, Вавилонское и Македонское; но Персидскаго, подобно какъ и въ нѣкоторыхъ переводахъ, здѣсь недостаетъ. Въ Строгановскомъ подлинникѣ названіе Римскаго царства *Антихрістовымъ* свидѣтельствуетъ уже о раздѣленіи Хрістіанской Церкви на восточную и западную: оно поставлено рядомъ съ представительницами язычества: Вавилонскою, Македонскою и Персидскою Монархіями.

По гласу Архангельской трубы, земля и море, гробы и звѣри, рыбы и птицы возвращаютъ назадъ тѣла усопшихъ Между ими видѣнъ возставшій изъ гроба человѣкъ съ распростертыми руками; въ недоумѣніи своемъ онъ не знаетъ еще, къ кому обратиться, къ избраннымъ, или погибшимъ: проведя половину жизни своей праведно, онъ наконецъ согрѣшилъ. Въ слѣдствіе произнесеннаго Судіею приговора, влекутся цѣпью въ адъ люди разныхъ званій, состояній и возрастовъ; «идутъ,» пишетъ Строгановскій подлинникъ, «и плачутся игумены и игуменьи, «и старцы и попы, и священство всякаго чина; за ними князья и «бояре, и вси судьи немилостивые и неправедные; оборачиваются «назадъ и плачутъ. А духовные люди идутъ въ адъ, которые не «радѣли о своемъ стадѣ и о своемъ спасеніи и, не исправляя себя, «служили. За ними идутъ молодые люди, которые не соблюдали «заповѣдей Божіихъ, не почитали отцевъ и матерей, и до брачнаго «сочетанія блудно жили.» Сатана одною рукой держитъ конецъ цѣпи, а другою Іуду съ кошелькомъ. Надъ отверстой пастью Ада выглядываетъ зоркоалчное око Вельзевула; подъ нимъ написано: «сатана и «діаволъ, «иже есть лживый пророкъ антихрістъ, будетъ сверженъ во «озеро огненное и вси съ нимъ творящіе волю его.» Въ самомъ низу образа позорище адскихъ мукъ: здѣсь повѣшенный за алчныя руки надъ адскимъ пламенемъ ростовщикъ, клеветникъ за его злорѣчивый и коварный языкъ, прелюбодѣй за руки и ноги, немилосердные и убійцы посажены въ пропасти вѣчной, въ студенцѣ истлѣнія, и томятся мразомъ студенымъ въ состояніи бѣлокаленомъ. Въ подлинникѣ же XVII вѣка такъ описываются, слѣдственно такъ и писались на образахъ, му́ки на Страшномъ судѣ: «Всѣмъ освященнымъ «чинамъ и старцамъ согрѣшившимъ котелъ кипитъ; му́ка клеветни«камъ: за языки повѣшены, а плясуны за пупъ; му́ка татямъ и раз«бойникамъ, за ноги повѣшены въ огонь; му́ка князьямъ и боярамъ «и судьямъ неправеднымъ червь неусыпающій; му́ка лихву емлю«щимъ и сребролюбцамъ, бѣсы имъ въ горло льютъ растопленное

«золото́ и серебро; а они сидятъ и не хотятъ пити, отворачиваются, «а бѣсы шеленами ихъ бьютъ. А которые творили блудъ съ попадья«ми и старицами, съ просвирнями и съ кумами и съ сестрами—по«вѣшены въ огнѣ за хребетъ.» Цѣлью изображенія такихъ ужасныхъ казней, безъ сомнѣнія, было «страхомъ спасать отъ огня «восхищающе.» *«Іуд. Посл.* I, 23; потому что «страшно нѣкое чаяніе «суда,» *ко Евр. Посл.* X, 27.

Въ нѣкоторыхъ изданіяхъ прибавлены такія лица и дѣйствія, какихъ въ другихъ нѣтъ, напр: Побѣда правды надъ кривдою, изображеніе I. Хріста подъ видомъ однорогаго оленя, вѣроятнѣе, единорога, съ которымъ онъ сравнивается въ св. Писаніи, убіеніе Авеля Каиномъ, владычество Антихрістово надъ моремъ, разрушеніе царства Антихрістова. До насъ не дошли ни запона Греческаго философа, т. е. монаха ученаго, съ изображеніемъ Страшнаго суда, ни икона онаго, писанная св. Авраамiемъ Смоленскимъ, ни Цареградскій образъ, присланный В. К. Тверскому Михаилу. Всѣ извѣстныя намъ изображенія етого предмета, писанныя на доскахъ и гравированныя, согласны въ главномъ, какъ мы сказали, различны только въ подробностяхъ. Но картины Страшнаго суда въ западной Церкви гораздо болѣе отступаютъ отъ нашихъ, не только въ околичностяхъ и подробностяхъ, но даже и въ главномъ предметѣ; въ нихъ встрѣчается участіе языческихъ божествъ, какъ видно у Микель-Анджело и Кузеня въ его картинѣ, гравированной на 9 листахъ и посвященной Людовику XIII: Iudicy universalis apradigma Sacra Scriptura testimoniis confirmatum, Ioannes Cousin Senonensis invenit et pinxit. Въ Германіи между простонародными книжками находится: Wahrhaftige Beschreibung des jüngsten Gerichts im Thal, т. е. истинное изображеніе Страшнаго суда въ юдоли Іосафатовой.

2. Лѣствица Св. Іоанна Лѣствичника; одна о 37 ступеняхъ, вводящая къ небу; другая съ такимъ же числомъ ступеней, низводящая въ адъ; каждая ступень носитъ тамъ названіе грѣха, а здѣсь — добродѣтели. Небо и адъ въ обыкновенныхъ символическихъ чертахъ своихъ. — Такое изображеніе взято изъ книги св. Іоанна лѣствичника Лѣствица, изд. въ Москвѣ 7155 (1647), г. въ десть: къ ней приложена гравированая на мѣди картинка, представляющая восхожденіе иноковъ по тридцатистепенной лѣствицѣ на небо — достиженіе однихъ и паденіе другихъ.

3. Изображеніе воздушныхъ мытарствъ, заимствованное изъ видѣнія Преп. Ѳеодоры. Полнѣе слободское изданіе.

4. Видѣніе Св. Космы Вологодскаго, или собственно исторія обмиранія, во время коего онъ видѣлъ адскія муки и райскую вечерю, райскихъ птицъ и пр.

5. Картина семи смертныхъ грѣховъ, изображающая дьявола, ѣдущаго прямо въ адъ на человѣкѣ съ завязанными глазами, въ знакъ того, что духовныя страсти ослѣпляютъ человѣка, и со скованными руками и ногами, знаменующими раболѣпство грѣхамъ. У грѣшника двѣ кошницы наполнены грѣхами подъ видомъ разныхъ скотовъ и гадовъ, каковы: зависть, сребролюбіе, блудъ, чревобѣсіе, уныніе, гордость, гнѣвъ. Въ листъ начала XVIII в.

6. Душа чистая и грѣшная: одна въ образѣ жены, облеченной въ царскую одежду, съ царскимъ вѣнцомъ на главѣ, съ луною подъ ногами. Предстоя Богу, она держитъ въ правой рукѣ скованнаго льва, а въ лѣвой сосудъ; влагой изъ сосуда (сѵмволъ праведной молитвы) она утушаетъ адскій пламень надъ грѣшницей, которая представлена въ видѣ нагой жены, сидящей въ пещерѣ. Подобнаго содержанія старинный образъ на доскѣ находится въ одной часовнѣ Преображенскаго богадѣленнаго дома въ Москвѣ. см. Акаѳистникъ, печат. въ Кіевѣ, 1629 г.

7. Изображеніе нераскаянной грѣшницы, сидящей на огненномъ драконѣ: надъ ея глазами висятъ жабы; въ ушахъ у ней стрѣлы; уста ея дымятся и пышутъ пламенемъ: груди ея сосутъ змѣи; адскіе псы терзаютъ ея руки; ноги ея скованы цѣпями.

8. Притча о женѣ прелюбодѣйцѣ, умершей безъ покаянія.

9. Истинное изображеніе благовременнаго покаянія. На 2 склеен. листахъ.

10. Зерцало грѣшнаго. Онъ сидитъ надъ кладеземъ геенны между четырехъ мечей; надъ головою его виситъ мечь—мститель беззаконія. Картина ета въ началѣ XVIII в. гравирована на мѣди Мартыномъ Нехорошевскимъ. См. выше.

11. Вышеупомянутая Темница богоугодная Святыхъ осужденикъ, т. е. произвольно рѣшившихся еще въ здѣшней жизни переносить мученія грѣшниковъ.

12. Изображеніе побѣды духа надъ плотію въ видѣ монаха, сидящаго на обнаженномъ человѣкѣ, ползущемъ на четвереньках по землѣ.

13. Сказаніе о мученіяхъ по смерти одного благороднаго человѣка, немилостиваго къ сирымъ и убогимъ, притѣснителя и мздоимца.

14. Слово Св. Василія великаго въ лицахъ «о злобахъ женскихъ «и о взорѣ на лица ихъ: много помощи бѣсомъ въ женскихъ клю-«кахъ,» т. е. хитростяхъ. [12]

15. Слово Св. Іоанна Златоуста (?) о злыхъ женахъ.

16. Видѣніе Преп. Макарія въ пустынѣ, гдѣ ему встрѣтился бѣсъ, обвѣшанный тыквами, кои означаютъ различные соблазны бѣсовскіе. Изъ Пролога и Мірозрительнаго зерцала.

17. Видѣнія Св. Антонія великаго Египетскаго въ пустыни. Изъ Четьи-Минеи, Январь 17 и Египетскаго Патерика въ рукописи.

18. Притча Св. Варлаама *о временнѣмъ семъ вѣцѣ*, или по Толстов. *объ инѣрозѣ*, т. е. единорогѣ. Изъ Пролога Ноября 19. Сравненіе жизни человѣческой съ мужемъ, который, бѣжавши отъ разсвирѣпѣвшаго единорога, падаетъ въ глубокій ровъ, гдѣ шипитъ страшный змѣй; но въ своемъ паденіи онъ хватается за дерево, коего корень подгрызаютъ двѣ мыши бѣлая и черная. На томъ мѣстѣ, гдѣ онъ держался, изъ стѣны выдаются четыре аспидовы головы. Среди угрожающихъ со всѣхъ сторонъ опасностей привлекаетъ его медъ на деревѣ. Его символическое изображеніе такъ объясняется въ текстѣ: «се подобіе въ прелести сущимъ сего житія: ибо едино-«рогъ гоняй выну, образъ есть смерти яти послѣдствуяй Адамля «рода; ровъ же весь міръ есть, исполненъ сый всѣхъ смертоносныхъ «сѣтей; древо, еже отъ двою мышію безпрестани грызомо, путь «есть житія нашего, яко живущимъ намъ комуждо, безпрестани по-«гибаемъ часовъ ради дневныхъ и нощныхъ и усѣкновеніе корен-«ное приближается. Четыре аспиды, еже отъ безмѣстныхъ стихій, «составлено человѣческое тѣло, имъ же безчинствующимъ и мятущим-«ся, тѣлесный разрушается составъ. К сим-же огненный онъ и не-«милостивый змій страшное изобразуетъ адово чрево, зѣвающе прія-«ти иже нынѣшнихъ красотъ паче будущихъ благъ изволившихъ. Медвеная же капля сладость являетъ сего міра сладкихъ: богатство, «златолюбіе, сребролюбіе, словохотіе: яже мы вѣдуще будущую смерть «и безъ конца муку и вѣчное царство Божіе, не лишаемся словохо-«тія свѣта сего, ищуще богатства, гордыни, піянства, велерѣчія и

[12] У Нестора лѣтоп. по Лаврент. см: стр. 32, объ Олгѣ: «переклюкала, т. е. перемудрила, перехитрила, сходно съ Нѣмецк: überklügeln.

«тако въ невѣдѣніи приходящи смерть, напрасно вся ны восхищаетъ «и во адъ сводитъ. Да лѣпо намъ, братіе, остатися сея славы и сует«наго богатства и всѣхъ злыхъ дѣлъ и воспріяти дѣла добрая и «плоды духовныя, ими же обрѣсти царство небесное.» Подобное изо«браженіе помѣщено на Васильевскихъ дверяхъ Успенскаго собора «въ Александровскомъ монастырѣ Владимир. губерніи. [13]

19. «Богъ создалъ правду, а дьяволъ кривду, Богъ создалъ іерея, а дьяволъ скомороха, Богъ создалъ праведника, а дьяволъ ябедника» и пр.

20. Трапеза благочестивыхъ и трапеза нечестивыхъ; надъ одною паритъ Ангелъ, надъ другою творитъ пакость дьяволъ.

21. Развратный и нечестивый юноша смѣется надъ благочестивымъ, идущимъ въ церковь; перваго поражаетъ молнія, а послѣдній остается невредимымъ.

22. О женитьбѣ дьявола: врагъ Бога и человѣка, сочетавшись съ неправдою, прижилъ съ нею семь дочерей: гордость, скупость, лесть, зависть, лицемѣріе, тщеславіе и спѣсь, коихъ и выдалъ въ замужство: первую за богатыхъ, вторую за простыхъ, третью за деревенскихъ мужиковъ, четвертую за мастеровыхъ, лицемѣріе за духовныхъ, тщеславіе и спѣсь послалъ къ женщинамъ; блудницу же пустилъ по всему свѣту. Содержаніе стой картинки взято изъ Скитскаго Патерика.

23. Слово Св. Антіоха о мздоиманіи; изъ Пролога. Здѣсь изображенъ дьяволъ сидящимъ на огненной колесницѣ съ сундукомъ; онъ погоняетъ бичемъ четырехъ, запряженныхъ въ нее человѣкъ—представителей лихоимства, мшелоимства, рѣзоимства и мздоимства. Возница гонитъ ихъ прямо въ адъ. Изъ Мірозрительнаго зерцала.

Въ число предметовъ христіанскаго ученія вошли также обличеніе расколовъ въ лицахъ.

Изображеніе аллегорическое воинствующей Церкви Христовой въ видѣ корабля, плавающаго по морю и еретиками преслѣдуемаго. Кормчимъ сего корабля Христосъ; съ одной стороны Іерусалимъ, съ другой Вавилонъ. Въ низу картины ополчившіеся противъ Церкви еретики съ разными орудіями; одинъ стрѣляетъ въ нее изъ лука,

---

[13] Древности Русскаго Государства, отдѣл. VI, *И. Снегирева.*

другой изъ ружья; одни покушаются поразить ее копьями, другіе задѣть крючьями. Въ главѣ ополченныхъ стоитъ Папа.

Таковы изданныя Александромъ Халаевымъ въ началѣ текущаго столѣтія:

1. Старообрядецъ поповщинскій и старобрядецъ безпоповщинскій, обличающіе одинъ другаго.

2. Православный священникъ, попъ изъ часовни и наставникъ безпоповщинскій.

3. Раскольническая исповѣдь и т. п.

III. ИЗЪ ОТРЕЧЕННЫХЪ КНИГЪ И НАРОДНЫХЪ СУЕВѢРІЙ.

На страницахъ 13 и 33 мы уже коснулись книгъ отреченныхъ и другихъ подобныхъ имъ источниковъ, изъ коихъ заимствовано содержаніе нѣкоторыхъ лубочныхъ картинокъ, теперь не появляющихся на свѣтъ и очень рѣдкихъ. Въ етихъ произведеніяхъ простонароднаго гравированія нерѣдко заключаются отголоски сектъ раскольничихъ, превратныя понятія объ истинной вѣрѣ, даже иногда смѣшеніе нелѣпыхъ суевѣрій съ языческими вѣрованіями.

Въ Слободахъ и даже въ Москвѣ, раскольниками издавались (когда лубочныя картины печатались безъ ценсуры) возраженія и хулы на Православіе въ видѣ лубочныхъ картинокъ съ объясненіемъ, изображенія расколоучителей Данилы Викулина, Андрея Денисова, Аввакума, Ильи Кавылина.

Г-мъ Далемъ приведены въ примѣръ религіозныхъ изображеній [14] слѣдующія, намъ извѣстныя въ рукописяхъ: Сонъ Божія Матери, 2. Святое письмо Господа Іисуса Хріста, 3. Іерусалимскій свитокъ, 4. пятничный свитокъ, или о дванадесяти пятницахъ, 5. списокъ о чернодневіи.

1. Различные списки Сна Богородицына появились съ XVII вѣка въ рукописяхъ; онъ начинается такъ: «Спала почивала во градѣ Іеру-«салимѣ пресвятая Богородица у Неву, у Пегу, у солощаго камня «и видѣла сонъ весьма страшный» и пр. Ето есть нелѣпое произведеніе неизвѣстнаго книжника и времени; суевѣрные носятъ его на себѣ, какъ предохранительное средство отъ напастей. *О Богородицыномъ хожденіи по мукамъ* упоминаетъ Святитель Кипріянъ въ статьѣ о книгахъ запрещенныхъ.

---

[14] Ueber die Schiftstellerei des russischen Volks etc.

2. Святое письмо I. Хріста къ Едесскому Царю Авгарю, [15] безъ сомнѣнія, то, которое передаетъ Евсевій Панфиловъ, именно: «Блаженъ «еси ты, увѣровавшій въ Меня, хотя самъ Меня не видѣлъ. Писано «есть обо Мнѣ, что видящіе меня не увѣруютъ въ Меня, а невидящіе «увѣруютъ и оживутъ. Что же касается до писаннаго тобою ко Мнѣ, «чтобъ Я посѣтилъ тебя, то мнѣ предлежитъ совершить все, за чѣмъ «Я низпосланъ на землю, а по совершеніи Я долженъ возвратиться «къ Тому, Кто послалъ Меня: по вознесеніи же Моемъ, пошлю къ «тебѣ одного изъ учениковъ Моихъ, да изцѣлитъ болѣзнь твою и «дастъ жизнь тебѣ и ближнимъ твоимъ.» [16]

3. *Іерусалимскій свитокъ* заимствованъ изъ Мірозрительнаго Зерцала: онъ угрожаетъ гнѣвомъ Божіимъ за нарушеніе постовъ и за другія беззаконія людей. Объ етомъ свиткѣ. будто спадшемъ съ неба, упоминаетъ Максимъ Грекъ въ одномъ своемъ словѣ. «А съ не«бесе грамота, пишетъ онъ,» нѣсть сослана николи же; той лжи «не внимай Бога ради! Лжа отъ діавола есть, а истина отъ Бога, «рекше Богодохновенная Св. Писанія, въ нихъ же не обрящеши «таково что нигдѣ же. [17]

4. *Чернодневіе* извѣстно было древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, у которыхъ *въ черные дни* (*μελαιν' ἡμέραι*, dies atri) не предпринимали никакихъ важныхъ дѣлъ. Кириллъ Іерусалимскій въ числѣ еретическихъ книгъ, «ихъ же не подобаетъ чести православнымъ,» «указываетъ на Путника, въ немъ же есть писаніе *о часѣхъ добрыхъ «и злыхъ*, еже есть предъ Богомъ отрѣчено, и о днехъ лукавыхъ, [18] «т. е. черныхъ. Отъ етого суевѣрія произошли народныя поговорки, при начатіи какого либо дѣла: *въ добрый часъ во Архангельскій, или въ добрый часъ сказать, а въ дурной помолчать*. Понедѣльникъ, вѣроятно, потому считается неблагоприятнымъ, что, по тексту Еврейской Библіи, при твореніи Богъ не благословилъ втораго дня, соотвѣтствующаго понедѣльнику; ибо не сказано, какъ о прочихъ дняхъ: «и видѣ Богъ, яко добро.» Бытія, I, 5. По предразсудкамъ про-

---

[15] Путешествіе по св. землѣ въ 1835 г. *Авраама Норова*. ч. 11, 177.

[16] Ueber die Schriftstellerei des russischen Volks, von Dr. W. F. Dahl въ Dorpat. Iahrbücher. IV B. I H. Leipzig. 1835.

[17] *Кірілла Іерусалимскаго* поучительныя слова. Москва, 7152 г. въ листъ.

[18] Абевега Русскихъ суевѣрій. М. 1786, въ 8.

стаго народа; ибо если кто въ понедѣльникъ и пятницу что либо предпринимаетъ, отъ сего нельзя будто ожидать успѣха; деревенскія бабы почитаютъ за грѣхъ въ пятницу прясть и шить, опасаясь за ето злой ногтоѣды, или заусеницы. [19] Въ понедѣльникъ не ѣздятъ въ дорогу, не начинаютъ важныхъ дѣлъ изъ опасенія несчастій и неудачи. Впрочемъ не въ одной Россіи, но и въ самой Германіи, по свидѣтельству Я. Гримма. существуетъ такое суевѣріе: тамъ простолюдины вѣрятъ, что начатое въ понедѣльникъ бываетъ не прочно; отъ сего въ етотъ день не играютъ сватьбы и не моютъ бѣлья. [20] У насъ нѣкоторые изъ простолюдиновъ, кромѣ середы и пятницы, понедѣльничаютъ. Въ народномъ Русскомъ стихѣ *прощанье души съ тѣломъ*, душа, разставаясь съ тѣломъ, говоритъ ему, что оно пойдетъ во сыру землю, а сама она въ муку вѣчную, безконечную. На вопросъ тѣла, почему она себѣ угадываетъ? «По тому я тѣло себѣ «угадываю, что какъ жили мы, были на вольномъ свѣту́, мы на «вольномъ свѣту, на прошедшемъ вѣку́, не имѣли мы ни середы, «ни пятницы, ни великаго поста понедѣльничку, ни трехдневнаго «воскресеньица; мы по середамъ, по пятницамъ платье золовали, «платье золовали мы, льны продавали» и т. д. Предметъ суевѣрія одинаковъ у Русскихъ и Нѣмцевъ, только дни различные. У первыхъ золовать платье (мыть бѣлье) въ середу и пятницу почитается грѣхомъ, у послѣднихъ мыть бѣлье въ понедѣльникъ дурная примѣта. По мнѣнію народа, середа и пятница два Ангела, которые встрѣтятъ съ радостію и проведутъ въ рай соблюдавшихъ постъ въ сіи дни. Наконецъ заключимъ етотъ отдѣлъ замѣчаніями, большею частію, почерпнутыми изъ Православнаго Собесѣдника, *на пятничный свитокъ*, распространенный въ спискахъ между простымъ народомъ. Въ древнія времена особеннымъ уваженіемъ пользовалась пятница; съ нею донынѣ соединяются въ простомъ народѣ разныя торжища, повѣрья и обряды. Въ продолженіи десяти недѣль послѣ Пасхи, торги во многихъ городахъ и селахъ бывали и даже донынѣ бываютъ въ *пятницы*, извѣстныя подъ названіемъ *десяти торговыхъ пятницъ*. Въ религіозномъ же отношеніи пятницы раздѣлялись на *обѣтныя и временныя*. Въ случаѣ неурожая хлѣба, падежа скотскаго, повальныхъ болѣзней и другихъ бѣдствій, давали обѣтъ по нѣ-

---

[19] Deutsche Mythologie von Jac. Grimm. Gött̃ing. 1835, in 8.

[20] Чтенія Общества И. и Д. Р. IV-го 9, стих. XXIV.

которымъ пятницамъ не только держать постъ, но и не работать, какъ въ праздники. Отъ такихъ обѣтовъ и самыя пятницы именовались *обѣтными*, *завѣтными*. *Временными же* названы *двѣнадцать* избранныхъ въ году *пятницъ*, кои считались не въ опредѣленныхъ числахъ мѣсяцевъ, а приходились въ разныя числа. *Именными* онѣ слыли отъ того, что каждая изъ нихъ носила особенное названіе, какъ то: *Рожественская*, *Крещенская*, *Срѣтенская*, *Благовѣщенская*, *Троицкая*, *Илмчская*, *Успенская*, *Ивановская*, *Воздвиженская*, *Михайловская* и т. д. Какое значеніе имѣютъ сіи пятницы по народному понятію, можно видѣть изъ самаго сказанія *о двѣнадцати пятницахъ*, которое такъ распространено въ простомъ народѣ, что его почитаютъ чуть не наравнѣ съ Св. Писаніемъ. Оно принадлежитъ къ тѣмъ апокрифическимъ сказаніямъ, кои сложились на Востокѣ едва ли не въ первыя времена Христіанства и перешли къ намъ черезъ Болгарію, или же въ послѣдствіи получили начало въ Болгаріи, откуда достались Россіи подъ именемъ *болгарскихъ басенъ*. См. выше стр. 33. Съ нѣкоторыми изъ етихъ сказаній оно тѣсно связано даже многими подробностями своего содержанія. Такъ въ апокрифическихъ сказаніяхъ объ Адамѣ, Каинѣ, Авелѣ и Моѵсеѣ находимъ преданія, что Адамъ былъ изгнанъ изъ рая въ Мартѣ мѣсяцѣ, въ пятницу, въ 6 часу дня, что въ томъ же мѣсяцѣ въ пятницу, въ 9 часу Каинъ убилъ своего брата Авеля, что Содомъ и Гоморръ погибли въ пятницу, въ Сентябрѣ мѣсяцѣ, въ первомъ часу ночи, что Евреи перешли черезъ Чермное море въ пятницу въ 8 часу и т. д. Благочестивое любопытство древнихъ Христіанъ не довольствовалось многими сказаніями Св. Исторіи въ ихъ простомъ и сокращенномъ видѣ; недостающія подробности въ такихъ сказаніяхъ они старались дополнять догадками и придумками; сближая между собою разныя ветхозавѣтныя и новозавѣтныя событія, объясняли ихъ однѣ другими. Такова основа большей части извѣстныхъ намъ апокрифическихъ сказаній! такова же основа и сказанія о двѣнадцати пятницахъ! Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ оно называется *Сказаніемъ отъ обрѣтенія Елефтерія о двѣнадесяти пятницахъ*, которому открылъ ето Малхъ жидовинъ. О строгомъ соблюденіи означенныхъ дней сказаніе ето говоритъ: «сихъ же ві петокъ подобаетъ съблюсти въсякому хрі«стіянину постомъ и молитвою, и единаго хлѣба и воды въкушати. «Аще ли мощно іестъ и милостыню кому творитъ и отъ скверныхъ «помышленій и отъ нечистыхъ соблюдатися, и за сіе мъзду пріяти «отъ Х҃а Бога. и се же боуди вѣдомо, яко въ тые дни ничто же по-

«добаетъ творити, ни путешествовати, ни садити, ни градити, ни «куповати, ни продати. Аще ли что въ тые дни сътворитсе, ничто «же добро и полезно боудетъ, нъ на пакостъ превратится, нъ и за«чатое въ тые дни и рожденное ни что же здраво боудетъ. Нъ или «бѣсовъскою немощію, или отъ тѣлесныихъ оудовъ криво, или хро«мо, или слѣпо въсако боудетъ. Сего ради достоитъ сихъ разумно «съ оутвержденіемъ съблюдати.» [21] Въ ходячихъ по рукамъ спискахъ *Сказанія о XII пятницахъ* излагаются правила, какъ проводить сіи дни, какую награду получаютъ наблюдающіе ту, или другую пятницу, равно, какимъ несчастіямъ подвергаются непочитающіе такихъ дней. При такомъ уваженіи пятницы, весьма понятно и олицетвореніе ея въ простомъ народѣ. Въ житіи Св. Великомученицы Параскевы говорится, что ея родители всегда чтили пятницу, какъ день страданій и смерти Спасителя, и сопровождали его строгимъ постомъ, молитвой и милостыней; за то Богъ въ пятницу имъ даровалъ дочь, которую назвали они *Παρασκευη*, именемъ, равносильнымъ дню седмицы; по сему въ Мѣсяцесловахъ пишется: *Св. Параскевы, нареченныя пятницы.* Извѣстно, что церкви и часовни, посвященныя Св. Параскевѣ, до сихъ поръ вездѣ въ Россіи именуются *Пятницами*, или *пятничными.*

II. ФИЛОСОФИЧЕСКАГО СОДЕРЖАНІЯ.

Въ лубочныхъ картинкахъ философическаго содержанія заключаются не отвлеченныя какія либо истины, не умозрѣнія о мірѣ, природѣ и человѣкѣ, не о конечныхъ причинахъ, но нѣкоторыя только истины изъ дѣятельнаго любомудрія, доступныя уму и близкія сердцу простолюдина, принятыя имъ въ руководство. По простотѣ жизни и по ограниченности своихъ понятій, онъ довольствуется весьма немногими разсужденіями о суетѣ міра, о жизни, смерти и вѣчности, о превратности судьбы человѣческой, о необходимости и пользѣ терпѣнія, объ упованіи на Бога въ бѣдственныхъ случаяхъ, о самопознаніи, объ исполненіи своихъ обязанностей, наконецъ предостереженіе отъ пьянства, какъ источника многихъ пороковъ, отъ распутства, картежной игры, сребролюбія. Всѣ такіе предметы излагаются то въ бѣсѣдахъ, заимствованныхъ книжниками изъ еллинскихъ

[21] Православный Собесѣдникъ, Февр. 1859 г. Казань, въ 8.

мудрецовъ, или изъ святыхъ Отцевъ Церкви, то въ олицетворенныхъ притчахъ и пословицахъ — етихъ афоризмахъ народной философіи, соединенной съ религіознымъ ученіемъ. Такой отдѣлъ лубочной иллюстраціи весьма недостаточенъ. Въ тѣсной ея рамкѣ могла ли вмѣститься и высказаться вся жизнь Русскаго народа съ ея свѣтлыми и темными сторонами, его умъ, на любимомъ просторѣ? Обозначились только нѣкоторыя ея черты; потому что не всѣ нравственныя истины способенъ былъ олицетворить грубый рѣзакъ ремесленника, и потому еще. что Русскій человѣкъ не любитъ открывать всего себя, по его старой пословицѣ, *рюмка не допивается, а слово не договаривается*. Онъ обращаетъ вниманія на то, что̀ его сильнѣе поражаетъ, и что̀ выходитъ изъ предѣловъ обыкновенной жизни, гораздо болѣе, чѣмъ на свои хорошія свойства. По етому самому, охужденіе и осмѣяніе пьянства скорѣе можетъ выражать отвращеніе къ етому гибельному для тѣла и души пороку и грѣху, нежели отличительный признакъ Русскаго народа. [22]

Не вдаваясь въ дальнѣйшее объясненіе смысла и значенія ограниченнаго числа лубочныхъ картинокъ въ етомъ отдѣлѣ, выписываемъ самое ихъ заглавіе, изъ коего обнаружится ихъ содержаніе.

1. Изображеніе фортуны съ надписями, рисованное и гравированное, въ началѣ XVIII вѣка, Аѳанасіемъ Трухменскимъ.

---

[22] При етомъ замѣтимъ, что слово *хмѣль* значитъ состояніе пьянаго и самое дѣйствіе хмѣльнаго напитка; а *хмѣльными напитками* называются собственно пиво и медъ вареный съ хмѣлемъ. Слѣдственно ето названіе относится къ тѣмъ временамъ, когда еще не было въ употребленіи горячее хлѣбное вино, или горѣлка. По сказанію XVII вѣка о происхожденіи виннаго питія, или рекомой горѣлки, она произошла отъ бѣса. Слова В. К. Владиміра I, приведенныя святымъ лѣтописателемъ: *Руси веселіе пити*, согласны съ словами Св. Писанія: «Веселіе души вино піемо во время прилично.» *Сірахъ*, XXXI, 33. «Вино веселитъ сердце человѣку» и «Невинно вино, укоризненно же піянство.» *Притч.* XXI, X, в. Трезвость въ допетровской Руси почиталась высокою добродѣтелью и даже въ прошломъ столѣтіи говаривали въ похвалу о молодомъ человѣкѣ: «онъ не пьетъ ни пива, ни меду.» Изъ разсужденій о пьянствѣ, изъ лубочныхъ сатиръ на пьяницу едва ли можно заключать съ достовѣрностію объ общей наклонности Русскихъ къ пьянству. Въ то время, какъ, по сказанію самихъ иностранцевъ Герберштейна, Флетчера и Михалона, на Москвѣ въ XVI в. открытъ былъ за городомъ кабакъ для Нѣмцевъ, изъ опасенія дѣйствій худаго примѣра, Русскимъ строго запрещалось употребленіе хмѣльныхъ питей въ будни;

2. «Человѣкъ, читай со вниманіемъ, како прейдетъ тысяща лѣтъ, «яко единъ день.»

3. Восхожденіе въ верхъ и нисхожденіе въ низъ по лѣствицѣ и по степенямъ житія человѣческаго.

4. Четыре вещи послѣднія, характеризующія сыновъ Ноевыхъ «Хамъ пшеницу сѣетъ; Афетъ власть имѣетъ; смерть всѣмъ вла- «дѣетъ.»

5. Христіянское духовное завѣщаніе отъ отца къ дѣтямъ.

6. Старинная притча, изображающая борьбу смерти съ жизнію, или преніе смерти съ животомъ, которое повторяется въ назидательномъ сказаніи: Аника воинъ и смерть, съ стихами: «ѣдетъ Аника воинъ, черезъ поле на встрѣчу Аникѣ ѣдетъ чудо» и т. д. Съ етимъ сказаніемъ сближается преданіе о страшномъ разбойникѣ Аникѣ, нѣкогда жившемъ близь Вологды въ Аникиномъ лѣсу и объ огромномъ богатствѣ Аники. [23]

7. Изображеніе бѣдственныхъ случаевъ жизни человѣческой, съ увѣщаніемъ: «не слабѣть въ печали, отчаяніемъ не унывать, а на «Бога уповать и святой Его воли не забывать.

8. «Своя ноша не тянетъ»: изображеніе въ лицахъ заботъ супружеской жизни.

только въ праздники или на Святкахъ и на Святой недѣлѣ позволялось пить; для исправленія отъ пьянства, сажали въ *бражныя тюрьмы*. Самъ Михалонъ называетъ своихъ соотечественниковъ пьяницами (nostra gens ebriosa). Пьянство Нѣмцевъ вошло у Французовъ въ пословицу: Ivrogne comme un allemand, т. е. пьяница, какъ Нѣмецъ. Еще Тацитъ, описавшій намъ обычаи и нравы Германцевъ, говоритъ: «у нихъ не считается за стыдъ проводить цѣлые дни и ночи въ попойкахъ, какъ водится у пьяницъ; у нихъ бываютъ частыя ссоры, кои иногда доходятъ до мечей.» Общее мнѣніе въ Европѣ о пьянствѣ Нѣмцевъ выражалось между прочимъ и пословицей: Germanis vivere et bibere, т. е. Нѣмцамъ свойственно жить и пить. Овенъ въ епиграммѣ своей говоритъ: Si latet in vino verum, ut proverbio dicunt, invenit verum Teuto, vel inveniet, т. е. если въ винѣ скрывается истина, какъ гласитъ пословица, то Нѣмецъ ее находитъ, или найдетъ. [1] Гордонъ и Бергольцъ, какъ очевидцы, описываютъ намъ попойки въ Кукуѣ, Нѣмецкой слободѣ, въ коихъ участвовалъ нерѣдко и самъ Петръ I съ Лефортомъ, сдѣлавшимся жертвою оныхъ. Съ XVII в. стало болѣе и болѣе распространяться пьянство въ Россіи.

[23] Москвитянинъ 1843 г. № 11.

9. «Худое домоправительство, когда мужъ у жены отъемлетъ належащее ей, тогда сатана возгнѣтаетъ огнь въ домостроительствѣ и ссоры.»

10. «Знай самаго себя, указывай въ своемъ домѣ.» Притча съ нравственными пословицами. На картинѣ въ листъ представлены сидящіе за столомъ двое мущинъ въ военныхъ мундирахъ XVIII вѣка; предъ ними стоитъ хозяинъ въ Русскомъ костюмѣ, а музыкантъ играетъ на віольдъамурѣ. На поляхъ картины написано наставленіе: «Гдѣ посадятъ, тамъ и сиди, а гдѣ не велятъ, тутъ не сиди; «что поставятъ, то и кушай, а хозяина въ домѣ слушай; что под«несутъ, то и пей, а питья на землю не лей, изволь все до дна до«пивать, а не изволь вонъ выливать; лучше не принимать, нежели «на землю проливать, и самъ ты сіе помнишь, что питіемъ землю «не наполнишь.»

11. Нравоучительныя разсужденія Марка Аврелія въ лицахъ.

12. Бесѣда философовъ Анахарсиса и Кирилла о пьянствѣ, съ изображеніемъ хмѣля, надъ коимъ подписано: *Азъ есмь хмѣль трава высокая голова*, также о пагубныхъ и гнусныхъ слѣдствіяхъ пьянства.

13. Повѣсть нравоучительная о высокоумномъ хмѣлѣ и худоумныхъ пьяницахъ, или повѣсть о хмѣльномъ питіи, весьма душеполезная. Она дала поводъ къ изданію разныхъ картинъ, кои съ обличеніемъ и укоризною пьянству соединяютъ шутливость. [24]

14. Аптека цѣлительная съ похмѣлья.

15. Разговоръ между пьянымъ и трезвымъ, коимъ высказывается и отвратительное положеніе пьяницы и философія героя кабаковъ въ противоположность любителю трезвости.

16. Картина послѣдствій всепагубной сласти пьянства, со стихами:

Аще содружится со мною великій властелинъ,
И я его учиню, аки глупый поселянинъ.

---

[24] Къ Монгольскому періоду относится рукописное поученіе Св. Отцевъ о пьянствѣ. *Востокова* Опис. Румянц. Музея. стр. 230, 232.

Аще содружится со мною кая власть,
Постигнетъ его лютая напасть.
Аще содружится со мною протопопъ,
И онъ будетъ глупый пустопопъ.
Аще содружится чернецъ со мною,
Учиню его верченаго собою.
Аще содружится со мною черница,
И она будетъ въ монастырѣ непостоянная жилица.
Аще купецъ со мною содружится,
Тогда купля его вскорѣ потребится.
Аще подьячій содружится со мною,
То вся злая постраждетъ надъ собою.
Аще солдатъ, или приставъ содружится,
То всегда батогами оскорбится.
Аще рабъ, или холопъ со мною содружится,
Во истину мерзокъ господину явится.
Аще ремесленникъ со мною содружится,
То ремесло его вскорѣ погубится.
Аще содружится со мною кая жена,
И она будетъ мужу строптивая змія.
Аще со мною какого чина мужъ содружится,
И онъ въ великихъ нуждахъ будетъ находиться.
Аще поселянинъ со мною содружится,
То все село его пусто сотворится,
И рости станетъ, вмѣсто пшеницы, крапива,
А онъ начнетъ желать вина и пива.

17. О наказанномъ женатомъ волокитѣ. см. ниже.

18. Изображеніе гибельныхъ слѣдствій карточной игры въ лицѣ игроковъ Савоськи и Парамошки.

19. Репремантъ хвастливымъ людямъ, которые «въ гости къ себѣ «многихъ зовутъ, а сами отъ того изъ дому бѣгутъ, а другіе въ домѣ «не сказываются, отлучкою ложно отказываются.»

Торжество простаго здраваго смысла и догадливости надъ ученостью и хитростью обнаруживается въ философическихъ разговорахъ:

1. Мальчика съ мудрецомъ и 2. Профессора съ мужикомъ.

III. ЮРИДИЧЕСКІЯ.

Етотъ отдѣлъ лубочныхъ картинокъ ограничивается весьма немногими изображеніями тяжебныхъ дѣлъ и судебныхъ дѣйствій въ лицахъ. За отсутствіемъ гласности, въ старину на Руси, не могли быть обнародованы и олицетворены въ простонародныхъ гравюрахъ важнѣйшіе и любопытнѣйшіе процессы, особенно тѣ, въ коихъ обличалась вопіющая несправедливость судей и беззаконное угнѣтеніе подсудимыхъ. Исключеніемъ тому, какъ увидимъ, двѣ только тяжбы, и то прикрытыя прозрачною тканью аллегоріи: Шемякинъ судъ и Ершъ Ершовичь Щетинниковъ. Въ одной дѣйствуютъ люди, въ другой рыбы; одна рѣшается произволомъ судьи, безъ всякихъ судебныхъ обрядовъ и формулъ, вопреки Судебнику Царя Іоанна IV, который повелѣваетъ «судомъ не мстити никому и не дружити и посула въ судѣ не имати.» Другой судъ, напротивъ того, производится и рѣшается по старымъ суднымъ грамотамъ и обычаямъ, съ соблюденіемъ судебныхъ формулъ. Та и другая тяжба, взятыя изъ народнаго быта, характеризуютъ судопроизводство и духъ того времени.

Лубочныя картинки юридическаго содержанія не передали намъ ни одного *Царскаго суда*, на который ставились въ три судные срока: о Рождествѣ Хрістовѣ, о Троицынѣ и Семенѣ дняхъ. Мѣстомъ етого суда на Москвѣ были Приказъ большаго дворца и Царская дума.

Чего не могли рѣшить Намѣстники и Волостели, то рѣшалъ самъ Государь, котораго судъ почитался *судомъ Божіимъ*; народъ вѣровалъ, что «Царь судилъ, какъ Богъ на сердце ему положитъ.» Приговоры Царскаго суда сохранились только въ нѣкоторыхъ актахъ, преданіяхъ и старинныхъ пѣсняхъ; но не перешли въ лубочныя картины. Въ одной старинной пѣснѣ Царь даетъ такой ироническій приговоръ разбойнику:

Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ ты отвѣтъ держать!
Я за то тебя дѣтинушку пожалую,
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

За то въ лубочныхъ простовикахъ гравированія представляются намъ образцы судовъ премудраго Царя Соломона; изъ нихъ одинъ

подлинный, заимствованный изъ Св. Писанія, III Царствъ, IV, 1—3, о раздѣленіи младенца, присвоиваемаго себѣ двумя женщинами; а другой, какъ увидимъ, подложный. Соломону приписывались многіе суды, основанные на древнѣйшихъ преданіяхъ о мудрости его: они находятся въ простонародной Словесности Славянскихъ племенъ и въ отечественной писменности; въ нихъ заключаются рѣшенія затруднительныхъ и запутанныхъ дѣлъ. Они восходятъ до XV вѣка, [25] но не вошли въ Лубочную Иллюстрацію. Такъ въ сборникѣ XV вѣка, хранящемся въ Кирило-Бѣлоезерскомъ монастырѣ, помѣщены нѣкоторые суды и загадки Царя Соломона. [26] Въ рукописной Библіи XVI вѣка, принадлежащей Князю М. А. Оболенскому, приписаны на поляхъ въ I книгѣ Царствъ слѣдующіе: 1) о переодѣтомъ вельможѣ и слугѣ его: 2) о трехъ сыновьяхъ, получившихъ, по завѣщанію отца, въ землѣ три лукна, (корзины, сплетенныя изъ бересты): одно съ золотомъ, другое съ костьми, третіе съ землею; 3) объ убогой вдовѣ, у которой вѣтеръ развѣялъ мѣру муки́. [27] Тамъ же вклеена весьма рѣдкая картинка въ родѣ лубочной:

1. *Судъ премудраго Соломона*, гравированная въ Москвѣ 1656 году, въ 4. Къ изображенію въ лицахъ етого суда присоединенъ слѣ«дующій текстъ: «Нѣкій велможа во снѣ даде нищему сто рублевъ «денегъ въ займы и возставъ отъ сна, бьетъ Царю челомъ на того «нищаго въ тѣхъ деньгахъ. По повелѣнію же цареву, нищій собра «Бога ради денги, принесе ко Царю. Царь же повелѣ тѣ денги «надъ кладеземъ повѣсити и стѣнь тѣхъ денегъ, что въ водѣ, велмо«жѣ взяти. Онъ же разумѣ свою неправду, прощенія испроси. Царь «же повелѣ нищему взяти деньги.»

2. Въ противоположность мудрому и правдивому суду Соломона приведемъ здѣсь кривой *судъ Шемякинъ*, который усвоился лубочной литературѣ. Память беззаконій Галицкаго Князя Димитрія Шемяки въ XV столѣтіи увѣковѣчилась и въ народной притчѣ и въ отечественной исторіи. «Отъ сего убо времени», какъ свидѣтель-

---

[25] Очеркъ литературной Исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, соч. Г. Пыпина. Спб. 1857 г. въ 8.

[26] Ученыя Записки II отдѣл. Императорской Академіи наукъ, кн. V. Спб. 1859 г. стр. 23 и 24.

[27] Рукоп. уставная въ десть на бумагѣ; знакъ собаки въ колесѣ.

ствуетъ намъ старый Хронографъ, «въ велицѣй Русіи на всякаго судью «и восхитника въ укоризнахъ прозвася *Шемякинъ судъ.*» Етотъ неправый судъ между прочимъ произнесенъ былъ и на Великаго Князя Московскаго Василія Темнаго, у котораго выкололъ глаза Шемяка, погубившій многихъ напрасно. Въ юридической притчѣ, олицетворенной на лубочныхъ тетрадкахъ, пристрастный и мздоимный судья названъ Шемякою; на его судѣ обвиняется убогій богатымъ его братомъ въ томъ, что оторвалъ хвостъ у его лошади, потомъ другими истцами, что, упавши съ палатей, задавилъ ребенка въ люлькѣ и бросившись съ мосту, убилъ хвораго старика, котораго добрый сынъ везъ на саняхъ въ баню. Три истца привели убогаго въ исковомъ дѣлѣ на судъ къ Шемякѣ. Подсудимый, завернувъ камень въ платокъ, издали кажетъ его своему судьѣ съ тѣмъ, что если будетъ судить не въ его пользу, то убьетъ его до смерти. Полагая, что у подсудимаго въ платкѣ завернуто сто рублей, судья рѣшаетъ дѣло въ его пользу, присудивъ отдать отвѣтчику безхвостую лошадь, пока у ней хвостъ выростетъ, а въ возмездіе за нечаянно задавленнаго ребенка приговорилъ: убогому взять жену у челобитчика и держать ее у себя до тѣхъ поръ, пока она не родитъ другаго ребенка; сыну же убитаго отца присудилъ соскочить съ моста на отвѣтчика и задавить его. Но за такимъ рѣшеніемъ всѣ челобитчики нашли для себя выгоднѣе помириться съ отвѣтчикомъ и на мировую дать ему денегъ, хлѣба и скота, такъ что убогій отвѣтчикъ разбогатѣлъ. Наконецъ «Шемяка выслалъ слугу къ убогому просить денегъ триста рублевъ; «убогій же, показа камень и рече: аще бы судья не по мнѣ судилъ, «і я хотѣлъ его етимъ камнемъ ушибить до смерти.» Судья же нача «креститися, говоря: слава Богу, что я по немъ судилъ! «Такова развязка етой юридической драмы въ притчѣ, которая, по свидѣтельству Сборника XVII вѣка,» выписана изъ польскихъ книгъ; [28] она напоминаетъ намъ старинную пословицу: *Съ подьячимъ водись, а камень за пазухой держи!*

3. Образъ древняго судопроизводства на Руси и точное соблюденіе судебныхъ обычаевъ и формулъ представляетъ намъ притча *о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетинниковѣ.* Мѣсто дѣйствія Ростовское озеро; дѣйствующія лица—рыбы: истецъ Лещь, судьи Бѣлуга, Бѣлая рыбица, добрые люди, приставъ Окунь, понятые: Сомъ, Язь, Сельдь Переславская, безъ которыхъ не могло быть рѣшено дѣло. Судопроиз-

[28] Описаніе Славянорусскихъ рукописей Графа Ѳ. А. Толстаго. М. 1825, въ 8.

водство, по жалобѣ на насильственное завладѣніе, прежде всего начинается разсмотрѣніемъ самаго дѣйствія, потомъ права собственности, повѣркою, чрезъ свидѣтелей, показаній той и другой стороны; за тѣмъ слѣдуетъ рѣшеніе.

Лещь подаетъ челобитную господамъ своимъ великому Осетру, Бѣлугѣ и Бѣлой рыбицѣ на лихова Ерша въ томъ, что онъ насильно завладѣлъ ихъ вотчинами и хочетъ хозяина выжить изъ его владѣнія. Судья спросилъ Леща: чѣмъ онъ Ерша уличаетъ? Истецъ отвѣчалъ, что уличаетъ его истинною правдою и шлется на добрыя рыбы Сига и Лодогу. Потомъ судья спросилъ и отвѣтчика: шлется ли онъ на Сига и Лодогу? — «Сигъ и Лодога, отвѣчалъ Ершъ, «рыбы велики, а мы рыбы малыя; всѣ онѣ съ «Лещемъ хлѣбъ-соль водятъ вмѣстѣ и правды не скажутъ.» — На вопросъ Сиговъ: «чѣмъ Лещь уличаетъ Ерша»? «онъ сказалъ; *общею правдою* и сослался на добрую рыбу Сельдь Переславскую: Ершъ тоже повторилъ; Судьи послали по Сельдь пристава Окуня, который взялъ было въ понятые Сома; но Сомъ отказался, говоря, что въ понятые не годится; ибо съ большимъ своимъ брюхомъ ходить не можетъ и глазами вдаль не видитъ. Отпустивъ Сома, Окунь взялъ въ понятые Язя, съ которымъ и поставилъ Сельдь предъ судомъ. Судьи спросили ее: «чье Ростовское озеро? Знаютъ ли «Ерша на Москвѣ всѣ богатые и покупаютъ ли его для похмѣлья «дорогою цѣною?» Сельдь Переславская сказала, что «Ростовское озеро «изстари Лещево и что етотъ Ершъ, гдѣ ни попросится ночевать, »кто, не вѣдая его, пуститъ, тамъ самаго хозяина онъ норовить вы«жить, а знаютъ его всѣ богатые, у кого одна полушка есть и на «ту ершевъ много купятъ, столько не съѣдятъ, сколько разплюютъ его.» Судьи, опросивъ еще истца и отвѣтчика, приговорили: послѣдняго обвинить, посолить и противъ солнышка повѣсить. Услышавъ такой приговоръ, обвиненный Ершъ вильнулъ хвостомъ и ушелъ въ хворостъ; только его и видѣли.» На картинкѣ олицетворяется судьба пойманнаго міромъ Ерша. Тамъ видно Ростовское озеро съ плавающими въ немъ рыбами и между прочимъ и Ерша, уходящаго въ хворостъ, куда не могли преслѣдовать его обвинители. Озеро окружено 32 разными лицами; одни изъ нихъ ловятъ Ерша въ озерѣ, и другъ у друга его крадутъ, иные готовятъ котелъ, дрова и ложекъ, чтобы его сварить, наконецъ распластавъ дѣлятъ его между собою и съѣдаютъ; въ заключеніе

«пришелъ Данила, да сестра его Ненила, только по Ершѣ голосомъ «повыли, конецъ ему сотворили.»

Юридическая ета притча подверждается старинною поговоркой: *Вселился, какъ Ершъ въ Ростовское озеро*, и *сказкою о Ершѣ Ершовичѣ*, [29] которая находится въ разныхъ спискахъ съ нѣкоторыми измѣненіями.

4. Въ сказкѣ Лещь съ товарищами жалуется, что Ершъ насильно завладѣлъ Ростовскимъ озеромъ, попросившись только переночевать въ немъ. Челобитная такъ начинается: «Господа судьи! «Богомъ вы сотворены. Вѣдая свое дѣло правое, били челомъ «по правдѣ и въ томъ ручаемся животомъ и жизнію; да какъ вы по«судите, такъ тому и быть.» Выслушавъ челобитную и поговоривъ промежъ собою, судьи посылаютъ приставомъ Окуня поставить Ерша на судъ къ отвѣту. Когда приставъ, который обыкновенно вызывалъ отвѣтчика *приставною грамотой*, поставилъ Ерша на судъ: тогда доводчикъ Карась прочелъ жалобу челобитчиковъ. Ершъ, вызвавшись доказать ихъ неправость, просилъ на нихъ суда и расправы *въ дѣлѣ великомъ*, что они въ челобитной поносили его и безчестили, называли «воромъ, ябедникомъ, Ершишкою, волочайкою и укрывальцею;» за ето требовалъ съ срамителей доправить большое безчестье съ протори и убытки. На вопросъ судей Лещу съ товарищами: «если «дѣло неправое по суду отвѣтчикову доказано будетъ, чѣмъ они ру«чаются за большое безчестье?» — «Животомъ и жизнію,» отвѣчали они, утверждая, что «Ершъ затѣялъ дѣло неправое, взвелъ лихой из«вѣтъ, кабы судъ проволочить.» Судьи, поговоря промежъ собою, приговорили: лихой извѣтъ оставить, а Ершу указали: безъ проволочки чинить отвѣтъ на судѣ по челобитью истцовъ. Въ отвѣтѣ своемъ Ершъ доказывалъ, что Ростовское озеро изстари было его, что имъ владѣли отцы его и дѣды, что оно дано было въ отчину старому Ершу, его дѣду, и потому жь «оно прочно за нимъ въ вѣкъ»; родъ свой производилъ отъ дѣтей боярскихъ, мѣлкихъ бояръ Переславскихъ, а «челобитчики де бывали у отца его въ холопѣхъ, и что онъ Ершъ, «по батюшкиной душѣ, отпустивъ ихъ на волю, велѣлъ имъ жить за «собою, поитися и кормитися самимъ собою; а какъ Ростовское озеро «отъ великихъ засухъ повысохло и стала скудость великая и голодъ,

---

[29] Русскія народныя сказки, изд. Сахаровымъ. ч. I. Спб. 1841, въ 12. Народныя Русскія сказки, изд. А. Афанасьевымъ, ч. III. М. 1857 г. въ 8.

«то бывшіе холопи его сами сволоклися на Вырпу рѣку и по зато-«камъ разселились, умышляя лихое дѣло на господскую голову, по-«слѣ стали отъ крестьянства отбиваться и воровствомъ въ Ростовскомъ «озерѣ промышлять, между тѣмъ, какъ онъ живетъ въ Ростовскомъ «озерѣ отцовскимъ домишкомъ, какъ добрый человѣкъ, а не тать и «разбойникъ, и живетъ своею силою и кормится своею отчиной.» «Меня Ерша, примолвилъ онъ,» знаютъ на Москвѣ большіе Князья «и бояре, и околничіе и дворяне, и дьяки и гостиныя сотни и всѣхъ «чиновъ люди въ иныхъ городахъ и во многихъ селахъ.»—За тѣмъ судьи спросили Леща съ товарищи: «на кого они шлются, что Ро-«стовское озеро ихъ, а не Ершово?» Тѣ сослались на свидѣтелей, добрыхъ людей, Новгородской области Ладожскаго озера на Бѣлугу, на Бѣлую рыбицу съ Бѣлаозера. Въ лубочной картинкѣ Лещь сослался на Сига и Лодогу; и тамъ, какъ здѣсь, Ершъ отвелъ етихъ свидѣтелей по тому, что онѣ рыбы великія и водятъ хлѣбъ-соль, кумовство и сватовство съ Лещемъ. Подъ такимъ же предлогомъ отвелъ Ершъ и Сельдь Переславскую, приведенную его соперниками въ свидѣтели, между прочимъ и за тѣмъ, что, по убожеству его, не чѣмъ платить за ѣзду поѣзжаное приставу съ понятыми. Лещъ истецъ возразилъ, что извѣтнымъ словамъ Ерша нельзя вѣры имать безъ доводчиковъ и крѣпкой поруки. Судьи, поговоря межъ собою, приговорили: «послать, мимо истцевъ и отвѣтчиковъ, приставомъ Окуня, а понятымъ Линя.» Въ притчѣ Сомъ отозвался неспособностью, а въ сказкѣ Линь хворостью, слабостьюзрѣнія и памяти. Въ уваженіе сего, вмѣсто Линя, судьи выбрали Язя. Понятой етотъ съ приставомъ поставилъ Переславскую Сельдь къ отвѣту на судъ. Сельдь похвалила Леща и опорочила Ерша, что онъ Ершъ изстари не бывалъ въ дѣтяхъ боярскихъ, холопей за собою при дворѣ не имѣлъ, а живалъ въ бобыляхъ, что его Ерша знаютъ на Москвѣ и въ иныхъ городѣхъ и селѣхъ на кружалахъ не князья и бояре, не стольники, не дворяне, не дьяки и торговыя сотни, но ярыжки, бражники и зернщики. На вопросъ судей: чѣмъ Ершъ опорачиваетъ рѣчи свидѣтельскія? отвѣчалъ, что Сельдь говоритъ съ похмѣлья, показавъ истцамъ и то, что она его ни когда не видывала. Въ своихъ рѣчахъ Ершъ положилъ порукой Налима, какъ человѣка добраго; между тѣмъ доводчикъ Карась прочелъ судное дѣло, да потому жъ проговорилъ отвѣтчиковы и свидѣтельскія рѣчи и взявъ у нихъ сказки въ томъ за ихъ руками, положилъ ихъ предъ судьями. Налимъ на судѣ отозвался невѣдѣ-

ніемъ. Тщетно Ершъ ссылался на старыхъ старожиловъ, на Плотвицу съ товарищи; но судьи приговорили Ершу за оболганіе Сельди и Налима очныхъ ставокъ болѣе не давать. По совѣщаніи, они истцевъ и челобитчиковъ выслали изъ суда вонъ, сдавъ ихъ на руки понятому Язю, а судное дѣло велѣли писать Вьюну, вершить по грамотамъ суднымъ, а грамоту печатать Раку своею клешней. Наконецъ они рѣшили: Леща съ товарищами оправить, а Ерша обвинить и выдать его Лещу головою. Для исполненія дана слѣдующая память Ростовскаго озера губному старостѣ большой рыбѣ Севрюгѣ съ товарищи: «Въ прошлыхъ де годѣхъ 7110 явясь на судъ чело«битчики Ростовскаго озера рыба Лещь съ товарищи, били намъ «челомъ и подали свое челобитье за руками; а въ томъ ихъ чело«битьѣ писана на Ерша Ершова, сына Щетинникова жалоба вели«кая; онъ де Ершъ изъ Волги рѣки Вырпою рѣкою пришелъ къ «намъ въ Ростовское озеро зимою, не въ погожую пору, и выпро«сился обманомъ у насъ рыбы Леща съ товарищи одну ночь въ Ро«стовскомъ озерѣ ночевать, а послѣ онъ де Ершъ просился у насъ «рыбы Леща съ товарищи, покормиться съ женишкою и дѣтишками, «и онъ де Ершъ у насъ, рыбы Леща съ товарищи, поллѣта про«жилъ и дѣтишекъ расплодилъ, и дочь свою Ершиху за Карпуш«кина сына выдалъ; да онъ де Ершъ, стакався съ своими племян«ники и дѣтишки, приговорили насъ рыбу Леща съ товарищи пе«ребить и животишки наши разграбить, и изъ отчины вонъ выгнать, «и тѣмъ Ростовскимъ озеромъ завладѣть напрасно. А по сыску и «допросу въ томъ судѣ, оказалось, что де онъ Ершъ воръ и разбой«никъ, живетъ де онъ Ершъ по озерамъ и болотамъ бобылемъ, и «онъ де Ершъ говорилъ въ судѣ, будто онъ изъ боярскихъ дѣ«тей, мелкихъ бояръ Переславскихъ и что де та рыба Лещъ съ то«варищи изстари были за отцемъ его крестьянами: и то онъ Ершъ «лаялъ напрасно. «И какъ къ тебѣ ся наша память придетъ, и ты «бы того Ерша съ товарищи взялъ къ себѣ въ губную избу, учи«нилъ наказаніе на мірскомъ дворѣ, билъ батоги нещадно, чтобы «впредь имъ и всѣмъ братіямъ, на то смотря, такъ дѣлать было не«повадно, и учиня имъ наказаніе, доправилъ бы, безъ Московскія «волокиты, съ него Ерша всѣ проторы и убытки, выдалъ бы того «Ерша ему Лещу головою, и велѣлъ бы его Ерша, водя по торгамъ, «бить кнутомъ, а бивъ кнутомъ, повѣсить противъ солнца. И о «томъ о всемъ прислалъ бы еси къ намъ записку безъ замедленія (мотчанья).

Дѣло ето о насильственномъ завладѣніи происходило, какъ значится на стр. 155-й, 7010, т. е. 1502 г. а на стр. 171, 7110, т. е. 1602 года. Столѣтнее разстояніе между его началомъ и окончаніемъ, если не ошибка, не означаетъ ли продолжительности тяжбы, которая началась при Іоаннѣ III и окончилась при Годуновѣ?

Такое судное дѣло въ Ростовѣ, нѣкогда Великомъ, намѣкаетъ на какое-то значительное событіе въ Ростовскомъ мірѣ и на лица, тогда почему либо замѣчательныя Лещь изконный владѣтель Ростовскаго озера, а Ершъ пришлецъ, приплывшій изъ рѣки Вырпы, впадающей въ Оку, (а не въ Волгу), въ Калужской губерніи. Въ ету же рѣку Вырпу Лещь съ товарищи сволокся, когда Ростовское озеро повысохло отъ великихъ засухъ. Подобнаго событія не находимъ въ лѣтописцѣ. Содержаніе самой сказки, по видимому, беретъ начало въ политическихъ отношеніяхъ Ростова къ Москвѣ, которая нѣкогда скупала его по частямъ; Ростовскіе князья продали Великому Князю Московскому сперва одну, потомъ другую половину своей отчины, оставаясь въ ней *окупными Князьками*; они пользовались только нѣкоторыми опредѣленными доходами.

Какъ сутягѣ и крючкодѣю, Ершу дано и соотвѣтственное прозвище *Щетинникова*. Въ сказкѣ объ немъ заключается гораздо болѣе подробностей судебнаго дѣлопроизводства, чѣмъ въ самой притчѣ. Тамъ судьи Осетръ бояринъ и Сомъ воевода отъ моря Хвалынскаго, или Каспійскаго. Въ судѣ также сидятъ выборные мужики Судакъ и Щука отъ земскихъ волостей съ Волги и Дона; судятъ они по суднымъ грамотамъ, содержавшимъ въ себѣ форму суда. Кромѣ понятыхъ, необходимыхъ для судопроизводства, здѣсь являются доводчикъ, бывшій у воеводъ, по объясненію Татищева, въ качествѣ недѣльщика или пристава, [30] губной староста, разбиравшій уголовныя и даже гражданскія дѣла, какъ областный судья. Судъ производится въ губной избѣ, или такъ называемой *судебнѣ*, [31] а расправа на мірскомъ дворѣ, который именовался *губнымъ*, [32] гдѣ была *тюрьма* и *сторожня*.

---

[30] Судебникъ Царя Іоанна Васильевича, съ объясненіями В. Н. Татищева. М. 1786, къ 8.

[31] Акты юридическіе, стр. 247 и 253.

[32] Указатель Росс. законовъ, изд. съ Высочайшаго соизволенія, М. Максимовичемъ. ч. I. М. 1803, въ 4.

За разсмотрѣніемъ самаго дѣла, а потомъ уже и права собственности, слѣдуетъ *обыскъ*, или допросъ многихъ свидѣтелей, на показаніи которыхъ рѣшается дѣло. Въ послухи ставятся старожильцы, добрые люди, какъ посредники и судьи въ спорныхъ дѣлахъ, какова тяжба Леща съ Ершомъ о насильственномъ завладѣніи. [33] Представлено свидѣтельство, или послушество *видѣнное, слышанное и вѣдомое*. Обыскъ, по Судебнику, производится, вмѣсто поля, или судебнаго поединка. По извѣтамъ Ерша, даются ему *очныя ставки*, за оболганіе жъ отказываются; здѣсь онъ, для оправданія себя, прибѣгаетъ къ разнымъ уверткамъ, вѣроятно, употребительнымъ въ тяжбахъ того времени. Право владѣнія доказывается незапамятною давностью; истецъ съ отвѣтчикомъ *мѣстничаетъ* о преимуществѣ и старшинствѣ рода. Нельзя здѣсь оставить безъ замѣчанія старинный обычай, основанный на правилахъ Кормчей книги, отпускать обѣльныхъ, или полныхъ холопей на волю по душѣ отцовской для поминовенія; ето въ старые годы называлось *устроить душу*, какъ видно изъ духовныхъ грамотъ XVI и XVII вѣка. По суду, съ виновнаго взыскивается поѣзжаное приставу и всѣ протори и убытки безъ Московской волокиты; онъ сдается на руки понятымъ до рѣшенія дѣла. По окончаніи всего производства, Ракъ прикладываетъ свою печать къ докладному списку, на основаніи Судебника гл. 34, и составляется приговоръ — правая грамота.

За насильственное завладѣніе чужею собственностью, за неправое мѣстничанье, великое безчестье и за оболганіе виновный, по судейскому приговору, подвергается троякому наказанію: его выдаютъ головою истцу, бьютъ батогами на мірскомъ дворѣ, потомъ, какъ велось въ XV вѣкѣ на Руси, водя по торгамъ, сѣкутъ кнутомъ, [34] наконецъ вѣшаютъ; ибо Судебникъ повелѣваетъ «несправедливаго «жалобника сверхъ вины казнити.» Исходъ дѣла въ притчѣ совсѣмъ иной, нежели въ сказкѣ; тамъ осужденный скрывается отъ рукъ правосудія, здѣсь онъ подвергается заслуженному наказанію.

Въ изложеніи самаго дѣла встрѣчаются древнія юридическія формулы: «ручательство животомъ, т. е. имуществомъ,» и жизнію за ве-

---

[33] О баснѣ, соч. *Василчикова*. М. 1847 г. въ 4.

[34] *Карамз*. II. Г. Р. VI. пр. 312. «В. К. воспалился на тѣхъ дѣтей боярскихъ и многихъ велѣлъ казнить на торгу, водя, велѣлъ кнутьемъ бити.» Лѣтоп. отъ 6714 — 7042. ч. стр. 343.

«ликое безчестіе, «говоритъ, ума разума не спрошаючись;» «уличать «всею правдою, то же что *обчею правдою*,» [35] «доводомъ доводить,» «нарядомъ повѣщать,» жить своею силою и кормиться своею отчи«ной,» бить нещадно, чтобы было другимъ неповадно и т. д.

Въ разсказѣ къ дѣлу примѣшаны, какъ бы для прикрасы, шутки, обнаруживающія характеръ Русскаго народа, напр: въ пристрастномъ приговорѣ Шемяки и въ уликахъ Ершу Щетинникову.

5. Въ такомъ же родѣ *челобитная Леща на Окуня*, незаконно завладѣвшаго водами. Тяжба оканчивается угощеніемъ 33 лицъ на щетъ просителя.

6. Притча о пѣтухѣ и курицѣ, содержащая въ себѣ судебный приговоръ «о наказаніи пѣтуха за отлучку изъ своего дома, отъ «своихъ куръ и возъимѣніи съ чужими амуръ.» Конечно, подъ именемъ пѣтуха разумѣется здѣсь нарушитель VII заповѣди, котораго, по старому обычаю вмѣстѣ съ сообщницей въ преступленіи сѣкали кнутомъ въ проводку. Такая преступница отъ стеганія кнутомъ по стегнамъ прозывалась подстёгою.

7. «Обрядъ, по которому осужденныхъ къ смерти убійцъ Алексѣя «Жукова и жену Варвару всенародно ведены (?) на покаяніе, въ 1766 «году.» Очень рѣдкая картина, гравированная на мѣди въ листъ.

Екатерина II, пережившая двухъ Россійскихъ Императоровъ, своего племянника Іоанна VI и своего супруга Петра III, желая придать знаменательную гласность дѣйствіямъ карательнаго правосудія, нерѣдко соединяла съ ними поразительные обряды, кои могли имѣть нравственное вліяніе на народъ. Къ етому дали ей поводъ необыкновенныя на Руси злодѣянія, каковы: 1) безчеловѣчной душегубицы вдовы, Дарьи Николаевой Салтыковой, извѣстной въ народѣ подъ именемъ Салтычихи, которая обвинялась въ умерщвленіи до 138 человѣкъ крестьянъ и дворовыхъ обоего пола, [36] и 2) мужа и жену Жуковыхъ, умертвив-

---

[35] Акты юридическіе, стр. 360.

[36] Обстоятельный екстрактъ, учиненный изъ производившихся по имянному Ея Императорскаго Величества и правительствующаго Сената указамъ въ Юстицъ-коллегіи слѣдственнаго о вдовѣ Дарьѣ Николаевой, дочери Лейбъ-Гвардіи коннаго полку Ротмистра Глѣбовой, женѣ Салтыкова и о протчихъ дѣлахъ, такожь и изъ взятыхъ изъ Сыскнаго приказа и изъ Московскихъ Губернской и Полице-

шихъ изъ корыстныхъ видовъ родную мать и сестру. Въ указѣ, поправленномъ собственною рукой Государыни, Салтыкова, вмѣсто женскаго рода, написана въ мужескомъ, въ томъ предположеніи, что въ женскомъ полѣ не могло быть такого изверга и чудовища. По Ея повелѣнію, въ назначенный день Салтычиха въ саванѣ выведена была на первую, т. е. Красную, площадь, гдѣ нѣкогда закапывали мужеубійцъ по плеча, и поставлена палачемъ на особо устроенномъ ешафотѣ; по прочтеніи предъ всѣмъ народомъ сентенціи Юстицъ-коллегіи, она прикована была къ столбу цѣлый часъ съ листомъ на груди, на коемъ крупными буквами написано *мучительница и душегубица*. Послѣ етого, закованная въ желѣзы, она заключена была, по смерть свою, въ подземельную тюрьму при церкви, въ Московскомъ Ивановскомъ монастырѣ, чтобы, какъ выражено въ указѣ, «лишить злую ея душу въ сей жизни всякаго человѣческаго сообщества, а отъ крови человѣческой смердящее ея тѣло «предать собственному промыслу Творца всѣхъ тварей.» Тамъ она сидѣла 40 лѣтъ до самой смерти своей, сперва въ подземельной тюрьмѣ, потомъ у церкви въ застѣнкѣ, гдѣ чрезъ узенькое окошечко могла слушать божественную службу. Позорная ета казнь, какъ увѣрялъ насъ одинъ почтенный любитель Русской старины, олицетворена была на лубочной картинѣ, которую онъ обѣщалъ намъ доставить; но не получивъ ее доселѣ, мы ограничиваемся слѣдующимъ изображеніемъ публичнаго покаянія при разныхъ церквахъ въ Москвѣ двухъ Жуковыхъ, убійцъ матери и сестры; имъ, на основаніи Уложенія XXII, ст. 2, присуждена смертная казнь безо всякія пощады, между тѣмъ какъ опредѣлено дѣтоубійцамъ, послѣ заключенія въ тюрьму на годъ, приходить къ церкви Божіей и объявлять тотъ свой грѣхъ всѣмъ людямъ въ слухъ.» Сцена въ Московскомъ Кремлѣ предъ вратами Успенскаго собора, который, вопреки правиламъ перспективы, изображенъ рядомъ съ Ивановскою колокольней и Архангельскимъ соборомъ. Убійцы матери своей и сестры мужъ и жена Жуковы въ однѣхъ рубашкахъ

мейстерской Канцелярій, объ оной же Салтыковой дѣлъ. Полученъ мною въ 1817 г. отъ С. С. Горюшкина, служившаго подъячимъ въ Сыскномъ Приказѣ. Указъ етотъ подлинникомъ хранится въ числѣ многихъ важныхъ старинныхъ бумагъ у Н. В. Сушкова, доставшихся ему послѣ дяди его А. В. Храповицкаго.

и саванахъ; ноги у нихъ скованы; у жены лице закрыто волосами; въ рукахъ они держатъ зажженныя свѣчи. Предъ каждымъ стоитъ по священнику. Военная команда сопровождаетъ ихъ съ заряженными ружьями и обнаженными палашами. Подъ картиною читаемъ слѣдующее:

«Церкви, въ которыхъ отправлятца будетъ публичное сихъ злодеезъ покаяніе «назначаются следующія: 1. Успенской соборъ. 2. Петропавловская въ Басман«ной. 3. Св. Параскевы на Пятницкой. 4. Св. Николая, на Арбатской улице.»

1.

«Исправлять оное покаяніе четверократно, а имянно: въ два воскресные дня «сего Великаго поста четвертое и пятое, въ четвертокъ пятые недѣли, то есть въ «день великаго канона и въ Лазареву субботу.»

2.

«Повѣстить во всемъ городѣ отъ полиціи, въ который день, какого часа и въ «которой церкви сіи злодѣи исповѣдовать будутъ всенародно свое покаяніе.»

3.

«По приведеніи ихъ къ притвору церковному, не впуская въ церьковь, поста«вить ихъ у дверей церковныхъ и окружа командою, прочитать сперва манифестъ, «а потомъ поставивъ обоихъ убицъ на колѣни, каждому велѣть молитву, при семъ «приложенную подъ литерою А, изъустно и въ слухъ всего народа прочитать и «за тѣмъ стоя же на колѣняхъ, неоднократно говорить пришедшему и входящему «въ церковь народу приложенныя слова подъ литерою Б, и ектенію читата діа«кону такъ, какъ здѣсь приложено подъ литерою Б.»

4.

«Въ обыкновенное время литургіи поставить для проповѣдника особливой амвонъ «при дверяхъ внутрь церкви Николая Гостунскаго Постниковъ.»

Недостаетъ на картинкѣ 4 и 7 №; но дополняются извѣстія объ етомъ въ Москов. вѣдом. см. Слово Архимандріта (потомъ Моск. Митрополіта) Платона о содѣявшихъ въ 1754 году убійство надъ матерью и сестрою своими, а нынѣ преданныхъ церковному покаянію предъ народомъ. Сказывано въ притворахъ церквей, куда преступники приводимы были 1766 г. въ мѣсяцѣ въ маѣ. Слова *М. Платона*, т. II. стр. 40.

IV. ИСТОРИЧЕСКІЯ.

Хотя жизнь народная въ Россіи, разъединенная съ жизнію государственной, служила не столь обильнымъ источникомъ для отечественной Исторіи, какіе имѣютъ у себя Скандинавія, Германія и нѣкоторыя Славянскія племена въ своихъ сагахъ и легендахъ: но у Русскихъ въ былевыхъ пѣсняхъ сохранялись воспоминанія о нѣкоторыхъ великихъ событіяхъ, кои имѣли сильное вліяніе на судьбу отечества и народа; въ нихъ прославлялись, или безславились особенно замѣчательныя по чему либо лица. Время скрыло отъ насъ многія изъ былевыхъ пѣсенъ, кои съ преданіями дополняли пробѣлы въ отечественной Исторіи. Къ нимъ присоединить надобно такъ называемыя *умильныя повѣсти*, вошедшія въ составъ нашихъ лѣтописей. Таковы: мщеніе Ольги за смерть Игоря, диковинное взятіе ею Коростеня, освобожденіе Бѣлгорода киселемъ отъ осады Печенѣгами, о нашествіи Батыя на Русь, о Мамаевомъ побоищѣ, о взятіи Москвы Тохтамышемъ, о походѣ Великаго Князя Іоанна Васильевича на Новгородъ, а Царя Іоанна Васильевича противъ Сафагирея на Казань, осада Троицкой лавры и т. д.

Въ лубочную иллюстрацію, какъ увидимъ, вошли весьма немногія изъ умильныхъ повѣстей, и то почерпнутыя изъ Гизелева Сѵнопсиса, вѣроятно, потому что поздно началось въ Москвѣ гравированіе лубочныхъ картинъ, и самые издатели ихъ болѣе обращали вниманіе на современныя, ближайшія себѣ, чѣмъ на отдаленныя отъ нихъ, событія и лица, по незнанію отечественныхъ лѣтописей и по неумѣнію пользоваться преданіями. Изъ старыхъ Хронографовъ заимствованъ только Мосохъ, отъ котораго производили и Москву и Славено-Россійскій народъ; изъ Квинта Курція битва Александра Македонскаго, мнимаго союзника Славянъ, съ Индѣйскимъ царемъ Поромъ. Извѣстія о диковинныхъ и необычайныхъ явленіяхъ въ мірѣ политическомъ и физическомъ брали изъ газетъ и календарей.

Приводимъ здѣсь и самыя картинки:

1. Изображеніе Мосоха въ видѣ старца, съ лукомъ въ одной и со стрѣлою въ другой рукѣ; подъ нимъ видна слѣдующая лѣтопись: «Мосохъ сынъ Аѳетовъ, внукъ Ноевъ, толкуется же по Еврейски, «Словенски: вытягающій, отъ вытягиванія лука и расширенія ве-

«ликихъ и множественныхъ народъ Московскихъ, Россійскихъ, Во-«лынскихъ, Болгарскихъ, Сербскихъ, Карбалуцкихъ и всѣхъ вообще, «елико есть Словенскій языкъ, природно употребляющихся. Тако «Мосоха, праотца Славено-Россійскаго, по наслѣдію, не токмо Москва, «народъ великій, но и вся Россія выперѣченная произведе.»

2. «Славное побоище царя Александра Македонскаго съ царемъ Индѣйскимъ Поромъ. «На поляхъ етой картники слѣдующая лѣтопись: «И сяде Александръ на своего коня Докукала и вземъ въ «руку копіе и щитъ и збрую и возложи на главу свою шеломъ и «выѣхалъ на поединокъ и воззва веліимъ гласомъ:» о Поре царю, «иди противу мене, или покаряйся, и азъ тебе помилую!» И порази «въ груди и сшибъ его съ коня и войско его взялъ подъ свою «власть.» На 4 склеен. листахъ.

3. «Люди дивіи, найденные царемъ Александромъ Македонскимъ «въ горахъ Кутухтовыхъ.» Изъ Космы Индикоплова.

4. «Описаніе о Бѣлградѣ, како киселемъ отъ осады Печенѣжскія «освободися.» Изъ Сѵнопсиса. Здѣсь говорится о Кіевскомъ Бѣлгородѣ, на рѣчкѣ Рупинѣ, что нынѣ мѣстечко Бѣлгородка. Въ отсутствіе В. К. Владиміра I Печенѣги осаждаютъ етотъ городъ, гдѣ былъ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. По совѣту одного старца, жители собираютъ весь хлѣбъ, дѣлаютъ цѣжу и вливъ въ кадь, ставятъ ее въ глубокій колодезъ; а въ другой колодезъ опускаютъ кадь съ медовою сытой. Призвавъ къ себѣ въ городъ нѣсколько Печенѣговъ, говорятъ имъ: «Мы вамъ не сдадимся и будемъ крѣпко «сражаться; еслижъ вы думаете выморить насъ голодомъ, то смо-«трите обиліе наше.» Они черпаютъ при Печенѣгахъ цѣжу, и сваривъ кисель, ѣдятъ съ сытою; изумленные враги повѣрили, что запасы въ городѣ неистощимы, и отступили.

5. Ополченіе и походъ въ 1380 г. Великаго Князя Димитрія Іоанновича противъ злочестиваго и безбожнаго царя Татарскаго Мамая. На 4 больш. склеен. листахъ, оченъ рѣдкая. Особо издано неоднократно тетрадкою въ 4, съ текстомъ, заимствованнымъ изъ Сѵнопсиса, подъ заглавіемъ: «Исторія о походѣ В. К. Димитрія Іоанно-«вичѣ Донскаго противъ Мамая, его же Божіею помощію на Ку-«ликовѣ полѣ доконца побѣди;» съ гравированными картинками и «текстомъ; буквы уставныя. Битва на Куликовомъ полѣ описана въ Повѣданіи и сказаніи о побоищѣ Великаго Князя Димитрія Дон-

скаго, изд. И. Снегиревымъ. см. Русскій истор. сборникъ Общества Исторіи и Древностей Россіи. III, М. 1838 г.

6. Взятіе Казани Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, изъ лѣтописи.

7. Убіеніе царевича Димитрія въ Угличѣ. Ето изображеніе встрѣчается писанное на холстѣ и на дскахъ, въ концѣ XVII и XVIII в.

Изъ политическихъ событій XVIII вѣка вошли въ простонародную иллюстрацію, по большей части, изъ газетъ:

1. Осада Выборга Петромъ I, въ 1710 году.

2. Поѣздка Императора Петра II на соколиную охоту въ Измайлово, съ видомъ дворца, собора и другихъ зданій въ етомъ подмосковномъ дворцовомъ селѣ. Юный Государь, тогда женихъ княжны Долгоруковой, сидитъ въ открытой коляскѣ, запряженной шестернею, съ любимцемъ своимъ Кн. Долгоруковымъ; его сопровождаютъ верхами охотники съ соколами въ рукѣ, трубачи и стремянные. Ето относится къ 1729 году. Гравир. П. Зубовымъ. см. Русскую старину. т. XII.

3. Баталія и побѣда, въ семилѣтнюю войну, Русскихъ надъ Прусаками при Франкфуртѣ на Одерѣ, 1759 г. Августа 12.

4. Разговоръ Прусскаго Короля Фридриха съ Фелдмаршаломъ его Венденомъ 1759 г. Іюля 30.

5. Совѣщаніе Султана въ диванѣ съ Визиремъ о войнѣ съ Россіею въ 1768 г.

6. Торжественная процессія, учрежденная въ Царьградѣ Султаномъ Махметомъ III, въ 1770 году.

7. Описаніе славной побѣды Русскихъ надъ Турками при устьѣ рѣки Кагула, 1770 г. Іюля 21, на 3 листахъ.

8. Трактатъ вѣчнаго мира и дружбы, заключенный съ Турціей въ ставкѣ главнокомандующаго Графа Румянцова, при деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи 1775 г.

9. Картина дѣйствій, бывшихъ въ Москвѣ на Ходынкѣ 1775 г. Іюля 19, гдѣ изображены Черное и Азовское моря, рѣка Донъ; на островѣ Таманѣ театръ для балансеровъ, въ Азовѣ службы; въ Ногайскихъ ордахъ быки съ позолоченными рогами; фонтаны винъ на мѣстѣ каланчей; залъ для стола въ Таганрогѣ; армарка; въ Ениколѣ галлереи и залъ для собранія; въ Кинбургѣ театръ; на Бердинской линіи мѣста для должностей; на морѣ корабли для смотрѣнія фейверка, размѣщеннаго съ иллюминаціей въ разныхъ мѣстахъ сцены.

10. Изображеніе публичнаго въѣзда въ Москву Турецкаго уполномоченнаго посла Абдулъ-Керима, Беглербея Румелійскаго, 1775 г. Октября 7.

11. Взятіе Перекопской крѣпости Княземъ Долгорукимъ-Крымскимъ, 1771 г.

12. Картина взятія Очакова Княземъ Потемкинымъ 1789 г. съ солдатскою пѣснею:

Не спѣши ты, зима, съ морозами,
Не бурлите вы, вѣтры холодные,
Не защита вы Очакову!

13. Взятіе Измаила Суворовымъ, въ 1790 г.

Матеріалы для лубочной иллюстраціи доставляли великія войны Россіи съ Франціей въ 1805 году и съ дванадесятью языками Европы въ 1812 году, взятіе Парижа, равно славный переходъ Русскихъ черезъ Балканы, взятіе Варшавы въ 1814 году, Венгерская и Англо-Турецко-Французская. и т. д.

Въ лубочныхъ картинкахъ олицетворялись извѣстія о необыкновенныхъ случаяхъ въ жизни общественной, о рѣдкихъ и чудныхъ явленіяхъ въ мірѣ физическомъ. Такія извѣстія обыкновенно почерпались изъ Московскихъ и Санктпетербургскихъ газетъ.

1. «Страшное и наказательное предложеніе на нѣкоего богоотступника и клянущагося человѣка, како онъ праведнымъ судомъ Божіимъ обращенъ во пса. Событіе въ Чешскомъ Королевствѣ, близь города Праги, 1673 г.»

2. «Сильный звѣрь слонъ земли Персидской приведенъ въ Москву «7196 (1688) года, Августа 13.»

3. Чудное знаменіе, бывшее на небѣ 1736 г. надъ градомъ Шлонскимъ: оно изображаетъ подобіе человѣка съ женскими волосами и съ короною на головѣ, надъ коею четыре осмиконечные креста; изъ головы исходятъ двѣ шпаги, а изъ устъ мечь, на плечѣ три знамени, на хребтѣ человѣческая голова и пушка, въ груди семь шпагъ. Изъ рукоп. Сборника XVIII в.

4. Изображеніе чудища морскаго, или водянаго мужика, пойманнаго въ Испаніи 1739 г.

5. Изображеніе слона, приведеннаго 1737 г. отъ Шаха Персидскаго въ Москву, предъ повальною горячкой и Троицкимъ пожаромъ;

при немъ похвальные стихи оканчиваются простымъ замѣчаніемъ: «Чтожъ за диво? Слонъ родился, слонъ и есть.» Подобное есть изображеніе Персидскаго слона, приведеннаго въ Москву 1796 г. предъ самою кончиною Императрицы Екатерины II.

6. Чрезвычайное явленіе въ Картагенѣ огненной на небѣ рѣки, превратившейся въ огненный шаръ 1744 г. Февраля 15.

7. Изверженіе Везувія въ 1755 г. Мая 19.

8. Объ огромномъ китѣ, найденномъ въ Бѣломъ морѣ 1760 г.

9. О сатирѣ, уродливой фигурѣ, найденной въ Барцелонѣ 1760 году, имѣющей подобіе человѣка, тигра и козы, покрытой разноцвѣтною шерстью.

10. Великанъ Бернардъ Жили, уроженецъ Тридентскій, вышиною 3 аршина съ половиной, показывавшій себя въ царствованіе Екатерины II на Дѣвичьемъ полѣ.

12. Англійскій мясникъ вѣсомъ въ 35 пудъ, 6 ф., въ котораго кафтанъ одѣвалось 7 человѣкъ.

Къ разряду историческихъ картинокъ отнесемъ и содержащія въ себѣ предметы Космографіи, Топографіи, виды знатнѣйшихъ городовъ и монастырей, именно:

1. Столпотвореніе Вавилонское. Гравир. Мартыномъ Нехорошевскимъ; въ концѣ XVII в.

2. Книга, глаголемая Космографія четырехъ частей свѣта, гдѣ изображены сбивчиво и неправильно государства, земли и знатнѣйшіе острова. Переводъ съ Латинскаго, въ началѣ XVIII вѣка; на 2 листахъ склеенныхъ.

3. Географическая карта свѣта, пережившая много изданій, представляетъ весь земный шаръ на кругообразной плоскости; четыре части міра носятъ названіе странъ свѣта. Всякій главный городъ покрываетъ своими стѣнами и башнями половину государства, коего другая половина занята достопримѣчательными и диковинными извѣстіями, напр: солнечный восходъ, т. е. первая часть свѣта Азія, удѣлъ старшаго сына Ноева, Сима; она оканчивается Счастливыми островами, т. е. раемъ; другой ея конецъ Китайское государство, простирающееся до земли звѣрообразныхъ людей, Сибири и Каспійскаго моря и т. д. Тамъ столичный городъ Москва, съ своими стѣ-

нами и башнями, болѣе всей Америки или Азіи; но Петербургъ, обозначенный только семью елями и березками, прибавленъ самимъ Русскимъ художникомъ, современнымъ его основанію. Гг. Даль и Полевой сообщаютъ намъ подробное свѣдѣніе объ етой лубочной картѣ, переведенной на Русской съ Латинскаго въ началѣ XVIII в. [37]

4. Описаніе разстоянія столицъ, нарочитыхъ градовъ, славныхъ государствъ и земель, также знатныхъ острововъ и проливовъ воднымъ и сухимъ къ тому путемъ, съ изображеніями городовъ, между коими не помѣщено С. Петербурга; конца XVII вѣка; другой переводъ въ началѣ XVIII в.

5. «Описаніе св. града Іерусалима и предградій его, яко бѣ во днехъ Господа нашего І. Хріста. «На етомъ чертежѣ, изданномъ въ Москвѣ 1706 г. В. Кипріяновымъ, въ большой листъ, надписи по мѣстамъ Латинскія и Русскія. Вокругъ изображенія Св. Апостола Петра, соименнаго и тезоименитаго Императору Петру I начертано: «Возвѣстите во языцехъ славу его, во всехъ людехъ чудеса его.»

6. Изображеніе града Рима, съ описаніемъ его достопамятностей.

7. Изображеніе Царьграда, съ описаніемъ его достопримѣчательностей.

8. Описаніе славныхъ и великихъ и провинціальныхъ городовъ всеросійской Имперіи и исчисленіе верстъ отъ высокопрестольнаго и славнаго и великаго града Москвы и въ Москвѣ соборовъ, церквей, монастырей и пустынь ѿе, а во всей Сѵнодальной области оныхъ же дѹмд. въ Крутицкой ц҃ід. съ изображеніемъ самыхъ городовъ въ 50 мѣстечкахъ; въ заглавіи подъ тремя коронами, двоеглавый орелъ съ поднятыми къ верху крыльями, въ одной лапѣ у него скипетръ, въ другой держава, на персяхъ, вмѣсто всадника, или ѣздеца, стремглавъ распятый Св. Андрей первозванный. Подъ гербомъ слѣд. буквы: С. Р. І, П. Н. Подъ изображеніемъ новой столицы написано: «Царствующій Санктъ-Питеръбургъ новопрестольная Россійская столица построеніемъ блаженныя и вечно достойныя памяти, яко «отца отечества, Его Императорскаго Величества Петра перваго и «великаго, еще же устроившаго и утвердившаго корабельной и галерной флотъ, крѣпость и утвержденіе Россійскаго Государства отъ «ближняго сосѣдства Шведскаго Королевскаго и отъ иныхъ поли-

---

[37] Dorpater Jahrbücher, 1835, № 1. Московскій Телеграфъ. 1831 г. № 24.

«тическихъ странъ, которые на Россійскую Имперію брань начина-«ютъ сами, прежде побѣжденные бываютъ при рѣкѣ Невѣ. Враз-«стояніи отъ Москвы чрезъ Новградъ ҂ѯаа҃ версты.» О Кіевѣ сказано: «Богохранимый славный градъ Кіевъ, первопрестольная Россійская столица, въ немъ же множество честныхъ монастырей и святыхъ церквей, отъ него же благодать Божія возсіяла въ Россійскую землю чрезъ стого Апостола Андрея и стого равноапостольнаго великаго Князя Владимера, иже Россійскій народъ стымъ крещеніемъ просветившихъ и отъ тьмы идолослуженія къ христіанъской вѣре обратившихъ. Въ Киевской епархіи соборовъ к҃а, церквей а҃мї, монастырей и пустынь м҃а; въ растояніи отъ Москвы и до Киева чрезъ Калугу ц҃ѯ версты.» Переяславлю Рязанскому здѣсь смѣшанъ съ Переяславлемъ Малороссійскимъ. [38] Въ концѣ читаемъ слѣдующее замѣчаніе издателя сего чертежа: «Буди же известно, яко оные «грады и провинціи кто присовокупи подъ Московскую протекцыю; «понеже первый собиратель Московскій Князь Іоаннъ Васильевичь «великій, и по истинѣ великій не словомъ, но дѣломъ; ибо разсы-«панное отечество въ разделеніе дѣтей Владимеровыхъ, во едино со-«бралъ и паки утвердилъ честь имени своему и славу Россійской «Имперіи, яже и нынѣ Ея Императорскаго Величества Елисаветъ «Петровна и Самодержица всероссійская благополучнымъ здравиемъ «и непремѣннымъ щастіемъ всероссійское Имперія славою и честію «процвѣтаетъ. Любезнѣйшій мои читателю, буди о Бозѣ подражателю! «Кая намъ погрѣшенія, да молимъ о семъ прощенія, самъ исправиши «любезно, дабы было всѣмъ намъ полезно.» Междуо бщественными зданіями изображены нѣкоторыя и обывательскія хоромы о двухъ жильяхъ съ дымницами (печными трубами), изъ коихъ идетъ дымъ; вѣроятно, потому, что семейство и человѣкъ во внѣшнемъ ихъ бытѣ обозначались мѣстомъ своего населенія, жильемъ и *дымомъ* [39] склеенныя 2 листа.

9. Видъ великаго Новгорода, древней столицы Россійской, съ изображеніемъ и описаніемъ окружающихъ оный монастырей; начала XVIII вѣка.

10. Краткое изображеніе всероссійской Имперіи. XVIII в.

11. Видъ города Москвы, окруженнаго монастырями: Троице-Сергіевымъ, Николаевскимъ Угрѣшскимъ, Спасскимъ, Воздвижен-

---

[38] Кіевлянинъ, кн. III. М. 1850 г. стр. 186.

[39] Общинный бытъ древней Россіи. В. Лешкова. Спб. 1856, стр. 36 и 37.

скимъ, Спасо-Симоновымъ, Спасомъ Новымъ, Покровскимъ убогимъ, Андрониковымъ, Знаменскимъ, Даниловымъ, Андреевскимъ, Новодѣвичьимъ. Кремль, обнесенный двойными стѣнами, на облакахъ осѣняютъ Московскіе Святители и преп. Сергій съ Свят. Царевичемъ Димитріемъ въ моленіи образу Успенія Божіей Матери.

12. Видъ Москвы съ южной стороны, изображающій Кремль и часть Китая и Бѣлаго города, гравир. А. Зубовымъ. На немъ представляются многія зданія, теперь уже не существующія въ Кремлѣ, какъ то: другая стѣна къ Москвѣ рѣкѣ, съ бойницами и съ навѣсомъ для пушекъ. Шесть воротъ при въѣздѣ съ юга на Каменный мостъ и Всесвятскія на западъ, съ лавками на немъ и съ мѣльницей при быкахъ его. На гребнѣ кремлевскаго холма видны соборы Срѣтенскій, Александровскій, Черниговскихъ чудотворцевъ, разобранные въ концѣ XVIII в. и Свят. Николая Гостунскаго, въ 1818 г. уступившій мѣсто плацъ-параду, церковь Рождества Іоанна Предтечи, верхній и нижній сады на скатѣ холма, двухъ-етажные приказы и другія зданія.

Сюда же принадлежатъ виды разныхъ монастырей и пустынь, кои расходятся въ народѣ, какъ по занимательности самаго содержанія, такъ и по дешевизнѣ. Рѣдкій богомолецъ не пожелаетъ имѣть на память изображеніе той св. обители, куда онъ ходилъ на поклоненіе святынямъ. Старинные виды монастырей составляютъ уже теперь рѣдкость; они замѣняются и литографированными.

Заключимъ обозрѣніе лубочныхъ картинокъ историческаго содержанія тремя, изъ коихъ двѣ собственно относятся къ Астрономіи и Метереологіи, а третія къ Политической економіи:

1. Предзнаменованіе времени на всякій годъ по планетамъ, 1751 г. перев. изъ книги Латин. Іоанна Заганъ Я. В. Брюсомъ. На двухъ листахъ.

2. Книга, именуемая Брюсовъ календарь: 1. Сотвореніе свѣта 2. Таблица і исчисленіе лѣтъ Праотецъ. 3. Святцы 12 мѣсяцевъ въ лицахъ. 4. О значеніи планетъ на всякій мѣсяцъ, подъ которыми младенцы родятся. 5. Седмь вселенскихъ соборовъ. 6. О праздницехъ, яже каждаго лѣта преходятъ. 7. Четыре міра. 8. Фикція о сіяніи луны. 9. Новая таблица круга луннаго. 10. Исчисленіе долготы, широты і имена звѣздамъ. 11. Дѣйство особное и общее. 12. Предзнаменованіе дѣйствъ на всякій день. 13. Предзнаменованіе времени на всякій годъ и пр., лубочной печати, безъ означенія мѣ-

ста и времени, подобно предшествующимъ. Посвящена Императрицѣ Екатеринѣ II.

3. «Листъ сошнаго письма, вытного доброй и середней и худой земли, помѣстныхъ и вотчинныхъ и монастырскихъ земель городомъ и посадомъ, какъ писать и дозирать въ городахъ посацкихъ и середнихъ и молодчихъ людей и въ слободахъ и которые живутъ по однѣмъ избушкамъ, а не дворами, по сколку тѣхъ лутчихъ торговыхъ и середнихъ и молодчихъ и слобожанъ и худыхъ всякихъ и промышленныхъ и мастеровыхъ и ремесленныхъ людей въ соху положить и тѣхъ людей денежнымъ платежемъ, во что ляжетъ соха,» обложить.» [40] Етотъ старинный Русскій кадастръ заключается слѣдующими стихами:

Господіе мои, во писаніихъ читатели
И всякаго разума искатели!
Молю вы, здравымъ умомъ судите,
Трудъ на листѣ семь лежащь зрите,
Не главъ измѣну соглядая,
Но къ главизнамъ разума приникая!
Листъ въ сошномъ писмѣ помѣстныхъ и вотчинныхъ,
Доброй, середней, худой земли и монастырскихъ,
Аще платежей и вытной клади туже.
С живущаго пашни помѣстной и монастырскимъ платежемъ
Купно же и о земляной мѣрѣ и о фунтѣ
Все подробно на листу, и списано порознь, не какъ что въ тетратехъ.
А мочно зрѣть и читать
И въ скорость разума отъ того взять;
Въ тетратехъ убо глава едина,
Во многихъ мѣстѣхъ писана,
Не возможно вскорѣ познати.
Ради разности разума взяти.
Азъ же того ради и скорости разума потрудихся,
В единъ листъ съ тѣхъ тетрадей списатъ потщихся.
Молю вашего благоразумія,
Аще что забвеніемъ объявятся неисправленія,
Трудъ сей не зазирайте,
Но благоразуміемъ своимъ исправляйте.

---

[40] См. книга сошнаго письма 7137 г. см. Временникъ И. М. Общества И. и Др. Росс. кн. XVI. М. 1853 г.

V. СУМВОЛИКО-ПОЕТИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ.

А. Сказки простонародныя.

Въ Лубочную писменность вошли нѣкоторыя сказки Русскаго народа, знакомящія насъ съ его младенчествомъ, съ его первобытною простотой, съ его прежнимъ бытомъ, съ его повѣрьями и суевѣріями, съ его образомъ мыслей, чувствованій и выраженій, съ его нравами и обычаями, съ тѣмъ, въ чемъ онъ сходствуетъ съ другими народами, и чѣмъ разнится отъ нихъ—коротко, съ его народною своеобразностью. Въ такихъ живыхъ памятникахъ, какъ сказки, открываются остатки древней и старой Руси. Подобно былевымъ пѣснямъ, онѣ уясняютъ наши понятія, расширяютъ нашу мысль, выводя насъ на просторъ родной земли. [1]

Народная поезія изображаетъ намъ сказочника, бахаря въ видѣ кота краснобая, «идущаго по золотой цѣпи съ одного дерева на «другое; въ одну сторону онъ заводитъ пѣсни, а въ другую сказ«ки.» Такое изображеніе сближается съ древнимъ вѣрованіемъ Нѣмцевъ, что кошки имѣютъ въ себѣ нѣчто духозрительное и кудесническое; [2] въ кошку оборачиваются вѣдьмы.

Народную сказку пословица народная такъ опредѣляетъ: «Сказ«ка складка, а пѣсня быль.» Въ одной разсказъ о вымышленномъ лицѣ и событіи, въ другой былина, правда, облеченная въ лирическую форму. Но какъ и въ сказкѣ нерѣдко полагается основа историческая и въ ней заключаются преданія древняго времени, дополняемыя и объясняемыя исторіей: то она имѣетъ черезполосное владѣніе съ былевою пѣснью. Та и другая разцвѣчена краснымъ словцомъ вымысла. Во многихъ случаяхъ сказка можетъ служить подтвержденіемъ того, что въ другихъ источникахъ представляется въ яснѣйшемъ видѣ. Цѣль сказки выражается старин-

---

[1] Московскій сборникъ, т. .I. М. 1852 г. въ 8. Leipziger Literatur-Zeitung. 117, 1832. Russische Volksmährchen, in den Urschriften gesammelt u. übersetzt von A. Diedrich. Mit einem Vorworte von Iac. Grimm. Leipz. 1831, In 8.

[2] Geschichte und System der altdeutschen Religion, von W. Müller. Götting. 1844. in 8.

нымъ стихомъ: «молодымъ на утѣшенье, а старымъ на разумъ.» Ето относится къ содержанію сказокъ, въ коихъ не рѣдко подъ грубымъ и двулишневымъ покровомъ иносказанія таится истина; гдѣ юный, незрѣлый умъ находитъ одну себѣ потѣху, тамъ зрѣлый и опытный открываетъ полезную мысль. Отличительная черта Русскихъ сказокъ есть внезапность и чудесность событій, счастливая развязка, торжество добра надъ зломъ, правды надъ кривдою.

Не безъ основанія нашъ Исторіографъ пѣсню и сказку признаетъ «однимъ изъ источниковъ для исторіи, хотя скуднымъ, однакожъ «не безполезнымъ.» [3] Строгій историческій критикъ Шлёцеръ такъ отзывается о Русскихъ сказкахъ: «чудеса и чудесное, окружающія «каждаго героя въ Русскихъ сказкахъ, такъ занимательны, такъ «вымышлены, что, кромѣ хитростей, и мудростей, ни слушатель, ни «читатель ихъ ничего ни другаго въ нихъ не найдетъ и не увидитъ.»

Дѣйствительно, въ сказкахъ такъ слито миѳическое и поетическое съ историческимъ, чудесное съ естественнымъ, что не легко отдѣлить одно отъ другаго. Въ нихъ проглядываетъ Русскій умъ на своемъ любимомъ просторѣ, живой языкъ съ его причудливыми оттѣнками, съ его смѣлыми и бойкими оборотами, которые даютъ ходкому разсказу и оживленному описанію особенную окраску, особый складъ и ладъ. Многія сказочныя выраженія отличаются стихотворнымъ складомъ и своеобразными приемами, кои ручаются за ихъ древность.

При переходѣ отъ одного предмета къ другому, отъ описанія къ повѣствованію, употребляются въ сказкахъ *присказки*, *прибаутки*, *погудки*, *пословицы* и *поговорки*. Присказки и прибаутки одного значенія, но разнаго происхожденія. Первая очевидно происходитъ отъ гл. *сказываю*, другая отъ глаг. баю и *байка* (bagka), которая на Чешскомъ значитъ сказка. Такъ, при продолжительномъ разсказѣ, для связи одной его части съ другою, говорится: «скоро сказка сказывается, а не скоро дѣло дѣлается.» Представляется ли что либо столь прекраснымъ и превосходнымъ, что нельзя найти и словъ къ изображенію — ето «ни въ сказкѣ сказать, «ни перомъ написать.» Обыкновенно сказка заключается балагурною присказкой: «я тамъ былъ, медъ пилъ, по усамъ текло, а въ ротъ

---

[3] *Карамз.* И. Г. Р. т. I.

не попало,» или «стали жить да поживать, добра наживать, да «лиха избывать.» О лирическомъ и епическомъ сродствѣ сказки свидѣтельствуетъ *погудка*, которая намекаетъ на древній обычай вторить разсказу музыкой, при переходѣ отъ епическаго къ лирическому. Въ Русскихъ сказкахъ чудныя звончатыя гусли самогуды не напоминаютъ ли тѣхъ гусляровъ Славянъ, которыхъ въ VI вѣкѣ Греки захватили во Ѳракіи? Чтожъ касается до *пословицъ и поговорокъ*, то ими изкони Русскій человѣкъ любитъ прикрашивать свою рѣчь; ими подтверждаетъ свою мысль, или перечитъ чужой.

Прежде нежели ввѣрены были сказки письму и печати, онѣ передавались нашими сказочниками по призванію съ разными прибавленіями и перемѣнами. Такіе рапсодисты, какъ прежде замѣтили, бывали и при царскихъ и барскихъ дворахъ подъ названіемъ *бахарей* съ своими *понукалками*. [4] Сказочниковъ можно найти и въ полкахъ, на фабрикахъ и въ деревенскихъ мірѣ. Сказки перенимаютъ они другъ у друга.

Поздно стали записывать народныя складки, позднѣе печатать при лубочныхъ картинахъ, не прежде начала или половины XVIII вѣка; слѣдственно такіе политипажи въ ходу едва ли болѣе столѣтія.

Въ разныхъ спискахъ одна и таже сказка является то полною, то сокращенною. Такъ сказки о Бабѣ-Ягѣ, Ильѣ Муромцѣ, Добрынѣ Никитичѣ и пр. есть полныя и сокращенныя; въ первыхъ находимъ подробности, какія въ послѣднихъ пропущены. За неимѣніемъ старыхъ источниковъ, издатели лубочныхъ картинъ и тетрадокъ взялись за поддѣльныя, ими переиначенныя сказки Чулкова, Попова и другихъ. Сравните Чулковскую сказку о Добрынѣ Никитичѣ лубочной печати, съ повѣстью объ немъ въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, вы найдете одну совершенно не похожею на другую и сходною только по заглавію; ето оригинальная старинная картина такъ записана неискуснымъ и своевольнымъ художникомъ, что нельзя въ ней открыть первобытный рисунокъ и колоритъ. Такъ поступали издатели и съ другими сказками; думая ихъ испра-

---

[4] «Царь М. Ѳ. пожаловалъ бахарей Петрушку Сапотова, Клима Орефьева, Путятина по 4 аршина сукна на трафилъ.» Книга расходная верхнему относу. 7125 (1617), № 903. въ Оружейной пал. *Понукалка*—родъ помощника бахарей, который напоминалъ ему (понукалъ), побуждая продолжать сказку.

вить и украсить на свой ладъ, во вкусѣ и сказками своего вѣка, обезображивали. Прочія сказки перепечатываются изъ книги, изданной въ Москвѣ неизвѣстнымъ 1805 г., подъ заглавіемъ: Дѣдушкины прогулки, содержащія въ себѣ десять Русскихъ сказокъ, именно: 1) о Булатѣ молодцѣ, 2) о пастухѣ и дикомъ вепрѣ, 3) о Любимѣ Царевичѣ и о прекрасной Царевнѣ его супружницѣ и о волкѣ крылатомъ, 4) о псѣ и ужѣ, 5) о славномъ именитомъ Царевичѣ Маландрахѣ Ибрагимовичѣ и о прекрасной Царевнѣ Саликаллѣ, 6) о весьма чудныхъ гусляхъ самогудахъ, 7) о семи мудрецахъ и о юношѣ, 8) о нѣкоемъ башмашникѣ и слугѣ его Притычникѣ, 9) о Иванѣ Царевичѣ, Жаръ птицѣ и о сѣромъ волкѣ и 10) о славномъ и храбромъ витязѣ Бовѣ Королевичѣ. Г. Левшинъ 1807 г. издалъ въ Москвѣ Русскія сказки, содержащія (въ себѣ) древнѣйшія повѣствованія о славныхъ богатыряхъ, сказки народныя и пр. оставшіяся черезъ пересказываніе въ памяти приключенія, въ 10 част. въ 8. Изо всѣхъ печатныхъ сборниковъ сказокъ заслуживаютъ вниманіе только: 1. Русскія народныя сказки, собранныя Богданомъ Бровницынымъ, Спб. 1838 г. и 1, въ 12, 2. Русскія народныя сказки, изд. И. Сахаровымъ, ч. 1. Спб. 1841 г. в. 12; 3. Народныя Русскія сказки, изд. А. Аѳанасьевымъ, IV выпуска. М. 1855, въ 8. Нѣкоторыя простонародныя сказки помѣщены въ Маякѣ 1844 г. въ Москвитянинѣ 1842 г. въ Русскомъ Вѣстникѣ и другихъ періодическихъ изданіяхъ; но еще остается много несобранныхъ и незаписанныхъ сказокъ, ходячихъ въ народѣ. Въ писменныхъ сборникахъ попадаются сказки болѣе переводныя, чѣмъ оригинальныя.

Для внуковъ своихъ Императрица Екатерина II, любительница Русской старины, сочинила сказки: *о Царевичахъ Хлорѣ и Февеѣ*. Нѣкоторые наши литераторы пытались оживить міръ Русской старины въ своихъ твореніяхъ. Таковы: Добрыня Львова и Державина, Бова Королевичь Радищева, Славянскіе Вечера Нарѣжнаго. За тѣмъ слѣдовали опыты въ етомъ родѣ Пушкина, Жуковскаго, Вельтмана, Н. Полеваго, которые покушались возсоздать Русскую сказку, а Луганскій (Даль) ловко поддѣлывался подъ нея.

Содержаніе извѣстныхъ намъ сказокъ Русскаго народа, древнихъ и новыхъ, отечественныхъ и перешедшихъ къ намъ съ Востока и Запада, столь же разнообразно, какъ и самые ихъ источники: міръ *Миѳическій*, *Волшебный*, *Героическій*, или *Богатырскій* и *Житейскій*.

Дѣйствующія въ нихъ лица существа миѳическія, имѣющія демоническій характеръ, волхвы, чародѣи и кудесники, драконы, Иваны Царевичи, Царь-дѣвица, богатыри, калики перехожіе, удалые люди, городскіе и деревенскіе жители, наконецъ дураки или дурни, торжествующіе надъ умниками. Герой сказки нерѣдко поставляется въ борьбѣ съ темными, сверхъестественными силами миѳическихъ существъ, или съ бѣдою, горемъ, кручиною и нуждою. Въ такой борьбѣ Русскій человѣкъ высказываетъ свой духъ и характеръ: онъ не страшится опасностей, не унываетъ въ неудачахъ, смѣло идетъ къ своей цѣли на случайное *авось*, на роковую удачу, и если вѣрить сказкамъ, ему и удается. При столкновеніи богатства съ бѣдностью, правды съ кривдою, невинности съ обидою, правый, бѣдный и обиженный, послѣ разныхъ испытаній, берутъ верхъ и преимущество. Заключеніе почти всегда успокоиваетъ и утѣшаетъ читателя и слушателя. Такимъ образомъ въ етихъ складкахъ фантазіи проявляется внѣшняя и внутренняя жизнь народная съ ея свѣтлыми и темными сторонами.

а. Миѳическія и волшебныя сказки.

По своему происхожденію и содержанію, онѣ должны быть древнѣйшими, доисторическими, какъ выраженія языческихъ вѣрованій и преданій, какъ источники чудеснаго въ поетическихъ складкахъ. Съ распространеніемъ на Руси Христіанской вѣры, многое въ нихъ измѣнено, или такъ изглажено, что сохранились одни только отрывки изъ міра миѳическаго, кои трудно связать въ цѣлое, какъ прерванный звукъ въ гармонію. Къ языческой символикѣ примѣшался христіянскій елементъ, который далъ ей свою окраску. Такого рода сказки дошли до насъ въ искаженномъ видѣ и записаны въ позднѣйшее время, которое наложило на нихъ свои слои. Не смотря на ето, коренная ихъ основа видимо принадлежитъ древнему вѣку, какъ смутные, таинственные отголоски незапамятной старины и міра миѳическаго, кои отзываются въ простонародныхъ праздникахъ, въ старинныхъ обрядовыхъ пѣсняхъ, въ святочныхъ гаданіяхъ, въ заговорахъ, въ суевѣрныхъ примѣтахъ и пословицахъ. Въ сказкахъ удержались нѣкоторыя языческія повѣрья и древнѣйшія преданія, напр: о счастливой странѣ вѣчной весны, за широкимъ моремъ; тамъ царствуетъ чудо силы и красоты, Царь дѣвица, тамъ сады съ золотыми деревьями, райскими птицами, рѣки

текутъ серебромъ, а въ водахъ смотрится ясный мѣсяцъ, умывающійся въ нихъ каждый вечеръ. Входъ въ страну Царь-дѣвицы стережетъ двѣнадцатиглавый змѣй, испускающій изъ пасти своей жгучее пламя. Извѣстный миѳъ о таинственномъ островѣ Буянѣ, находящемся среди безпредѣльнаго океана—матери всѣхъ морей, въ близкомъ соотношеніи съ основными языческими вѣрованіями Славянъ. [5] Нерѣдко попадающееся въ сказкахъ выраженіе *на роду написано* наводитъ мысль на миѳы Рода и Рожаницы, коимъ нѣкогда приносили въ жертву хлѣбъ, сыръ и медъ. [6] Изъ сказокъ видимъ мы, что всѣ четыре Вѣтра сыновья одной матери. [7]

Въ миѳическихъ и волшебныхъ сказкахъ не встрѣчается уже намъ семи Кіевскихъ божествъ, чествованныхъ въ язычествѣ Владиміромъ I; ни мѣстныхъ Бѣлбога, Ярилы, Лады; но именами Перуна, Волоса, Мокоша, Бѣлбога, Ярилы запечатлѣны только нѣкоторыя мѣстности и урочища въ Россіи [8] и даже въ простомъ народѣ, въ нѣкоторыхъ ея странахъ, долго удерживался еще завѣтный обычай ублажать Перуна, Хорса и Мокоша кушаньемъ и питьемъ, какъ значится въ Требникѣ 1601 года. [9] Безъ сомнѣнія, въ сказкахъ, кои разсказывались и записывались не въ языческой, но уже на святой Руси, изключены языческія божества потому, что за грѣхъ почитали поминать ихъ имена, согласно въ Св. Писаніемъ, которое запрещаетъ «повторять имена боговъ и клясться ими.» [10]

---

[5] см. Языческія преданія объ островѣ Буянѣ, ст. *Г. Шёпина* во Временникѣ И. М. Общества Исторіи и Древ. Росс. М. 1851, кн. IX.

[6] Тамъ же о значеніи Рода и Рожаницы. По указанію Профессора И. Д. Бѣляева, на 61 пр. VI всел. собор. Рожаница тоже, что родословіе, сходна съ Паркою, а Родъ тоже, что полу́чай, рокъ.

[7] Зас. Grimm Deutsche Mythologie, p. 381.

[8] Напр: Бѣлъбоги урочище въ Радонежской десятинѣ, Перынь урочище въ Устюженскомъ уѣздѣ, Перунина пустынь въ Весьегонскомъ уѣздѣ, Перуново, или Ладовично въ Ржевскомъ, Перынь монастырь близь Новгорода, два Мокошинскіе монастыря въ Черниговской Губерніи, Волосовъ м. во Владимірской г. тамъ же Ярилова долина; Волосова улица въ Новгородѣ и т. д.

[9] Чинъ исповѣди въ Требникѣ, писанномъ на бумагѣ уставомъ 1601 г. въ 4. Въ библіотекѣ И. Царскаго.

[10] «Имена боговъ да не возъименуются въ васъ, ниже да кленитеся ими. *I. Навіна*, XXIII, 7.

Между тѣмъ въ миѳическихъ и волшебныхъ сказкахъ дѣйствуютъ низшія миѳическія существа, темные духи, напр.: Яги Бабы, Чуды Юды, Кощеи безсмертные, Чуры, Туры, Лады, Горыни, Дубыни. Полканы, Лѣшіе, Домовые, Водовики, Русалки, Кикиморы, [11] Злыдни, Кручина. Нерѣдко они принимаютъ разные виды, то звѣря, то птицы, то человѣка; однѣ живутъ въ избушкахъ на курьихъ ножкахъ, или въ очарованныхъ зáмкахъ, другія на горахъ и въ чащѣ дремучихъ лѣсовъ, или въ водахъ, иныя привитаютъ въ человѣческихъ жилищахъ. Болѣе враждебныя, чѣмъ благоприятныя человѣку, онѣ вступаютъ съ нимъ въ борьбу, преслѣдуютъ его; но побѣждаются его отвагой, силою и хитростью. Замѣчательную роль играетъ въ сказкахъ Змѣй крылатый, или Драконъ, напоминающій намъ древняго искусителя Праматери рода человѣческаго, также крылатаго и пламеннаго змѣя Сарафа [12] и Индѣйскіе миѳы, во многомъ сходные не только съ Славянскими, но и съ западно-европейскими легендами (четьями). Рыцари, св. мужи и добльственныя жены спасаютъ отъ страшныхъ драконовъ и города и дѣвицъ. Таково чудовище Gargantua, Нѣм. Warg, Санскрит. Uraga, Иллир. Vraga, Слав. врагъ, т. е. воинъ и чёртъ. [13] Въ нашихъ сказкахъ и былевыхъ пѣсняхъ Змѣи, по видимому, означаютъ и Темнаго духа и Язычество и Татарщину; таковы Змѣи Горыничи, Тугарины Змѣевичи, Зиланты Змѣулановичи, которые могутъ по произволу превращаться въ добрыхъ молодцевъ, стерегутъ несмѣтныя сокровища, мечи кладенцы, владѣютъ мертвою и живою водой; отъ одной изъ нихъ сростаются разрубленные члены тѣла и заживляются раны, отъ другой оживаютъ мертвые. Змѣи летаютъ къ краснымъ дѣвицамъ, ихъ похищаютъ, держать у себя въ заколдованныхъ зáмкахъ, приживаютъ отъ нихъ дѣтей: Кикиморъ, Кудесниковъ, Волхвовъ и Дубынь. Въ одной сказкѣ молодая Княжна Марѳа Всеславьевна гуляла по саду,

«Съ камени скочила на лютаго змѣя;
Обвивается лютый змѣй около чобота зеленъ-сафьянъ,
Около чулочка шелковаго, хоботомъ [14] бьетъ по бѣлу стегну,

---

[11] Отъ Естонскаго кіккі, играть въ жмурки, и moor, баба.

[12] *Числ.* XXI, 19. *Исаіи.* VI, 2.

[13] Edda Saemundina, t. III.

[14] Хоботъ, отъ хобъ, хвостъ. *Апокалипс.* XII, 4. «и хоботъ (змѣя) его отторже «третію часть звѣздъ.» Въ греч. подлинникѣ ἡ οὐρά, хвостъ. ср. Древн. Русск. Стих. стр. 388. и Игореву пѣснь.

А въ та поры Княжна поносъ понесла,
А поносъ понесла [15], дитя родила.»

Когда родился у Княжны дитя, молодой Волхвъ Всеславьевичь, тогда

Подрожала сыра земля,
Стряслося славно царство Индѣйское,
А Сине море всколебалося. [16]

Хотя всѣ такія миѳическія существа не составляютъ главнаго предмета и заглавія сказокъ лубочной печати; но входятъ въ ихъ составъ, по бо́льшему, или меньшему вліянію ихъ на человѣка, въ судьбу котораго они вмѣшиваются. Между враждебными человѣку существами являются и благоприятствующія ему, какъ бы посредники и помощники. Ето какіе-то служебные духи въ образѣ разныхъ животныхъ, одаренные волшебными силами, имѣющіе демоническій характеръ. За благодѣяніе имъ человѣка они платятъ ему благодарностью: спасаютъ его отъ бѣдъ, доставляютъ ему чудныя средства, приносятъ живую и мертвую воду для оживленія убитаго. Волкъ, конь, котъ, мыши и щука оказываютъ человѣку, за его добродушіе, какъ увидимъ въ сказкахъ, важнѣйшія услуги. Изъ етихъ животныхъ преимущественно предъ другими чествуемъ былъ у Славянъ воронъ, который почитался посланникомъ боговъ, всевѣдущимъ, вѣщимъ; [17] въ гаданіяхъ у западныхъ Славянъ конь занималъ главную роль; Славяне воздавали особенное чествованіе бѣлымъ и воронымъ конямъ. [18] Древніе Пруссы приносили въ жертву своимъ богамъ бѣлыхъ коней. Во время Христіянства такіе кони получили значеніе чудесныхъ, волшебныхъ животныхъ; богатыри находятъ себѣ ихъ въ подземныхъ заклепахъ, за 12 дверями желѣзными и 12 замками. Рыба щука намѣкаетъ на рыбу-божество Индѣйскаго Вишну и Славяно-Русскаго Кродо, Мокоша, или Макоша; тоже, что Индѣйскій Satywrat. [18] О символическомъ значеніи кота мы уже выше сказали. Какъ въ миѳологіи восточныхъ народовъ, допускающей метемпсихозъ, божества принимаютъ образы животныхъ — волковъ, птицъ, змѣй; тоже повторяется и въ Славянскихъ миѳахъ.

---

[15] Забрюхатѣла. См. Древнія Русск. стихотворенія. М. 1818 г. въ 4, стр. 43.

[16] Воронъ ежедневно утромъ и вечеромъ приносилъ хлѣбъ и мясо св Пророку Иліи, удалившемуся, по глаголу Божію, къ потоку Хораѳову. III *Царствъ*, XVII, 4—6.

[17] Die Wissenschaft des Slawischen Mythus. von Dr. Ign. Hanusch, Lemberg. 1842. n. 8.

[18] Тамъ же.

Одинъ изъ древнѣйшихъ миѳовъ въ Славяно-Русскомъ мірѣ, тождественный съ Индѣйскою богиней смерти (Maŕana, Ježi-Baba и Zla Baba), есть Яга-баба, которая играетъ замѣчательную роль въ нашихъ сказкахъ. Ето безобразная старуха, съ костяною ногой; задъ ея жилистый, передъ стриженый; у ней двѣ сестры и двѣнадцать сыновей. Ета людоѣдка, кудесница и колдунья живетъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ среди чащи лѣсной; тамъ она лежитъ, протянувшись изъ угла въ уголъ и упершись ногами въ потолокъ. Жилище ея обнесено заборомъ изъ костей человѣческихъ, на коихъ торчатъ черепы съ глазами; вмѣсто верей у воротъ, ноги человѣческія; вмѣсто запоровъ, руки; вмѣсто замка, ротъ съ острыми зубами. [19] Избушка ея обращена къ лѣсу передомъ и поворачивается по призыву: «избушка, повернись къ лѣсу задомъ, ко мнѣ пере-«домъ!» При встрѣчѣ съ людьми, зашедшими къ ней въ трущобу, она восклицаетъ: «Фу, фу! доселева Русскаго духа видомъ не видано, «слыхомъ не слыхано, а нынѣ Русской духъ въ очью проявляется!» Тѣ же самыя слова повторяютъ и другія миѳическія существа, при видѣ Русскаго человѣка: Чудо морское, Змій и всякая нечистая сила. Ето, вѣроятно, означаетъ или противоположность человѣка нечистой силѣ, или борьбу Язычества съ Христіянствомъ, или вторичное появленіе Варяговъ-Руси на нашемъ Сѣверѣ. Баба-Яга, какъ вѣдьма, присутствуетъ на сборищахъ вѣдовскихъ, можетъ предвѣщать будущее, разумѣетъ таинственный смыслъ загадокъ, распоряжается силами природы, пожираетъ похищенныхъ ею дѣтей; у ней хранится живая и мертвая вода. Она ѣздитъ въ желѣзной ступѣ, пестомъ погоняя, помеломъ заметая. Три Яги-бабы сестры похожи на трехъ Паркъ и, подобно имъ, прядутъ нитки. Изъ нихъ то одна, то всѣ три являются дѣйствующими лицами въ лубочныхъ сказкахъ объ Иванѣ-Царевичѣ и Царь-Дѣвицѣ, объ Ильѣ Муромцѣ, о Трехъ царствахъ мѣдномъ, серебряномъ и золотомъ; и въ другихъ. Особой сказки, лубочной печати, о Бабѣ-Ягѣ не находится; но въ собраніи Русскихъ сказокъ г. Аѳанасьева объ етомъ чудищѣ помѣщено нѣсколько. Изъ нихъ видно, что лихія мачихи отдавали своихъ постылыхъ падчерицъ въ услуженіе Ягѣ-Бабѣ, которая задавала прислужницамъ самыя трудныя работы; но мыши, накормленныя сиротою, выручали ее. За исполненіе своихъ порученій награждаетъ ее Яга-Баба; ето

---

[19] Народныя Русскія сказки, изд. *Аѳанасьева*, IV, въ Моск. 1858 г.

возбудило зависть въ мачихѣ, которая посылаетъ къ строгой хозяйкѣ и свою родную дочь; но ета была немилосердна къ мышамъ и безъ ихъ помощи не съумѣла выполнить заданнаго ей урока. Яга-Баба разсердилась, ее изломала и склала ея косточки въ коробъ. Отецъ пріѣхалъ было за дочерью; но, вмѣсто ея, привезъ домой къ матери однѣ косточки въ коробѣ. Въ другой сказкѣ Котъ избавляетъ отъ погибели дѣвушку, посланную мачихой къ Ягѣ-Бабѣ и уже обреченную людоѣдкой на съѣдѣніе. Котъ даетъ сиротинкѣ гребешокъ и полотенце, съ коими она спасается бѣгствомъ. Баба Яга за нею гонится: преслѣдуемая броситъ полотенце, сдѣлается рѣка; кинетъ гребешекъ, явится дремучій лѣсъ. Гонительница, сколько ни грызла лѣсъ, но сгрызть его не могла, и ни съ чѣмъ воротилась въ свою трущобу. Отецъ, узнавъ ето, въ сердцахъ разстрѣлялъ свою жену. На лубочной картинѣ *Битва Яги-Бабы съ крокодиломъ,* людоѣдка ета изображена съ безобразнымъ лицемъ, съ закорюченнымъ носомъ и высунутымъ языкомъ; на ней родъ сарафана съ длинными, широкими рукавами, какой въ Сибири называется *Ягою*; [20] она сидитъ верхомъ на свиньѣ, какъ нѣкогда являлся бѣсъ Преп. Макарію. [21] Одною рукой Яга-баба правитъ свиньею, а другою замахивается пестомъ на крокодила, который болѣе похожъ на обезьяну съ длинною бородой: хвостъ у него широкій. За поясомъ у наѣздницы топоръ и вилы. Хотя въ древней Славянской Миѳологіи не находимъ сказанія о битвѣ Яги-бабы съ крокодиломъ; но крокодилъ давно уже извѣстенъ былъ на Руси; по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, подъ 1582 г. «изъ рѣки «(Волхова) вышли коркодилы лютіе звѣри, и путь затвориша, лю«дей много поядоша и ужасошася людіе, и паки спряташася, а «иныхъ избиша.» [22]

Въ сказкахъ и пословицахъ попадается олицетворенная Напасть подъ именемъ *Злыдней,* по видимому, тоже, что *Черные дни, Черна година*. Ето выражается у Славянъ Чернобогомъ, Дивомъ. См. выше

---

[20] Яга, также ерчакъ, родъ верхней одежды, сшитой изъ двухъ мѣховъ шерстью вверхъ. Она употребительна въ Сибири. см. Област. Словарь.

[21] Патерикъ печерскій. Свинья почиталась въ Св. Пис. нечистымъ животнымъ. Бѣсы, изгнанные І. Хрістомъ изъ бѣсноватаго, вселились въ свиней, утопшихъ въ Генинсаретскомъ озерѣ. Луки. V. I.

[22] Псков. 1 лѣтопись л. 7190.

стр. 49. Злыдни изображаются крылатыми; гдѣ только ни водворятся, тамъ дѣлаютъ разныя пакости и разореніе, съѣдаютъ спорынью (oni spor zajadaią). [25] Онѣ сходны съ Кручиною. см. Сказку объ уткѣ съ золотыми яичками.

Превращеніе богатыря Ильи Муромца волшебницею въ Тура возобновляетъ въ памяти Скандинавскаго Бога войны Туг, извѣстнаго у Славянъ подъ именемъ Тура, котораго символомъ почитался звѣрь туръ. Въ Игоревой пѣсни къ нему придается епитетъ *яръ-туръ*, сходный и созвучный съ епитетомъ Ареса у Гомера: *θοῦρος*, ярый, буйный. [24]

По сродству волшебства съ язычествомъ, можно предполагать, что древніе наши волхвы были язычники, извѣстные также подъ именемъ кудесниковъ, колдуновъ, чародѣевъ; они приписывали себѣ сверхъестественныя силы и хвалились таинственными знаніями. Соловей-разбойникъ, котораго убійственный свистъ, шипѣніе змѣиное и рыканіе звѣриное не могли выносить прохожіе и проѣзжіе, не есть ли изображеніе языческаго жреца и кудесника, которой силою чаръ своихъ могъ по произволу вызывать страшные вихри и грозу? Въ Іоакимовской лѣтописи находимъ жреца Соловья. Такіе противники Христіянства и ревнители языческихъ вѣрованій появляясь въ XI, XII и XIII вѣкахъ, по разнымъ странамъ Россіи, распространяли въ народѣ свое лжеученіе. [25] Подобно Кіевскимъ вѣдьмамъ, они въ сказкахъ принимаютъ на себя разные виды, какъ оборотни и чудодѣи, превращаются въ птицъ, скотовъ и звѣрей.

Доказательствомъ преобладанія древняго язычества въ волшебныхъ нашихъ сказкахъ между прочимъ можетъ служить и то, что въ нихъ

---

[25] Dzieje starożytne narodu Litewskiego. P. T. Narbutta. Wilno, 1835. t. 1.

[24] Туру, какъ звѣрю, буйволу, дается прозваніе въ Игоревой пѣсни: Яръ и Буй; Яръ-Туръ Всеволодъ, и Буй-Туръ Всеволодъ. Въ Краледворской рукоп. Tu Wratistaw, iak Tur iar, skoci, ты Вратиславъ, какъ Яръ Туръ, скочилъ. См. изд. Снегирева Игоревой пѣсни въ Русск. истор. Сборникѣ О. И. и Др. Росс. т. III, кн. I. У Славянъ Туръ представлялъ символъ необыкновенной силы. Срав. праздникъ въ честь Тура, назыв. Turice и смѣшенной съ Letnice. Нѣкоторыя мѣстечки, города, горы и долины получили свое названіе отъ Туровъ, напр: Turec, Turopole, Турьи горы, Тура г. и р. Турова гора, Туровъ, Турова, божница, и пр.

[25] Разсужденіе о ересяхъ и расколахъ, бывшихъ въ Русской Церкви, очс. *Н. Рудлева*. М. 1838, въ 8.

не находимъ елементовъ Хрістіянства, тогда какъ въ богатырскихъ и житейскихъ сказкахъ очевидно уже вліяніе хрістіянской вѣры на обычаи и нравы, хотя и не безъ примѣси языческихъ суевѣрій. Въ послѣднихъ иногда на первомъ планѣ стоитъ дурень, дуракъ, который торжествуетъ надъ умными и разумными, строитъ разныя чудныя продѣлки, изъ деревенскаго запечнаго лежебока и неряхи превращается въ добраго удалаго молодца и богатыря. Но етого достигаетъ онъ терпѣніемъ, смиреніемъ, почтеніемъ къ родителямъ, покорностію старшимъ братьямъ и добротою. Ему помогаютъ одаренныя чудными силами животныя: отъ пойманной и освобожденной имъ щуки получаетъ онъ крѣпкое дѣйственное слово; стóитъ ему только произнести: «По щучьему велѣнью, по моему «прошенью, будь то и то,» напр: надобно ль принести воды, нарубить дровъ и привезти ихъ на дворъ — ведра сами несутъ съ рѣки воду въ избу, топоръ самосѣкъ рубитъ дрова, сани самокаты везутъ ихъ къ нему на дворъ, дубинка бьетъ его преслѣдователей, его любимый приютъ, печь, какъ бы паровозъ, везетъ его въ городъ. По его желанью, является великолѣпный дворецъ съ хрустальнымъ мостомъ, наконецъ королевская дочь выходитъ за него за мужъ. Въ другой сказкѣ, отецъ предъ смертію своей завѣщеваетъ тремъ сыновьямъ своимъ: поочередно три ночи быть на своей могилѣ; но одинъ только меньшой сынъ дуракъ въ точности исполняетъ родительское завѣщаніе; въ награду за послушаніе и почтеніе онъ получаетъ отъ отца въ послуги сивку бурку, вѣщую коурку. Лишь только дуракъ скажетъ ей: «встань передо мной, какъ листъ передъ травой!» послушный конь является къ нему съ богатырскими доспѣхами: булатнымъ копьемъ, мечемъ кладенцемъ и боевою дубиной; нашъ лежебокъ влезетъ коню въ одно ушко, а въ другое вылезетъ, и станетъ такимъ молодцемъ, «какого ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ «написать.» Осѣдлавъ сивку бурку, нашъ дуракъ летитъ на подвиги богатырскіе, кои увѣнчиваютъ его славою къ удивленію и зависти его братьевъ, не исполнившихъ родительскаго завѣщанія.

И въ Славянскихъ сказкахъ изъ трехъ сыновей оба старшіе всегда подчиняются бездарному, юродивому младшему, который достигаетъ совершенства и заступаетъ мѣсто отца. Такую особенность Г. Ербенъ пытается объяснить Славянскою миѳологіей: изъ воднаго царства, послѣ зимы, возникаетъ властитель всѣхъ трехъ царствъ Триглавъ Бѣлъбогъ. [26] По созвучію, но едва ли по происхожденію, найти можно сród-

[26] Русская Бесѣда, кн. IV, М. 1857, въ 8.

ство Русскаго дурня и съ Скандинавскимъ Durin [27] — однимъ изъ посредниковъ, то видимыхъ, то невидимыхъ, между богами и людьми. Напротивъ, намъ кажется, въ лицѣ сказочнаго дурака, дурня, Русскій простолюдинъ изобразилъ самаго себя, тѣмъ болѣе, что онъ нерѣдко прикидываясь дурнемъ, подъ личиною простоты и даже юродства, подобно Римскому Бруту и Бретаньскому дурачку Передуру, [28] скрывая свой умъ, хитрость и замыселъ; терпѣніемъ и догадкою преодолѣвая препятствія и трудности, достигаетъ своей цѣли. Здѣсь же обнаруживается и торжество христіянскаго смиренія. Сказка ета имѣетъ скорѣе нравственное и политическое, чѣмъ физическое значеніе.

Дивныя превращенія совершаются волшебными силами въ сказкѣ Иванъ Царевичь; обманомъ онъ похищаетъ у лѣшихъ въ лѣсу шляпу— невидимку, сапоги самоходы и хлѣбосольную скатерть. Надѣвъ на себя ету шляпу, самъ становится невидимкою; въ сапогахъ самоходахъ пробѣгаетъ, съ быстротою полета птицы, огромныя пространства: развернетъ чудную скатерть-самобранку — выскочатъ изъ нее двѣнадцать молодцевъ и двѣнадцать дѣвицъ, наставятъ на ней разныхъ кушаньевъ и напитковъ, угощаютъ Царевича и его гостей. Воронъ ему приноситъ живой и мертвой воды. Здѣсь же олицетворенный, подобно другимъ стихіямъ, Грому и Граду, Вѣтеръ уноситъ Царевну, которую освобождаетъ изъ плѣна Иванъ Царевичь и на ней женится.

Подобныя превращенія извѣстны въ Индѣйскихъ и Скандинавскихъ миѳахъ. Кромѣ поетическаго и символическаго языка, здѣсь обнаруживаются слѣды древнѣйшаго восточнаго ученія о переселеніи душъ, странствующихъ, по отдѣленіи отъ тѣла, по всей природѣ; также онѣ приписываются Магіи, которая посредствомъ нѣкоторыхъ растеній и заклинаній, заключающихъ въ себѣ таинственную силу, производитъ сверхестественныя дѣйствія. [29]

Замѣчательную роль играетъ въ сказкахъ Кощей безсмертный. Если его имя производить отъ kosc, *кость*, то ето живой костякъ; еслижъ отъ областнаго слова *касть*, дрянь, порча, пакость, то ето пакостникъ. Въ Игоревой пѣсни Кощей, или Кощій принятъ въ значеніи младшаго княжескаго отрока и слуги, названъ даже *по-*

---

[27] Edda Saemund. III.

[28] T. Livii Patav. I, 56, Brutus, несмысленный, глупый, ex industria factus est ad imitationem stultitiae. *Villemarque* contes populaires des anciens Bretons. Paris. 1842, in 8.

[29] Mellmann De formis mutatis. Gotting, 1800, in 8.

ганымъ; въ миѳахъ же Кощей безсмертный есть враждебное человѣку существо, сходное съ Скандинавскимъ Локе, безобразное, неуязвимое, безсмертное, великій чародѣй; смерть его скрыта въ таинственномъ яйцѣ. Хотя въ числѣ сказокъ лубочной печати не находится объ немъ особенной складки; но какъ онъ входитъ въ составъ нѣкоторыхъ, то и заимствуемъ содержаніе сказки о Кощеѣ изъ напечатанной Г. Аѳанасьевымъ. Въ одной такъ объ немъ повѣствуется: Въ нѣкоторомъ царствѣ у царя Кощей похитилъ жену, мать троихъ сыновей. Дѣти поѣхали отыскивать свою мать: двое изъ нихъ пропали безъ вѣсти, наконецъ третій меньшой, Иванъ Царевичь, обладавшій необычайною силой, получивъ отъ старухи чуднаго коня, откопаннаго въ горѣ, пустился на поиски. Доѣхавъ до превысокой горы, онъ встрѣтилъ у ней своихъ братьевъ; на нее взойти не иначе можно было, какъ взбросивъ камень въ полтораста пудъ. Иванъ Царевичь, по исполненіе такое условіе, взошелъ на̀ гору и тамъ отыскалъ мать свою; наступило время прибыть Кощею безсмертному; мать спрятала своего сына. Хотя Кощей и почуялъ Русскій духъ; но Царица увѣрила его, что ето ему мерещится отъ того, что летая по Русской землѣ, набрался Русскаго духа. Онъ повѣрилъ. Царица ласками выманила у него признаніе, гдѣ его смерть скрыта. «Подъ дубомъ,» сказалъ онъ, въ ящикѣ, гдѣ «заключенъ заяцъ, а въ зайцѣ утка, въ ней яйце, гдѣ смерть моя.» На пути къ Кощеевой смерти, голодный Иванъ Царевичь хотѣлъ убить волченка, ворону и щуку; но, по просьбѣ ихъ, пощадилъ; за то они помогли ему достигнуть таинственнаго дуба и достать яице, заключающее въ себѣ смерть Кощееву. Иванъ Царевичь, въ присутствіи Кощея, не смотря на всѣ его лестные посулы, раздавилъ яйце и тѣмъ причинилъ безсмертному смерть, а мать свою возвратилъ къ отцу своему.

II. *Богатырскія сказки.*

Изъ миѳовъ мы узнаемъ свойство нѣкоторыхъ демоническихъ существъ: изъ пѣсенъ и сказокъ свойство богатырей; послѣдніе, являются, какъ чисто человѣческія существа, которыя отличаются отъ обыкновенныхъ людей необыкновенною силой и храбростью. Они вырывали съ корнемъ деревья, однимъ ударомъ прошибали каменныя стѣны, побивали цѣлыя рати и однимъ духомъ выпивали чару зелена вина въ полтора ведра; но на Княжескихъ пирахъ обыкновенно «въ полсыта наѣдалися, въ полпьяна напивалися.» Оружіемъ ихъ было калена стрѣла, мечь кладенецъ, тугой лукъ съ шелковою тетивой, копье булатное, дубина боевая въ десять пудъ: у нихъ ни-

одна стрѣла не пропадаетъ даромъ, мечь кладенецъ рубитъ по сотнямъ и тысячамъ, копье булатное колетъ враговъ безъ числа и безъ смѣты; добрый конь богатырскій, вѣщающій человѣческимъ голосомъ, въ первый ускокъ ступаетъ за пять верстъ, а въ другой ускокъ въ лѣса Брынскіе, поднимается выше лѣса стоячаго, ниже облака ходячаго: онъ ботатырю слуга и товарищь. Его добываютъ богатыри въ подземныхъ заклепахъ за 12 желѣзными дверьми и за 12 замками. Они ѣздятъ за тридевять земель въ тридесятое царство, подсолнечное государство; ищутъ приключеній въ своихъ странствованіяхъ по бѣлу свѣту, «по чужимъ странамъ, по незнаемымъ мѣстамъ, по «невѣдомымъ землямъ»; [30] а на распутіяхъ и на горахъ имъ встрѣчаются столбы съ таинственною надписью, указывающею три роковые пути: «на одномъ самъ богатырь будетъ холоденъ и голоденъ, а «конь его сытъ и здоровъ, на другомъ самъ живъ и здоровъ, а конь «мертвъ, на третьемъ пути ожидаетъ богатыря смерть.» [31] Такимъ обра«зомъ для странника «вси путіе были по изволенію его.» [32] Выборъ того, или другаго рѣшалъ судьбу его. На распутіи иногда попадался богатырямъ старый кряковистый дубъ, отъ коего шли три дороги, одна въ Новгородъ, другая въ Кіевъ, третія ко Синю морю. Тамъ странствующіе наши ратоборцы раскидывали бѣлый шатеръ, а коней пускали въ чисто поле. Богатыри охраняютъ свои заставы, въ родѣ пограничныхъ стражъ, отражаютъ нападеніе иноземныхъ богатырей, мѣряются съ ними силою, истребляютъ чудовища, освобождаютъ слабыхъ отъ обиды сильныхъ; похожденія ихъ обыкновенно оканчиваются преодолѣніемъ разныхъ препятствій, побѣдою надъ врагами, счастливымъ достиженіемъ цѣли и прохладною жизнію.

Богатыри наши олицетворяютъ въ себѣ тѣлесную силу, отвагу и любовь къ отечеству; они называются святорусскими. Древній міръ преданій о богатыряхъ сосредоточивается во Владимірѣ I, кото-

---

[30] *Карамзина* И. Г. Р. V, пр. 148.

[31] Въ прибавленіяхъ въ Акатем. извѣстіямъ, т. IV, стр. 354, въ пѣснѣ объ Ильѣ Муромцѣ такъ изображаются сіи пути:

Находилъ старый камень,
А на камени надпись была подписана:
Кому въ ету дороженьку ѣхать, богату быть,
А во другую поѣхать, женату быть,
А во третію поѣхать, убиту быть.

[32] I. Сіраха. XXXIII, 13.

раго, какъ нѣкогда Карла Великаго и Артура, окружаютъ славные богатыри, отличающіеся особенными доблестями. Въ сказкахъ и пѣсняхъ Владиміръ величается ласковымъ, краснымъ солнышкомъ; дворъ его великолѣпный и гостеприимный; но въ свѣтлыхъ гридницахъ у него были «печи битыя глиняныя, подики кирпичные, полы такіе же,» [33] оконницы стекольчатыя, столы бѣлодубовые; «въ теремахъ хорошо изукрашено.« У вольящетыхъ воротъ привратникомъ былъ калечище малъ малешенекъ, который ударялъ въ набатъ къ сбору бояръ и богатырей на княжескій дворъ, предъ дворомъ разстилалось заповѣдное поле.

У гостеприимнаго и хлѣбосольнаго Князя по воскреснымъ днямъ учреждаемы были пиры, на кои сбирались, при немъ и безъ него, бояре, гриди, соцкіе, десятскіе и нарочитые мужи: [34] тамъ, по сказанію лѣтописца, «бываше множьство отъ мясъ, отъ скота, и отъ звѣрины, бяше ко изобилью отъ всего.» Не забывалъ Владиміръ-хрістіянинъ нищихъ, калекъ перехожихъ и убогихъ: они невозбранно приходили къ нему на широкій дворъ, гдѣ получали всяку потребу, питье, ядѣнье и милостыню изъ казны его (куны отъ скотницъ); а больнымъ и немощнымъ, которые сами не могли дойти (долѣзти) до двора его, посылалъ на тѣлегахъ хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ и квасъ въ бочкахъ. Къ ласковому Князю имѣли свободный доступъ его дружина, отечественные и чужестранные богатыри, которыхъ онъ угощалъ за пирами почетными. Таковы: дядя его Новгородецъ Добрыня Никитичь, Александръ съ золотою гривною, Илья Муромецъ, сильный Рогдай, Алеша Поповичь, Чурило Пленковичь, Янъ Усмошвецъ, т. е. сыромятникъ, Василій Казариновичь. Тѣлесная сила и дивные подвиги ко благу Государства равняли ихъ при дворѣ Владимировомъ: кто изъ нихъ, какъ напр: Илья Муромецъ, крестьянскій; кто княжескій родственникъ, какъ Добрыня; кто поповъ сынъ, какъ Алеша; кто сыромятникъ, какъ Янъ. Такимъ образомъ Кіевъ, Новгородъ, Муромъ, Ростовъ имѣли своихъ представителей въ своихъ богатыряхъ. Етихъ витязей узнаемъ уже изъ временъ Хрістіянства, а не язычества, при томъ гораздо позднѣе. Въ пѣсняхъ и сказкахъ объ нихъ основа древняя, но утóкъ большею частію, поздній.

---

[33] См. Древн. Росс. стихотв. стр. 27.

[34] Лѣтопись Несторова по Лаврентьевскому списку, изд. Р. Тимковскаго. М. 1824, въ 4, стр. 89.

1. Изо всѣхъ богатырей Владимировыхъ первенствуетъ въ памяти народной Илья Муромецъ, соименный, но едва ли тождественный Св. Ильѣ Муромцу, по прозванію Чоботку, котораго св. мощи опочиваютъ въ Кіевскихъ пещерахъ. [35] Сказка объ немъ, по созданію, языку и характеру, носитъ на себѣ признаки глубокой древности; въ былевыхъ пѣсняхъ у Кирши Данилова, выключая сказанія о Дунаѣ Ивановичѣ и Волотѣ богатырѣ, она древнѣе всѣхъ. [36] Имѣя въ предметѣ особенно сказки лубочной печати, изложимъ содержаніе повѣсти объ етомъ представителѣ Русской силы, храбрости и удальства, по изданію: *Исторія о славномъ и храбромъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ и о Соловьѣ разбойникѣ*, въ 4. на 8 стр. печатанному, подобно другимъ, въ первую голову.

Илья Ивановичь, крестьянскій сынъ, уроженецъ Муромскаго подгороднаго села Карачарова, былъ отъ рожденія сиднемъ тридцать лѣтъ. Поздно въ немъ раскрылась сила, а съ нею вмѣстѣ самосознаніе и дѣятельность. Въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляютъ, [37] что двое калѣкъ перехожихъ, просившіе милостыни, поставили его на ноги и дали ему въ питьѣ такую силу тѣлесную, что на вопросъ ихъ: «какъ «велика твоя сила?» Илья, подобно Архимеду Сиракузскому, [38] отвѣчалъ:» кабы былъ столбъ отъ земли до неба, я бы перевернулъ всю «землю.» Калики, поубавивъ силы въ Ильѣ, распростились съ нимъ. Отецъ и мать, по возвращеніи своемъ домой, къ удивленію своему, увидѣли сына своего на ногахъ и узнали, какою одаренъ онъ необыкновенною силой. Сдѣлавъ себѣ ратную сбрую, Илья просилъ у

---

[35] Дек. 19, Препод Отца нашего Иліи Муромца, чудотворца Печерскаго, въ XII вѣкѣ бывшаго. см. Кіевскій Мѣсяцословъ. Кіевъ. 1832 г. въ 8. Въ рѣдкомъ изданіи гравированныхъ на деревѣ, въ 4, изображеній Преп. Отецъ Печерскихъ находимъ въ библіотекѣ И. И. Каратаева доселѣ неизвѣстное изображеніе Преподобнаго Иліи Муромскаго; на оборотѣ листа означенъ 1656 годъ. Илія представленъ въ видѣ мужественнаго старца съ длинною бородой и непокрытою головой. На половинѣ обнаженнаго его тѣла накинута одежда.

[36] Исторія Русской Словесности, лекціи Ординарнаго Академика и Профессора Ст. Шевырева. ч. 1, М. 1859 г. изд. 2.

[37] Русскія народныя сказки, изд. *И. Сахаровымъ*, г. I. Спб. 1841 г.

[38] Архимедъ сказалъ Гіерону, что «ежели бы подъ нимъ находилась другая земля, кромѣ нами обитаемой, на коей бы онъ могъ поставить свои орудія, то могъ бы ворочать нашу землю по произволу.»

родителей благословенія ѣхать въ Кіевъ Богу помолиться и Князю Кіевскому поклониться. Они напутствуютъ его благословеніемъ своимъ и приказаніемъ «ѣхать прямо въ Кіевъ черезъ Черниговъ, на «пути своемъ никому не дѣлать обиды и не проливать крови хрі«стіянской напрасно.» На дорогѣ встрѣтились ему въ темныхъ лѣсахъ разбойники-станишники, которые хотѣли отнять у него добраго коня: но Илья пускаетъ калену стрѣлу подъ землю и стрѣла стала рвать землю, въ косу́ сажень. Разбойники испугались, предлагали богатырю нашему золотую казну, цвѣтное платье и табуны лошадей; но онъ отвергнулъ ето и удовольствовался только ихъ обѣщаніемъ впредь не отваживаться на разбои. Подъ Черниговомъ (а по другимъ спискамъ, подъ Себежемъ), наѣхалъ онъ на несмѣтную силу бусурманскую, которая держала въ осадѣ городъ, угрожала его «вырубить, церкви Божія на дымъ пустить и самого «Князя и воеводу Черниговскаго въ полонъ взять.» Но Муромецъ, съ упованіемъ на помощь Божію, побилъ силу бусурманскую и плѣннаго Царевича бусурманскаго привелъ въ Черниговъ, гдѣ побѣдителя встрѣтили съ честію великою и угостили. Новый подвигъ ожидалъ его на дорогѣ къ Кіеву; ее заложилъ Соловей разбойникъ, не пропуская ни коннаго, ни пѣшаго, убивая не оружіемъ, но свистомъ. Онъ сидѣлъ на двѣнадцати дубахъ. Святорусскій богатырь, выдержавъ убійственный свистъ Соловья, сразилъ кудесника каленою стрѣлой и тотъ свалился съ дубовъ, какъ овсяный снопъ. Илья, наказавшій дочерей Соловья, которыя покушались убить его желѣзною подворотней, везетъ въ Кіевъ привязаннаго къ стременамъ своимъ Соловья. Съ нимъ является онъ къ Кіевскому Князю, который сперва было не повѣрилъ, чтобы Карачаровецъ смогъ одолѣть Соловья разбойника; но удостовѣрили въ томъ свидѣтельство Алеши Поповича и оглушительный свистъ Соловья-разбойника. Здѣсь Муромецъ убилъ его за то, что, вопреки его приказанію, онъ, засвиставъ во весь разбойничій свистъ, оглушилъ богатырей. Побратавшись съ Добрынею Никитичемъ, Илья поѣхалъ съ нимъ въ чисто поле искать приключеній и тамъ попался имъ чудный калика перехожій, въ которомъ Илья нашелъ своего сверстника и соученика; онъ повѣдалъ ему, что въ Кіевѣ у Князя невзгода великая, наѣхалъ туда невѣрный богатырь, Идолище нечестивое, у котораго голова съ пивной котелъ, въ плечахъ сажень, промежь бровями пядь, промежъ ушей калена стрѣла, ѣстъ по быку, пьетъ по ковшу. Илья мѣняется одеждою съ каликою перехожимъ;

надѣвъ на себя его пятипудовую гуню, девятипудовую шляпу, и взявъ въ руки его трехсаженный костыль, является къ Князю Кіевскому за милостыней, которая, какъ видно, была у него неотказная. Тамъ находитъ онъ прожорливаго Идолища и такъ ударилъ его своею тяжелою шляпой, что насквозь пробилъ стѣну палатъ. Ето былъ послѣдній подвигъ Ильи Муромца. Князь почтилъ его великими похвалами и причелъ въ сильные могучіе богатыри.

Въ Киреевскомъ спискѣ етой сказки говорится о трехъ роковыхъ путяхъ и о встрѣчѣ Ильи Муромца съ двумя Ягами бабами, изъ которыхъ одна его угостила и, по Русскому обычаю, въ банькѣ выпарила; потомъ женился на королевнѣ, которую избавилъ отъ 12 главаго змѣя, навѣщавшаго ее каждую полночь. [39] Подобный подвигъ совершенъ Княземъ Петромъ Муромскимъ, который поразилъ Агриковымъ мечемъ змія, принимавшаго видъ брата его. [40] Въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ Илья побѣждаетъ Татарскаго Царя Калина, угрожавшаго Кіеву истребленіемъ За неимѣніемъ оружія, избиваетъ онъ Татариномъ все его воинство; потомъ братается съ Ваською пьяницей. [41] Такъ въ сказкахъ смѣшивали древнее съ новымъ, историческое съ поетическимъ, отечественное съ заимственнымъ, перенося подвиги одного лица на другое.

Въ отечественной Исторіи встрѣчается не одинъ Добрыня; были двое Добрынь бояре Кіевскіе, Добрыня посадникъ Новгородскій, Добрыня Резатичь златой поясъ, богатырь; третій еще Добрыня Судиславичь богатырь, историческое лице, современникъ Владиміра, его дядя и сподвижникъ, правитель Новгорода, поставившій тамъ истуканъ Перуновъ на берегу Волхова; потомъ съ воеводой Путятою сдѣлавшись ревнителемъ Христіянской вѣры, онъ вводилъ ее мечемъ и огнемъ, по древней пословицѣ: *Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ*. О подвигахъ послѣдняго гласитъ сказка. Какъ въ лубочной печати ета сказка, буквально взятая изъ пересочинен-

---

[39] Народныя Русскія сказки, изд. *А. Аѳанасьевымъ*, вып. I, въ 12, вып. III, стр. 39.

[40] Сказаніе объ етомъ, находящееся во многихъ рукописныхъ сборникахъ XVI и XVII вѣковъ, не помѣщено въ печатныхъ Прологахъ и Минеяхъ.

[41] Котораго нашелъ Илья на Петровскомъ кружалѣ, можетъ статься, не на томъ ли, которое нѣкогда было на Москвѣ, тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Петровскій театръ?

ной Чулковымъ въ 1783 г. и, большею частью, заимствованной изъ Арабскихъ сказокъ: то мы, по изданію Гг. Сахарова и Аѳанасьева, излагаемъ содержаніе повѣсти о Владимировомъ героѣ, которая носитъ на себѣ осязательный отпечатокъ старины.

Въ то самое время, какъ Тугаринъ Змѣевичь, страшное чудище, летавшее на бумажныхъ крыльяхъ, угрожалъ стольному Кіеву истребленіемъ, явился на помощь Добрыня, ни думано, ни гадано; ѣхалъ онъ изъ Великаго Новгорода тридцать три дня и тридцать три ночи, «съ добра коня не слезаючи, дней и ночей не просыпаючи.» Онъ является къ Кіевскому Князю Владиміру и вызывается опровѣдать силу свою съ Тугариномъ Змѣевичемъ, не требуетъ отъ него ни злата, ни серебра, ни каменьевъ самоцвѣтныхъ, но одного слова ласковаго за свою службу вѣрную. Отвергнувъ предложеніе Кіевскаго воеводы взять ему себѣ тысячу богатырей на битву съ Тугариномъ, Добрыня вызывается идти противъ чудища одинъ на одинъ. Въ сопровожденіи своего слуги Торопа, Добрыня ѣдетъ въ заповѣданное поле, гдѣ сходится съ Тугариномъ. При встрѣчѣ съ Добрынею, Змѣевичь поднялся выше лѣсу стоячаго, взлетѣлъ на своихъ бумажныхъ крыльяхъ по поднебесью; взвился и конь подъ Добрынею выше лѣсу стоячаго до облака ходячаго. Нашъ богатырь рубилъ врага мечемъ, а Торопъ пустилъ калену стрѣлу въ бумажныя его крылья. Тугаринъ, подобно Симону волхву, покушавшемуся летать, [42] упалъ на сыру землю: тогда Добрыня отсѣкъ ему голову, и, воткнувъ ее на копье, привезъ въ Кіевъ. [43] За такой подвигъ Князь Владиміръ и Княгиня его Апраксѣевна послали Добрынѣ съ Кіевскимъ воеводою дары: золотъ перстень съ правой руки и ширинку шелковую золотошвейную; «то Добрынѣ было «у Князя почестное, похвальное пированье.» Съ той поры нашъ богатырь въ Кіевѣ три года стольничалъ, три года приворотничалъ и три года чашничалъ. Послѣ девятилѣтней службы, Добрынѣ захотѣлось погулять по городу Кіеву, по славнымъ, продольнымъ большимъ улицамъ, по частымъ мѣлкимъ переулочкамъ. На ето дано ему соизволеніе отъ Князя, только запрещено ходить

---

[42] Ср. Histoire eccles. par I. L. Mosheim. I, à Maestricht. 1776, p. 146.

[43] Подвигъ етотъ въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ приписанъ современнику Добрыни, Алешѣ Поповичу.

въ узенькой Марининъ переулочекъ, гдѣ стоитъ теремъ еретички Маринки, которая извела девять молодцевъ и десятую душу красну дѣвицу. Пострѣлявши воробьевъ и голубей по улицамъ, онъ не утерпѣлъ и зашелъ къ Маринкѣ въ узкой переулочекъ; завидѣвъ тамъ на теремѣ двухъ сизыхъ голубей, онъ подумалъ, что они надъ нимъ насмѣхаются, и пустилъ въ нихъ калену стрѣлу; но промахнулся и попалъ въ окошко косящетое, прошибъ оконницу стекольчатую, избилъ приталину серебряную и зеркальцо стекольчатое. Въ ето самое время Маринка мылася и бѣлилася, въ цвѣтное платье наряжалася. За такую дерзость она разсердилась, выскочила на красное крылечко въ одной рубашкѣ, безъ юбки, въ однихъ чулочкахъ, безъ чоботовъ и начинаетъ осыпать Добрыню бранными словами и угрозами; но Добрыня надъ нею издѣвается. Вынявъ слѣды его, она приготовляетъ въ печкѣ муравленой зелье, съ наговорами, «чтобы сердце Добрынино разгоралось и кровь его кипѣла.» Чары подѣйствовали надъ Добрыней, онъ одурѣлъ, хлѣба не ѣлъ, ночь не спалъ, и едва дождавшись разсвѣта, пошелъ къ Маринкѣ на широкій дворъ послушать рѣчи крупныя у терема еретички; она надъ нимъ насмѣхалась съ красными дѣвицами и молодушками. Въ досадѣ онъ вбѣгаетъ на красное крылечко и, не смотря на ругательства и угрозы Маринки, бревномъ выбиваетъ двери желѣзныя и входитъ въ сѣни косящетыя. Въ ето самое время бросается на него Змѣище Горынчище и чуть было его огнемъ не спалилъ и хоботомъ (хвостомъ) не ушибъ; отъ грознаго взмаха его меча убѣжалъ Горынчище, какъ ни упрашивала его воротиться Марина. Она кинулась на Добрыню; съ заклинаньемъ великимъ, схвативъ его за руки, бросала его отъ полу до печи и отъ стѣны до большаго угла, и обративъ его въ гнѣдаго тура съ золотыми рогами, пустила его гулять по чисту полю съ девятью турами и красною дѣвицей. Никто не зналъ въ Кіевѣ, куда дѣвался Добрыня Никитичь; родная его мать Арины Ивановна, оплакивавшая смерть своего милаго дѣтища, справляетъ честныя девятины; ставитъ канунъ каликамъ перехожимъ, одѣляетъ ихъ златомъ и серебромъ; одинъ изъ нихъ говоритъ ей, что дѣтище ея живо. На сорочины великіе она сзываетъ честныхъ вдовъ и въ томъ числѣ крестную мать Добрыни Настасью Ивановну и нищихъ перехожихъ, сама же голосила и причитала про все житье молодецкое, про всю удаль Добрынину. Вдругъ явилась незваная Маринка и сѣла за столъ. Когда на пиру пошла похвальба, тогда крестная мать Добрыни сказала: «Завелось у насъ въ

«Кіевѣ неслыханное, невиданное,» а молвивши, сама на Маринку поглядывала.» Осерчавъ Марина, похвалялась, что она хитрѣе всѣхъ въ Кіевѣ, «что со полуночи задумаетъ, то къ бѣлу свѣту состряпа«етъ и что она обернула въ гнѣдыхъ туровъ девять молодцевъ, силь«ныхъ, могучихъ богатырей, десятаго Добрыню Никитича.» Крестная его мать за ето слово схватилася, не утерпѣла, подошла къ Маринѣ и съ упрекомъ ударила ее по щекѣ, сбила съ ногъ, топтала ее по бѣлымъ грудямъ. Марина, перекинувшись на красное крыльце, обернулась ласточкой, полетѣла въ чисто поле и сѣла Добрынѣ на правый рогъ. Получивъ отъ него клятвенное обѣщаніе жениться на ней, она обернула его добрымъ молодцемъ, а сама превратилась въ красную дѣвицу. Послѣ етого сталъ Добрыня Марину учить: «Первое ученье далъ, руки отсѣкъ. А рублючи, самъ при«говаривалъ: та-то рука мнѣ не надобна, трепала она змѣя Горын«чища. Второе ученье далъ, ноги прочь отсѣкъ. А рублючи, самъ «приговаривалъ: тѣ ноги мнѣ не надобны, соплеталися ноги со «змѣемъ Горынчищемъ. Третье ученье далъ, рубилъ губы прочь. «А рубячи, самъ приговаривалъ: тѣ то губы мнѣ не надобны, цѣ«ловали онѣ змѣя Горинчища. Четвертое ученье далъ, голову прочь «отсѣкъ. А рубичи, самъ приговаривалъ: та голова мнѣ не надобна: «знала голова дѣла̀ еретическія.» Наконецъ Добрыня женился на дочери торговаго гостя Микула Микитича Анастасіи; на свадьбѣ у него были дружкою Илья Муромецъ, тысяцкимъ Князь Владиміръ, свахою Княгиня Апраксѣевна, а въ поѣзжанахъ всѣ Князья и бояре Кіевскіе. «Принявши законъ, т. е. вступивъ въ супружество, «Добрыня жилъ припѣваючи, а живши, состарѣлся и преставился.» Таковъ исходъ богатырской жизни Добрыни въ сказкѣ, которая сближаетъ въ себѣ быль съ вымысломъ, переноситъ насъ изъ древняго времени въ позднѣйшее, изъ одного мѣста въ другое, отъ однихъ лицъ къ другимъ! Если взять во вниманіе внѣшнее сходство именъ и дѣйствій, то подъ Кіевскимъ Добрынею Никитичемъ не разумѣется ли Філаретъ Никитичъ? потому что самое слово Добрыня равнознаменательно Філарету, любителю доблести отъ φιλέω, люблю и ἀρετὴ, доблесть, добродѣтель. Еретичка Маринка, обратившаяся, послѣ данной ей пощечины, въ ласточку, не есть ли Маринка Сендомирская, жена разныхъ Самозванцевъ, которая, по сказанію народному, превратилась въ сорòку, проклятую святителемъ Алексіемъ Митрополітомъ? Съ тѣхъ поръ де сорòки перевелись на

Москвѣ. Въ змiѣ Горынчищѣ по етому нельзя не видѣть изображенiя Самозванца, а въ крестной матери Добрыни — подобiя православной Церкви, ратующей противъ ересей и нечестiя.

Къ Русскимъ богатырскимъ складкамъ отнести можно и повѣсти объ удалыхъ людяхъ, представителяхъ Русской силы и отваги; между собою они соединяются въ удалыя поленицы, въ братства, кладутъ промежъ себя слово крѣпкое: «быть одинъ за единъ, пить изъ «одной чары, носить цвѣтно платье съ одного плеча.» Таковы: Васька Буслай, Ѳомка Ременниковъ, Потанюшка Иванъ гостиный сынъ. Акундинъ, Соловей сынъ гостиной Ивановичь, дворянинъ Заолѣшанинъ богатырь. Съ дружиною своей Буслаевъ, мотъ и пьяница, но почтительный сынъ къ матери своей, побиваетъ мужиковъ Новгородскихъ, которые ему покоряются и подносятъ матери его Амалѳеѣ Тимоѳеевнѣ дорогiе подарочки. Повѣсти объ етихъ удальцахъ не вошли въ лубочную иллюстрацiю, такъ какъ сказанiе о *богатырѣ Урусланѣ Залазоровичѣ*. См. 4 кн. Лѣтописей Русск. Литер. 1859 г.

Начало сказки *о Иванѣ богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ*, сходно съ повѣстью объ Ильѣ Муромцѣ; онъ также былъ сиднемъ до 33 лѣтъ и также обязанъ нищему силою своей; потомъ испросивъ благословенiе у отца и матери, отправился странствовать и пришелъ въ Китайское царство, гдѣ добылъ себѣ заключеннаго подъ землею добраго коня со всею сбруей и доспѣхами богатырскими; чудный конь етотъ, говорившiй человѣческимъ голосомъ, ждалъ Ивана 33 года въ своемъ заклепѣ. Освободивъ царя Китайскаго отъ шума и крика, который его тревожилъ, онъ прикидывается незнайкою, надѣваетъ себѣ на голову пузырь. Въ него влюбляется царская дочь и выходитъ за него за мужъ; при дворѣ Иванъ слыветъ простачкомъ, надъ которымъ смѣются его свояченицы. Внезапно напалъ на Китайское государство Полканъ съ многочисленнымъ войскомъ и требуетъ себѣ царскую дочь, жену Иванову, угрожая, въ случаѣ отказа, войною. Съ помощiю чуднаго своего коня, преобразившись въ богатыря, Иванъ троекратно побѣждаетъ войско и наконецъ убиваетъ Полкана. Когда жена его открыла, что мужъ ея спасъ Китайское государство отъ Полкана, тогда царь отдалъ побѣдителю свой престолъ, и крестьянскiй сынъ «началъ управлять Китаемъ, сталъ «жить со своею супругой весьма любовно и мирно, и кончали вѣкъ «свой благополучно.»

III. Житейскія сказки.

Содержаніе ихъ взято изъ городскаго и деревенскаго быта; въ нихъ обнаруживаются нравственныя отношенія одного сословія къ другому, повѣрья, нравы и обычаи, противоположность качествъ и положеній одного и другаго лица, по большей части, перевѣсъ слабаго и бѣднаго надъ сильнымъ и богатымъ, смиреннаго надъ гордымъ, незнатнаго надъ знатнымъ, дурака надъ умниками. См. выше, стр. 89. Дѣйствующія въ нихъ лица: хозяинъ и работникъ, купецъ и прикащикъ, смирный мужъ и драчливая жена, баринъ и крестьянинъ, правда и кривда, двое умныхъ братьевъ и третій дуракъ, который является подъ именами Ивана, Емели, или Емельяна и Фили, даже Простофили. Такъ и въ Бѣлорусскихъ и Польскихъ сказкахъ мужикъ обманываетъ пана, дуракъ торжествуетъ надъ умными, правда споритъ съ кривдою, которая наконецъ ей уступаетъ. Немногія изъ Русскихъ житейскихъ сказокъ вошли въ лубочную иллюстрацію; большая ихъ часть еще таится въ рукописяхъ, или передается изустно.

Нѣкоторыя изъ нихъ обнаруживаютъ признаки глубокой древности, заслоненной позднѣйшими прибавленіями, переиначиваніями; такова сказка о *Кіевскомъ купцѣ Дмитріѣ Босаргѣ*, по списку XVII в. [44] Въ ней описывается мучитель Сміянъ гордый, владѣлецъ какой-то приморской страны, гибельной для всѣхъ плавателей, которые тамъ искали себѣ убѣжища отъ бурь и не умѣли отгадать царскихъ загадокъ: имъ надлежало отвергнуться отъ Хріста. Сынъ Басарги Борзомыслъ, вдохновенный небесною мудростію, какъ новый Едипъ, рѣшаетъ всѣ хитрыя загадки Сміяна; потомъ, отрубивъ ему голову предъ народомъ, садится на царскій престолъ, проповѣдуетъ вѣру Хрістову, привлекаетъ къ себѣ народъ, остается у него царемъ и женится на Сміяновой дочери.» Выписываемъ начало этой повѣсти, разсказанной довольно складно: «Бысть нѣкій купецъ богатъ въ Рус«тѣй земли, во градѣ Кіевѣ, именемъ зовемый Дмитрей Басарга, «тако нарицаемъ. Сей купецъ много намъ повѣдаша приключившую«ся надъ нимъ бѣду, глаголя, яко бысть мнѣ нѣкогда отплыти въ «корабли отъ славнаго Царяграда; пловящу же ми по морю, бѣ бо

---

[44] *Карамз.* И. Г. Р. VII, пр. 411.

«единъ купецъ, рабовъ же моихъ и наймитовъ въ корабли 150: «бѣ бо у меня со мною сынъ мой единочадый, семи лѣтъ суще возрастомъ; а товару же много множество. Пловящу же ми по морю, «возста буря и вѣтръ великъ и волненіе, носяще корабль на волнахъ; быша буря 30 дней. Божіимъ же изволеніемъ узрѣхомъ из«далеча градъ великъ» ипр. Загадки Сміяновы не весьма замысловаты. Приведемъ ихъ: 1) Много ли того, мало ли отъ Востока и до Запада? Отвѣтъ сына Басаргина: отъ Востока и до Западу ни много, ни мало, день съ ночью. 2) Что есть: днемъ десятая часть «по міру прибываетъ? Отвѣтъ: десятая часть по міру днемъ убы«ваетъ отъ моря изо всего, и изъ рѣкъ и озеръ, на всякъ день «солнцемъ усыхаетъ, а десятая часть прибываетъ нощію изо дна «моря. 3) «Что есть то, чтобъ тобѣ поганой не смѣялся?» Сынъ Басаргинъ, выпросивъ у Сміяна корону, скипетръ, порфиру и мечь булатный, отсѣкаетъ ему голову съ такими словами: «се азъ отго«нулъ загадку твою, чтобы ты, поганой, не смѣялся.»

Къ стариннымъ Русскимъ сказкамъ принадлежатъ также не перешедшія на лубочныя картинки: 1) чудесная *повѣсть о посадникѣ Щилѣ*, или *Шилѣ*, [45] 2) *о Саввѣ Грудцынѣ*, 3) *о Горѣ злосчастіи*, 4) *о корыстолюбцѣ* и наконецъ 5) *Исторія о Россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ* «зѣло «ко удивленію достойна и полезна къ слушанію, 1680 «года на свѣтъ произведена. [46] Коснемся здѣсь ея содержанія: Новгородскій бѣдный дворянинъ, стряпчій, на вечеринкѣ о святкахъ, переодѣтый въ дѣвичье платье, влюбился въ дочь стольника Ордына Нащокина и, при помощи няньки ея, такъ съ нею сблизился, что наконецъ ее увезъ и тайно обвѣнчался съ нею безъ благословенія знатныхъ ея родителей. Отецъ и мать были етимъ весьма огорчены и раздражены, наконецъ, смягченные ходатайствомъ стольника Ловчикова, покровителя Скобѣеву, и повинностію новобрачныхъ, прощаютъ ихъ и надѣляютъ имѣніемъ. Повѣсть ета напечатана была въ Москвитянинѣ, 1853, 13 — 16, подъ заглавіемъ: Исторія о Россійскомъ дворянинѣ Флорѣ Скобѣевѣ и стольничей

---

[45] Рукопись XVII в. въ библіотекѣ Графа Ѳ. Толстаго, отд. 1, № 107, содержащая въ себѣ Сѵнодикъ, въ коемъ помѣщена и сія повѣсть. Повѣсть, или вѣрнѣе четья объ *Устюжанинѣ Саввѣ Грудцынѣ*, напечатана въ 4 к. Лѣтописей Русской Литературы и Древности. М. 1859 г.

[46] Списокъ етой сказки, рукоп. XVIII в. въ 4, № 923, въ библіотекѣ Г. Ундольскаго.

дочери Ордина-Нащокина Аннушкѣ и въ Похожденіяхъ Ивана Гостинаго сына, соч. И. Новикова, 2 ч. Спб. 1785 и 86 г., гдѣ Флоръ Скобѣевъ названъ Силуяномъ Сальниковымъ.

Извѣстны намъ еще слѣдующія сказки етого отдѣла:

1. *Сказка объ Емелѣ дуракѣ*, въ 4, на 16 стр. Объ ней мы выше упомянули.

2. *Смирной мужъ и драчливая жена*, въ 4, на 8 стр. Полуночный Вѣтеръ, развѣявшій у него смолотую на мельницѣ муку, за которую прибила его жена, далъ ему въ замѣнъ коробочку, доставлявшую деньги и всякіе съѣстные запасы; но мужики одного барина, которыхъ онъ радушно угостилъ, коварно подмѣнили услужливую коробочку. Жена опять взъѣлась на бѣдняка и послала къ полуденному Вѣтру, а дворянина совѣтовала ему «вызвать на поединокъ» и требовать у него возвращенія коробочки. Добрый Вѣтеръ сжалился надъ смирнымъ мужемъ и далъ ему бочку, изъ коей онъ могъ, въ случаѣ надобности, вызывать для расправы пять молодцевъ. Они хорошенько проучили злую жену и заставили барина возвратить коробочку мужику. Съ тѣхъ поръ «мужикъ сталъ жить съ своею женою въ великомъ удовольствіи и тишинѣ.»

3. *Сказка о хозяинѣ и работникѣ* изображаетъ намъ довѣрчивость и простоту перваго, хитрыя уловки и обманы послѣдняго. Тетрадка въ 4, на 8 стр.

4. *Сказка о ворѣ и бурой коровѣ*, лубоч. печати на листѣ, въ 9 мѣстечкахъ. Въ ней разсказывается объ оплошности крестьянина и о хитрости вора, съ какою онъ укралъ у него любимую корову. Сказка заключается старою пословицей: «Чего не досмотришь, то «карманомъ доплотишь.»

5. *Сказка объ уткѣ съ золотыми яичками*; лубочной печати въ 4, на 8 стр. Дѣйствующія лица въ ней: изъ міра дѣйствительнаго и миѳическаго: старикъ Обросимъ, жена его Ѳетинья и сынъ Иванъ, жившіе въ великой бѣдности. Кручина отнялъ у Обросима послѣднюю краюху хлѣба, которую бѣднякъ хотѣлъ раздѣлить съ женою и сыномъ; но сжалившись надъ нимъ, Кручина далъ ему утку, которая несла золотыя яица. Обросимъ разбогатѣлъ, а жена его слюбилась съ прикащикомъ, который выманивалъ у ней деньги и отъ нее узналъ объ источникѣ ихъ богатства—объ уточкѣ; подъ крылышками утки онъ нашелъ надпись золотыми буквами: «если кто ту уточку съѣстъ, тотъ царемъ будетъ.»

Ослѣпленный честолюбіемъ прикащикъ упросилъ Ѳетинью, чтобы зарѣзала и изжарила ему утку. Во время отлучки прикащика, приходитъ Обросимовъ сынъ Иванъ; проголодавшись, онъ искалъ чего нибудь себѣ поѣсть и нашедши печи изжаренную утку, вынулъ ее и съѣлъ; вскорѣ потомъ пришелъ за нею и прикащикъ съ Ѳетиньею: но не нашли жаренаго въ печи; за тѣмъ явился хозяинъ. На спросъ его: куда дѣвалась утка? жена отозвалась незнаніемъ; но сынъ признался, что съѣлъ утку. Разсерженный Обросимъ прибилъ жену и выгналъ сына изъ дому. Изгнанникъ изъ отеческаго приюта пошелъ, куда глаза глядятъ, и черезъ 10 дней и 10 ночей, наконецъ достигъ нѣкоего государства; у городскихъ воротъ увидѣлъ великое сборище народа, который, по смерти своего царя, придумалъ того избрать на его мѣсто, кто первый войдетъ къ нимъ въ городскія ворота. Лишъ только появился тамъ Иванъ, какъ весь народъ закричалъ: «вотъ идетъ нашъ царь!» и схвативъ подъ руки изумленнаго пришельца, повели въ царскіе чертоги, облекли его въ царскую одежду и посадивъ на царскій престолъ, стали всѣ ему кланяться, какъ истинному своему повелителю. Сперва Иванъ подумалъ, что все ето ему во снѣ грезится: но когда убѣдился, что ето происходитъ на яву, то вступилъ на царство и началъ управлять народомъ. Первымъ его дѣломъ было послать въ свое отечество за отцемъ и матерью; за ними онъ отправилъ *добраго Кавалера Лугу*, который и привезъ ихъ къ нему. «Государь мой ба«тюшка, сказалъ добрый сынъ отцу, ты меня выгналъ изъ дому «своего, я за то принимаю тебя къ себѣ; живите оба съ матушкою у «меня до конца своей жизни!» Обрадованный Обросимъ и Ѳетинья «жили у сына много лѣтъ: а послѣ померли. Великодушный Иванъ «сидѣлъ на престолѣ 30 лѣтъ въ добромъ здоровьѣ и благополучіи. «Всѣ подданные его любили нелицемѣрно до послѣдняго часа его «жизни.» Въ етой сказкѣ очевидно смѣшеніе отечественнаго съ заимственнымъ, миѳическаго съ житейскимъ. Извѣстная въ простомъ народѣ поговорка *Ѳетинья Роговна* не относится ли къ невѣрности Ѳетиньи, приставившей рога своему мужу? А что важнѣе всего, сходство етого сказанія съ Московскимъ преданіемъ. Когда то случилось Москвѣ быть безъ царя; народное вѣче присудило избрать того, при входѣ котораго въ Спасскія ворота, сама засвѣтится свѣча у надворотнаго образа. Наконецъ одинъ въѣхалъ первый въ ворота и нареченъ царемъ.

Осязательное сходство нѣкоторыхъ Русскихъ сказокъ съ Восточными и Западными могло быть случайнымъ, или происходитъ отъ заимствованія. Но сходствомъ не всегда доказывается сродство. У разныхъ народовъ многія сказки, подобно пословицамъ и миѳамъ, не рѣдко до того представляютъ одинакое содержаніе, до того однѣ на другихъ похожи, что невольно раждается мысль объ общемъ ихъ происхожденіи во времена доисторическія. Въ полуизглаженныхъ чертахъ проглядываетъ доисторическій бытъ народовъ и слѣды изконныхъ преданій.

Но не менѣе того, въ другихъ нашихъ сказкахъ очевидно заимствованіе. Наши паломники, калики перехожіе, бывалые люди и выходцы къ намъ переносили сказанія Востока и Запада, кои потомъ записывались грамотѣями. Въ Монгольскихъ сказкахъ Г. Бергманъ находитъ разительное сходство съ Русскими. [47] Черезъ Польшу перешло къ намъ нѣсколько повѣстей Западнаго происхожденія, переложенныхъ на Русскій языкъ въ XVII в., по большей части, толмачами, также переводчиками Посольскаго приказа. Такіе переводы переписывались и даже переиначивались грамотѣями, доставляли Царскому двору занимательное, забавное чтеніе въ часы досуга и отдыха; въ послѣдствіи списки распространялись въ народѣ; нѣкоторые изъ нихъ вошли въ лубочную иллюстрацію. Въ вольномъ переводѣ черты иноземной жизни замѣнялись чертами отечественной, такъ что въ заимствованныхъ сказкахъ замѣтно усиліе поддѣлаться подъ Русскій ладъ, особливо тамъ, гдѣ обнаруживалось сродство иностранной жизни съ нашею народною и съ мотивами національной поезіи.

По нѣкоторому сходству витязей Востока и рыцарей Запада съ Русскими богатырями, первые освоивались Русскому міру, хотя цѣль подвиговъ разнилась у тѣхъ и другихъ; потому что одни предпринимали свои странствованія болѣе для похищенія красавицъ, жаръ-птицы, золотогриваго коня и золотыхъ молодильныхъ яблокъ; Русскіе жъ богатыри истребляли чудовища и разбойниковъ, освобождали города отъ враговъ, грозившихъ огнемъ, мечемъ и плѣномъ. Кромѣ нѣкоторыхъ, въ тѣхъ и другихъ сказкахъ, по большей части, настоящія имена царей, царствъ и городовъ замѣнялись вымышленными; обыкновенно онѣ такъ начинались: «въ нѣкоемъ

[47] *B. F. Bergmann* Nomadische Streifferei unter den Kalmuken. Riga. 1803, 4 B. in 4.

«царствѣ, въ нѣкоемъ государствѣ; въ нѣкоторыхъ палестинахъ, «въ нѣкоей деревнѣ» и т. д. Царямъ давались выдуманныя имена Агея, Архидея, Дадона, Далмата, Хотея и т. д; супруга В. К. Владиміра названа Апраксѣей.

Не менѣе того, какъ иноземнымъ витязямъ присвоивались чудесные подвиги и превращенія отечественныхъ богатырей, такъ и послѣднимъ свойства и принадлежности первыхъ. Одни, подобно другимъ, находятъ въ подземныхъ заклепахъ дивнаго коня, въ странствованіи своемъ наѣзжаютъ на роковый перекрестокъ, гдѣ приходится имъ выбирать одинъ изъ трехъ путей: услужливый воронъ также приноситъ имъ живой и мертвой воды; крылатый волкъ съ быстротою птицы переноситъ ихъ въ дальнія страны, и т. д. Въ описаніи боеваго коня одни и тѣже приемы. Такимъ образомъ древніе епическіе мотивы отечественныхъ сказокъ, какъ бы общія мѣста, вводимые въ заимственныя сказки, давали послѣднимъ Русскую окраску; не смотря на ето, коренная ихъ основа отличалась отъ Русскихъ поддѣлокъ и прикрасъ.

«Такъ было у насъ въ XVII вѣкѣ,» замѣчаетъ г. Пыпинъ, когда появились (на Москвѣ) лубочныя картинки и когда онѣ получили нѣкоторое право гражданства въ отечественной литературѣ.»

Въ лубочную иллюстрацію хотя и не вошли еще сохранившіяся въ рукописяхъ нѣкоторыя древнія сказки восточнаго и западнаго происхожденія; но для связи коснемся етихъ произведеній фантазіи. Въ Псковской лѣтописи Карамзинъ открылъ Арабскую сказку изъ Тысячи одной ночи о *Синаргипѣ, Царѣ Адоровѣ и радцѣ его Акирѣ*, переведенную на Русской, по мнѣнію Исторіографа, въ XIII, или XIV вѣкѣ. [48] Она вошла въ составъ Пушкинскаго сборника вмѣстѣ съ Игоревою пѣснію подъ заглавіемъ: *Синагрипъ Царь Адоровъ, Иналивскія земли.* [49] Переписщики наши *Тора* обратили въ Адора, изъ *Ниневійскаго* сдѣлали Иналивскаго и Алавійскаго. О радцѣ (совѣтникѣ) Синагрипа особенная повѣсть помѣщена въ разныхъ спискахъ

---

[48] *Карам.* И. Г. Р. III, пр. 272.

[49] Записки и Труды Общества И. и Др. Росс. ч. II, М. 1824, стр. 37. Въ сборникѣ рукоп., въ 4, XVII вѣка, помѣщено: Сказаніе о Акирѣ премудромъ і о премудрости его и о царствѣ царя Синографа земли Алевитской и Аниторской. Въ библіотекѣ г. Ундольскаго, № 643.

подъ заглавіемъ: *объ Акирѣ премудромъ*. [50] Извѣстная сказка лубочной печати о *Жаръ-птицѣ и Иванѣ Царевичѣ* носитъ на себѣ отпечатокъ Востока, такъ какъ и неоднократно изданная исторія *о славномъ и сильномъ витязѣ Еруланѣ Лазаревичѣ и его храбрости и невообразимой красотѣ Царевны Анастасіи Вахрамѣевны*.

Сказка о Жаръ-птицѣ неоднократно выпускалась въ свѣтъ изъ лубочныхъ печатницъ, обыкновенно въ 4. Сообщимъ здѣсь въ краткихъ чертахъ ея содержаніе. [51] На первомъ планѣ въ ней является Иванъ Царевичь, который напоминаетъ намъ созвучное съ нимъ имя одного изъ витязей Артурова круглаго стола, Ivain. [52] Имя Иванъ самое употребительное въ народѣ. Въ Болгаріи донынѣ всѣхъ Русскихъ называютъ *Иванами*, а Греки, тамъ живущіе, всю Россію *Ивановщиной*. [53] Ежели Илья Муромецъ олицетворяетъ идею Русской земли: Иванъ Царевичь есть представитель ея древнихъ поселенцевъ, родиной Ивану вся Россія. По преимуществу, нося названіе сильнаго Русскаго богатыря, онъ входитъ въ составъ многихъ сказокъ, кои Б. Шеппингъ называетъ *Ивановскими*, между прочимъ и складку о Жаръ-птицѣ. Царь Всеславъ Андроновичь, къ которому повадилась Жаръ-птица летать ночью въ садъ и срывать съ любимой его яблони золотыя яблочки, послалъ за нею трехъ сыновей своихъ. Младшему брату Ивану встрѣтился роковый указатель трехъ путей; онъ избралъ тотъ, на коемъ суждено пожертвовать конемъ. Самый же волкъ, зарѣзавшій его коня, привезъ Царевича въ то царство, гдѣ среди царскаго сада сидѣла въ золотой клѣткѣ Жаръ-птица. Лишь только взялъ онъ себѣ ето нѣщечко, какъ стукъ и громъ возвѣстили Царю Далмату о дерзкомъ похитителѣ, тотчасъ Царевича схватили и привели къ Далмату, который съ тѣмъ простилъ Царевича, чтобы онъ съѣздилъ за тридевять земель въ тридесятое государство и досталъ ему златогриваго коня отъ Царя Аѳрона, обѣщаясь отдать за ето Жаръ-птицу. Опять услужливый волкъ примчалъ Ивана Царевича въ царство Аѳрона.

---

[50] Московскій Телеграфъ *Н. Полеваго*, 1825 г. № 11.

[51] См. Иванъ Царевичь, Русскій народный богатырь. Ст. *Барона Шеппинга* въ Москвитянинѣ 1852 г. XXI, 15 — 38.

[52] *Villemarque* Contes populaires des anciens Bretons. Paris. 1842, in 8.

[53] *Априлова* Денница Новоболгарскаго образованія, ч. I, Одесса. 1841 г. 130.

у котораго былъ златогривый конь; но юноша не послушался своего вѣрнаго слуги, взялъ и золотую уздечку, отъ коей проведены были струны по всѣмъ конюшнямъ; шумъ и громъ возвѣстилъ о похищеніи. Конюшенные караульные, схвативъ хищника, привели къ Аѳрону Царь, узнавъ объ его имени и званіи, упрекнулъ его за безчестный поступокъ; но обѣщалъ его простить и даже отдать ему златогриваго коня, если Царевичь съѣздитъ за тридевять земель въ тридесятое государство и привезетъ ему прекрасную Королевну Елену. Опять Иванъ прибѣгъ съ просьбою къ своему вѣрному слугѣ, который, съ быстротою птицы, привезъ его къ золотой рѣшеткѣ великолѣпнаго сада, гдѣ любила гулять красавица Елена. Волкъ велѣлъ Царевичу ждать себя въ чистомъ полѣ у зеленаго дуба. Лишь только она подошла къ тому мѣсту, гдѣ за рѣшеткой сидѣлъ волкъ, какъ онъ, перескочивъ черезъ ету ограду, схватилъ Королевну и привезъ ее къ Ивану Царевичу; посадивъ обоихъ себѣ на спину, примчалъ ихъ въ царство Афроново. Должно было Ивану представить ее Царю; но онъ самъ ее полюбилъ, а она его. Закручинился юноша, но и тутъ помогъ ему великодушный волкъ: онъ превратился въ прекрасную Королевну и въ такомъ видѣ явился къ Царю, а Царевичь за услугу свою получилъ отъ него златогриваго коня, Царевнѣ велѣлъ себя дожидаться за городомъ и самъ отправился въ путь на золотогривомъ конѣ. Чрезъ нѣсколько времени, любимая Царевна выпросилась у Царя погулять въ чистомъ полѣ, гдѣ волкъ, опять принявъ прежній видъ, соединился съ Царевичемъ и Царевною. Не доѣзжая трехъ верстъ до царства Далматова, волкъ превратился въ златогриваго коня и приведенъ былъ къ Царю, а Иванъ Царевичь остался за городомъ съ Царевной и златогривымъ конемъ на зеленомъ лугу. Представивъ Долмату обратившагося въ коня волка, онъ обрадовалъ его и получивъ отъ него Жаръ птицу, отправился съ нею и Королевичь въ свое царство, гдѣ и сочетался съ Еленою.

Византійскій типъ носитъ на себѣ повѣсть о *Дракулѣ Мутьянскомъ воеводѣ*, у котораго всякая вина была виновата; по предположенію Карамзина, она переведена съ Греческаго на Русскій. [54] О Дракулѣ, Румунскомъ воеводѣ, упоминаетъ въ XV вѣкѣ Византійскій историкъ Іоаннъ Дукасъ. Г. Востоковъ приписываетъ ету сказку дьяку Кури-

---

[54] *Карам.* И. Г. Р. VII, стр. 411.

цыну, [55] посыланному отъ В. К. Іоанна III, 1483 т. къ Королю Матѳею для утвержденія мирнаго договора; вѣроятнѣе, онъ былъ переводчикъ, или списатель етой повѣсти, тогда гласной въ той странѣ.

Отъ сношеній великой Россіи, черезъ посредство Бѣлоруссіи, съ югозападными Славянами, перешли къ намъ нѣкоторыя Болгарскія, Чешскія и Сербскія сказки. Въ Русскихъ сборникахъ XVII вѣка попадаются *байки*, переведенныя на отечественный нашъ языкъ. Таковы: 1) *повѣсть великаго Царя, премудраго Соломона, сына Царя Давида*, 2) *повѣсть умилительная о Брунцвигѣ, Королевичѣ Сербскія земли, и о его великомъ разумѣ и храбрости, како онъ ходилъ въ поморскихъ отоцѣхъ (островахъ), и како храбростію своею выслужилъ себѣ звѣря льва и примирилъ себѣ, и како побѣдилъ страшнаго дракона, змія василиска*; 3) *Повѣсть о Василіи Королевичѣ златовласомъ Чешскія земли*; 4) *повѣсть о Цесарѣ Елеозарѣ, сынѣ его и семи мудрецахъ*; 5) *объ Атилѣ Королѣ Угорскомъ*; 6) *о Царѣ Троянѣ Сербская сказка*; [56] 7) *повѣсть о Царевнѣ Иверской Динарѣ*; 8) *сказка о нѣкоемъ молодцѣ, конѣ и саблѣ*. О Болгарскихъ басняхъ мы сказали выше, см. стр. 51. Въ числѣ Сербскихъ сказокъ находится и Бова Королевичь, который и въ Русскихъ занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Сказка ета изъ числа Италіянскихъ, передѣланныхъ на Русскій ладъ. Она заимствована изъ поемы XIV вѣка: Buovo d' Antone. По мнѣнію же Г. Хомякова, витязь етотъ изъ цикла пѣсенъ о Карлѣ Великомъ перешелъ въ Италію изъ Англіи, своей родины, Антонъ не Анкона, но Гамптонъ. Англосаксонскій Бевисъ (Бова) былъ сперва соперникомъ, потомъ другомъ исполину Лукоперу, который долженъ быть Аскапердъ. [57] Чтожь касается до сказки *Петръ золотые ключи*, то она есть отрывокъ изъ исторіи о Петрѣ Прованскомъ, о которомъ Сервантесъ говоритъ въ Донъ Кихотѣ. Въ Мадритскомъ Арсеналѣ показываютъ тотъ золотой ключь, коимъ Петръ Прованскій заводилъ своего деревяннаго коня. Имя етого витязя извѣстно на Руси не только по сказкѣ, но и по урочищу въ Саратовской Губерніи: *Петръ золотые ключи*. Въ Нѣмецкихъ сказкахъ онъ называется *Петромъ серебряные ключи* (Peter mit

---

[55] Описаніе Русскихъ и Славянскихъ рукописей Румянцовскаго Музея. Спб. 1842 г., стр. 512.

[56] Москвитянинъ 1842, г. XI, 203 — 205.

[57] Молва, 1857, г. № 17.

den silbernen Schlüsseln), сыномъ графа провинціи Ниремберіъ. [58] Тамъ же встрѣчается *золотая птица* (Goldvogel), сходная съ *жаръ птицей и живая и мертвая вода;* въ Нѣмец. разбойничихъ сказкахъ, первою разбойники оживляютъ своего товарища, отравленнаго вороном. [59] Русская сказка *о семи Симіонахъ, родныхъ братьяхъ,* сходна съ Нѣмецкою [60] и Италіянскою, съ тою только разницею, что въ Нѣмецкой не семь братьевъ, но четыре, а въ Италіянской пять сыновей у отца. Въ Русской: одной бездѣтной старухи, по неотступной молитвѣ, Богъ даровалъ семь сыновей, названныхъ Симеонами. Послѣ смерти родителей, Царь Адоръ, случайно встрѣтивъ ихъ въ полѣ за работою, взялъ къ себѣ во дворецъ, гдѣ спрашивалъ каждаго, къ чему онъ способенъ? Первый отвѣчалъ, что онъ кузнецъ и можетъ сковать столбъ до самаго неба; второй, что ежели его братъ скуетъ такой столпъ, то взойдетъ на самый верхъ, чтобы смотрѣть на всѣ государства и доносить Царю, что гдѣ дѣлается; третій, что ежели большой братъ скуетъ ему топоръ, то разомъ построитъ корабль; четвертый, что ежели братъ его построитъ корабль, то, при нападеніи неприятеля, проведетъ корабль черезъ подземное царство; пятый, что ежели братъ скуетъ ему ружье, то стрѣлять будетъ птицъ, хотя бы за сто верстъ; шестой, что ежели братъ подстрѣлитъ птицу на лету, то, не допустивъ ее до земли, подхватитъ и принесетъ къ Царю; наконецъ Адоръ спросилъ седьмаго, какое ремесло знаетъ? тотъ отвѣчалъ: «умѣю только хорошо воровать.» Въ Нѣмецкой же сказкѣ одинъ сынъ сдѣлался воромъ, другой звѣздочетомъ, третій мѣткимъ стрѣлкомъ, четвертый искуснимъ швецомъ. Узнавъ о похищеніи Царевны дракономъ, братья избавляютъ ее, а чудовище убиваютъ. Они спасли похищенную дракономъ Царевну. Въ Италіянской сказкѣ одинъ братъ воръ, другой корабельщикъ, третій стрѣлокъ, четвертый врачь, пятый знатокъ птичьяго языка. Услышавъ отъ одной птички о похищеніи Царской дочери великаномъ, корабельщикъ построилъ корабль, а воръ похитилъ у соннаго

---

[58] Historia von der schönen Magelona, eines Königs Tochter von Neapolis u. einem Ritter genannt Peter mit silbernen Schlüssela, eines Grafen Sohn von Prowinzen Nürnberg въ die teutschen Volksbücher, von J. Görres. Heidelb. 1817, in 12.

[59] Leipziger Literatur-Zeitung. 1832, № 117, § 933.

[60] Въ Нѣмецк. сказкахъ есть также нѣсколько сходная съ Русскою: Von den Sieben Schwaben, о семи Швабахъ.

великана Царевну, съ которой они поплыли. Чудовище погналось за ними въ видѣ чернаго облака; но стрѣлокъ выбилъ ему глаза, а врачь возвратилъ Царевнѣ жизнь чудесною травой.

Но обратимся къ судьбѣ семи Симеоновъ въ Русской сказкѣ. Царь хотѣлъ было казнить одного изъ — нихъ вора; но бояре отсовѣтывали, говоря, что воръ можетъ быть полезнымъ и достать ему въ супруги прекрасную Елену Царевну, которой Царь добивается десятый годъ, истративъ много казны и потерявъ много войска. Седьмой Семенъ вмѣстѣ съ братьями взялся за ето. Другой Симеонъ взлѣзъ на скованный старшимъ братомъ столпъ и оттуда увидѣлъ государство отца Елены прекрасной и ее самое, сидѣвшую подъ окошечкомъ; онъ разсказалъ Царю о дивной ея красотѣ, какъ «у ней изъ косточки въ косточку мозжечекъ переливается.» Восхищенный Царь отпустилъ въ дорогу семь братьевъ за Царевною, старшій третьему сковалъ ружье, а седьмой взялъ съ собою кошку. Послѣ продолжительнаго пути, наконецъ они пришли къ морю и нашедши на берегу превеликій дубъ, третій Симеонъ сдѣлалъ корабль, гдѣ очутились разные драгоцѣнные товары. Наконецъ они приплываютъ въ то государство, гдѣ пребывала Елена. Седьмой Симеонъ привелъ поводливую кошку къ самымъ окошкамъ Царевны; увидѣвъ невиданнаго ею въ ихъ царствѣ звѣрка, она послала нянюшекъ и мамушекъ спросить у пришельца: не продастъ ли онъ етого звѣрка. Хитрый Симеонъ отвѣчалъ, что не продаетъ его; но, если угодно Царевнѣ, подарить. Она представила купца своему отцу, который хотѣлъ его наградить за кошку; но етотъ Симеонъ отказался отъ награды и согласился только приходить ежедневно во дворецъ приучать кошку къ Царевнѣ. Между тѣмъ онъ успѣлъ заманить Царевну къ себѣ на корабль подъ предлогомъ показать ей драгоцѣнные рѣдкіе товары и узорочья, и въ то самое время, какъ она занималась разсматриваніемъ разныхъ диковинокъ, онъ велѣлъ братьямъ отрубить канатъ и пуститься на всѣхъ парусахъ въ море. Царевна, увидѣвъ, что корабль отчалилъ отъ береговъ, гдѣ ждали ее нянюшки и мамушки, ударила себя въ грудь и оборотясь лебедемъ, полетѣла; но пятый Сямсонъ съумѣлъ ее взять опять на корабль, гдѣ она стала опять дѣвицей. Царь послалъ за похитителями въ погоню цѣлый флотъ, который когда сталъ ихъ догонять, то пятый Симеонъ увелъ свой корабль въ подземное царство. Преслѣдователи ихъ, подумавъ, что корабль потонулъ, возвра-

тились къ Царю Саргу съ печальною вѣстью, а похитители благополучно доставили прекрасную Царевну ожидавшему ее Царю Адору, который отпустивъ ихъ на волю и наградивъ богатствомъ, женился на Еленѣ и жилъ съ нею многія лѣта. Тетрадка луб. печ. въ 4, на 9 стр.

Въ сказкѣ о Булатѣ молодцѣ очевидно смѣшеніе заимствованнаго съ отечественнымъ. Царь Ходоръ отдаетъ единственнаго сына своего Ивана разнымъ учителямъ учиться всякимъ рыцарскимъ наукамъ; потомъ сынъ выпросился у своего родителя въ иныя государства погулять, людей посмотрѣть и себя показать. Не нашедши по себѣ коня въ царскихъ конюшняхъ, онъ пошелъ съ тугимъ лукомъ и каленою стрѣлой въ чистое поле; тамъ увидѣвъ на воздухѣ лебедя, выстрѣлилъ въ него, не попалъ, только, къ сожалѣнію своему, потерялъ каленую стрѣлу. Изъ одной горы онъ услышалъ человѣческій голосъ, который звалъ его къ себѣ. Царевичь приблизился и увидѣлъ въ горѣ маленькое окошечко съ желѣзною рѣшеткой, за коей сидѣлъ Булатъ-молодецъ, славный разбойникъ, заключенный туда Царемъ Ходоромъ. Узникъ етотъ обѣщалъ найти добраго коня и возвратить калену стрѣлу, если только Царевичь освободитъ его. По указанію Булата, Царевичь отъискалъ добраго коня за 12 желѣзными дверями и за 12 замками и, получивъ отъ разбойника калену стрѣлу, освободилъ его. Освобожденный обѣщался являться ему на помощь, по первому его призыву, и распрощался съ нимъ. Послѣдній отправился въ путь съ своимъ дядькою въ иныя государства. На дорогѣ, въ жаркій день, Царевичу захотѣлось пить; послѣ долгаго исканія воды въ лѣсу, онъ съ дядькою нашелъ глубокій колодезь. По совѣту коварнаго пѣстуна, онъ опустился въ етотъ колодезь на веревкѣ, которую тотъ держалъ въ рукахъ; когда жъ Царевичь, напившись воды, велѣлъ вытащить себя, дядька сказалъ ему, что до тѣхъ поръ его не вытащитъ, пока не дастъ своей руки письма и клятву: быть его слугою; иначе грозилъ его утопить. Царевичь обѣщалъ ето и поклялся, тогда дядька его вытащилъ изъ колодца и надѣлъ платье своего господина, а самъ отдалъ ему свое, и въ такомъ видѣ пріѣхали въ царство Пантуя. Царь съ почетомъ принявъ и угостивъ мнимаго Царевича, спросилъ его: за чѣмъ онъ пожаловалъ въ его государство? Свататься на прекрасной дочери твоей, отвѣчалъ самозванецъ. Пантуй съ радостію принялъ ето предложеніе; а настоящаго Царевича, по желанію его дядьки, опредѣлили къ черной работѣ на кухню. Чрезъ нѣсколько дней, подступило

подъ царство Пантуево неприятельское войско. Тогда Царь обращается къ своему нареченному зятю съ просьбою, чтобы онъ прогналъ враговъ. Тотъ обѣщалъ исполнить его ночью; призвавъ Ивана Царевича, онъ его умоляетъ помочь ему. Великодушный Царевичь зоветъ къ себѣ Булата; тотъ является къ его услугамъ. Осѣдлавъ коней, они нападаютъ на неприятельскую рать; одинъ рубитъ ее съ праваго крыла, другой съ лѣваго, и побили въ одинъ часъ сто тысячь, такъ что неприятель насилу ушелъ съ малымъ числомъ войска. Черезъ двѣ недѣли, опять тотъ же король осадилъ городъ; опять, по просьбѣ своего дядьки, незлобивый Иванъ Царевичь съ Булатомъ рубили и прогнали враговъ вдвое сильнѣе прежнихъ. Царь Пантуй, увидѣвъ изъ своего терема, что все неприятельское войско побито, благодарилъ мнимаго Царевича; но, черезъ три недѣли, тотъ же враждебный Пантую царь снова напалъ съ многочисленнѣйшею ратью; опять Иванъ Царевичь съ Булатомъ ночью разбили неприятельское войско и опять коварный дядька присвоилъ себѣ славу побѣды, а Царевичь удалился въ свою кухню на работу. Нареченный тесть его въ благодарность за такіе подвиги назначилъ ему въ супруги дочь свою. Но Царевна слышала ночью изъ окошка, какъ мнимый Царевичь, ея женихъ, упрашивалъ настоящаго помочь ему. Въ то самое время, какъ первый сидѣлъ съ Царевною за столомъ, Иванъ Царевичь выпросился у повара посмотрѣть на жениха и невѣсту. Царевна замѣтивъ его въ толпѣ слугъ, встала изъ за стола и взявъ Ивана Царевича за руки, представила его отцу своему, какъ настоящаго своего жениха. Царь, узнавъ обманъ дядьки, велѣлъ разстрѣлять его на воротахъ за лживый поступокъ, а Царевичь, сочетавшись бракомъ съ прекрасною Церіей, отправился къ своему родителю, который уступилъ ему свой престолъ.

Въ Пушкинскомъ сборникѣ содержались сказки, переведенныя съ иностранныхъ языковъ: 1) «Аще думно есть слышати о свадьбѣ «Девгѣевѣ и о съхыщеніи Стратиговнѣ.» 2) «О Филипатѣ и Максимѣ «и о храбрости ихъ.» Къ сказкамъ, перешедшимъ къ намъ съ Запада, принадлежатъ еще слѣдующія, изданныя тетрадками въ 4, лубочной печати, съ означеніемъ на послѣдней страницѣ: *конецъ Русской сказки*:

1) О Заиграѣ королевичѣ,

2) О Петрѣ королевичѣ,

3) Объ Аполлонѣ, королѣ Тирскомъ и Тарсѣ королевнѣ.

4) О Царѣ Дадонѣ и о семи мудрецахъ.

5) О Принцѣ Лампадійскомъ Адольфѣ и объ островѣ вѣчнаго веселія.

6) Катерина Сотерина. Ето la sote reine Catherine, глупая королева Катерина.

7) О дурнѣ Шаринѣ. Ето la reine cherie, любимая королева.

8) Королевичь Трудъ. Ето le prince de souci, принцъ заботы. [61]

9) О купеческой женѣ и о прикащикѣ, или о бабьихъ уверткахъ, тетр. въ 4, на 7 стр. Дѣйствіе, какъ видно изъ самой сказки, происходитъ во Франціи. Хитрая и вѣроломная жена, вошедшая въ преступную связь съ прикащикомъ, проводитъ своего мужа и послѣ смерти его, выходитъ въ замужство за своего любовника. Она напоминаетъ намъ Русскую пословицу: »Бабьи семдесять двѣ увертки въ «день.» Вольный переводъ съ Французскаго.

10) О трехъ королевскихъ сестрахъ, въ 12. Въ Импер. публ. библіотекѣ.

В. Простонародныя притчи, побаски, сатиры и вообще балагурныя картинки, или каррикатуры.

Въ простонародныхъ пѣсняхъ находимъ рѣзкій и быстрый переходъ отъ унылаго и грустнаго къ веселому и разгульному; такую же противоположность представляютъ и лубочныя картины и такой же переходъ отъ строго-важнаго и назидательнаго къ забавному, шутливому и балагурному; въ нихъ одни образы и чувствованія попеременно смѣняются другими; смотря по обстоятельствамъ и по настроенію духа, первое у простолюдина легко уступаетъ мѣсто послѣднему. Въ разнообразномъ содержаніи лубочныхъ картинокъ отражаются видоизмѣненія жизни народной, гдѣ свѣтъ сливается съ тѣнью, какъ радость съ печалью. Въ общечеловѣческихъ чертахъ проглядываютъ черты національныя, типическія, выходящія изъ характера и духа народнаго, условливаемыя климатомъ, образомъ жизни и другими физическими и нравственными причинами. У разныхъ народовъ смѣшное и шутливое имѣютъ своеобразные оттѣнки. Русскій не

---

[61] Народныя сказки, изд. *Г. Сахарова.*

можетъ казаться важнымъ при самомъ смѣшномъ, какъ Агличанинъ, ни осмѣивать самое важное, какъ Французъ; ему сродны перелицевка и каламбуръ, какіе часто проявляются въ переиначиваніи иностранныхъ словъ на свой ладъ, или, какъ говорятъ, «на свой салтыкъ.» Малороссіянинъ отличается своимъ юморомъ, близко подходящимъ къ Англійскому; онъ печальному даетъ видъ забавнаго и на оборотъ. Въ шуткахъ рѣзко обозначается характеръ и остроуміе народа. У Русскаго шутка замысловата, болѣе добродушна и весела, но не ѣдка, не злобна; иногда и надъ самимъ собою и надъ своимъ горемъ смѣется онъ сквозь слезы. Его пословицы ясно выражаютъ, какое направленіе и значеніе даетъ онъ шуткѣ: «Шутка ведется «не ради вреда и не ради стыда; Шути, да осторожно, а то въ бѣду «попасть можно; Шути, да людьми не мути.»

При веселомъ настроеніи и свободѣ духа, Русскій народъ любитъ шутку и потѣху: ето его dulce laborum lenimen, сладостное облегченіе трудовъ. Предметомъ ея бываютъ странности, нелѣпости, глупости, какія попадаются ему на глаза и нá зубы; цѣлью ея или одна забава, или обличеніе, или осмѣяніе нелѣпостей въ образѣ мыслей и чувствованій, въ рѣчахъ и поступкахъ, въ обычаяхъ и модахъ. Одно прямо высказывается, на многое только намѣкается такъ, чтобы другой, какъ говорится, *моталъ себѣ на усъ и зарубилъ на носу*.

Въ лубочной словесности занимаетъ не послѣднее мѣсто *каррикатура*, ета *перелицевка*, также *притча*, *побаска* и *сатира*. Одна олицетворяетъ нелѣпое сочетаніе такихъ противоположностей, какія, по природѣ своей и по нашимъ понятіямъ, не могутъ быть соединены вмѣстѣ, напр: Носъ и Морозъ, Медвѣдь-Петиметръ, Рейтаръ верхомъ на пѣтухѣ, Старикъ съ кузовомъ дѣтей за плечами. Другая подъ личиною иносказанія обличаетъ глупость, караетъ порокъ. Подъ видомъ денежнаго дьявола она издѣвается надъ корыстолюбіемъ разныхъ сословій и званій, въ изображеніи трехъ пьяницъ представляетъ гибельныя слѣдствія пьянства, а въ лицѣ славнаго объѣдалы и потребителя птицъ осмѣиваетъ прожорство. Погребеніе кота мышами не намѣкаетъ ли на освобожденіе притѣсненныхъ отъ притѣснителя? Предметомъ простонародной сатиры сдѣлались нѣкогда господствовавшія въ Россіи моды — прихотливыя произведенія Запада. На лубочныхъ картинахъ XVIII вѣка увидите чопорные парики съ пуклями и косами у господъ, трехъярусныя прически и чепцы кораблемъ

у модныхъ барынь, наконецъ черныя мушки, налѣпленныя на лицѣ, на груди и даже на рукахъ; найдете изображеніе голландскаго лѣкаря, вызывающагося дѣлать старухъ молодыми. Такъ въ наше время кренолиновыя юбки дали поводъ къ сатирическимъ выходкамъ въ простонародныхъ картинкахъ.

Чтожъ касается до простонародной *притчи*, то она есть ничто иное, какъ распространенная пословица, или *побаска*, напр: о подьячемъ: «Змѣя умираетъ, а зелье хватаетъ,» или о старикѣ, влюбленномъ въ молодую дѣвицу: *Сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро*. Иногда въ притчѣ выставляется на показъ какой либо забавный случай, истинный, или для шутки вымышленный, както: Спеленатый Нѣмецъ, Ѳома и Ерема и пр. Въ подобныхъ притчахъ выражается балагурство, причудливый вкусъ и своеобразное остроуміе народа.

Здѣсь исчислимъ извѣстныя намъ сатирическія, шуточныя и балагурныя картинки лубочной печати:

1. *Быкъ, сдѣлавшійся мясникомъ, мужикъ судьею, оселъ погоньщикомъ, ученикъ мастера сѣчетъ, дѣти старика пеленаютъ, слѣпой зрячаго ведетъ*, и тому подобныя несообразности.

2. *Денежный дьяволъ*, сыплющій на землю деньги, кои подбираютъ цѣловальники, портные, хлѣбники, пасторы, дамы, живописцы и сапожники. Позади дьявола ѣдетъ стряпчій верхомъ на бѣсѣ.

3. *Притча въ лицахъ о скупомъ и женѣ его сребролюбивой*, согласно съ древнимъ обычаемъ Русскаго народа, зарывшей деньги въ землю.

4. *О богатомъ купцѣ*, пропившемъ упрямую жену.

5. *Разумный воръ и глупая хозяйка*.

6. *Изображеніе трехъ пьяницъ*, пропившихъ деньги, съ надписью:

Плачь безъ надежды,
Грусть безъ отрады,
Печаль безъ утѣхи.

7. *Черти утащили пьяницу*, пропившаго свою душу.

8. *Славный объѣдала и веселый подпивала*, который за одинъ разъ выпиваетъ четверть вина и пудовымъ хлѣбомъ закусываетъ.

9. *Ловецъ и потребитель птицъ*: одинъ носитъ ихъ съ собою, а другой глотаетъ ихъ по сотнѣ въ день; гравир. Д. Скобелкинымъ.

10. Изображеніе трехъ господъ въ Нѣмецкихъ костюмахъ за столомъ; предъ ними стоитъ хозяйка съ рюмкою на подносѣ, въ тек-

стѣ читаемъ: «По старинѣ, когда на столъ поставятъ ѣсть, хозяй-«ка сама должна поднесть, для прочищенія глотки, гостямъ по чаркѣ «водки, для лучшей кушать имъ охотки, а какъ подносъ имъ ста-«нетъ подавать, должна она потомъ гостей поцаловать. Я моду по-«хвалю такую и лишь одно покритикую; на пищу то охоты при-«даетъ, хозяйкинъ поцалуй поароматитъ губы, а водка зубы. Да «если ты дурна, хозяюшка, мой свѣтъ, такъ водку поднеси, какъ «кончится обѣдъ.» Здѣсь видимъ старинный Русскій обычай, при подчиваньѣ водкою, хозяйкѣ цѣловать гостей, а обстановку иностранную: въ комнатѣ нѣтъ образа на стѣнѣ и одинъ изъ гостей сидитъ за обѣдомъ въ трехъугольной шляпѣ.

11. *Роспись приданому*, весьма подробно описанная въ ст: Взглядъ на старинную Русскую жизнь по народнымъ лубочн. картинамъ. Моск. Вѣд. 1856 г. № 132.

12. *Разсужденіе холостаго человѣка о женитьбѣ*, о ея выгодахъ и невыгодахъ.

13. *Разговоръ глупаго жениха съ дурою свахою старухою*: женихъ въ старинномъ европейскомъ костюмѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, шляпа съ перомъ подъ мышкою и трость въ рукѣ; онъ проситъ высватать себѣ красную дѣвицу; а сваха, въ простой Русской одеждѣ, видя, что отъ такого жениха ей нечего ожидать, обѣщаетъ ему привести козу.

14. *Хоть старенекъ, да съ деньгами миленекъ.*

15. *Споръ мужа съ женою о гусѣ и уткѣ.*

16. *Софрошка и Хавронья къ себѣ ворону приучали.*

17. *Старикъ съ кузовомъ дѣтей за плечами.* Сатира на старыхъ мужей, женившихся на молодыхъ дѣвицахъ.

18. *Спеленанный Нѣмецъ, Нѣмка, дѣвка и парень.*

19. *Рейтаръ во Французскомъ кафтанѣ*, верхомъ на пѣтухѣ, въ шлемѣ съ рогами и пѣтушкомъ. Въ надписи на етой каррикатурѣ читаемъ: «Рейтаромъ на пѣтухѣ меня называютъ, и всѣ прелюбо-«дѣйцы меня такъ признаваютъ.»

20. *Голландскій лѣкарь и добрый аптекарь* берутся старухъ дѣлать молодыми. Сатира на суетность кокетокъ и старыхъ щеголихъ, на шарлатанство иностранныхъ врачей.

21. *Изображеніе женской бани*, съ надписью: «Красныя дѣвицы и «молодыя молодицы, на ету баню смотрите, по утру и вечеру приходи-«те, съ радостію партесь и животами правтесь, въ ней чемы (чемеръ, «боль въ поясницѣ ?) и ломы спадаютъ, послѣ пару здравы бываютъ.»

22. *Серебряницкія торговыя общія бани.* Ето картина бывшихъ нѣкогда въ Москвѣ общихъ простонародныхъ бань, не только казенныхъ, но и частныхъ, гдѣ мылись и парились мущины съ женщинами; первые занимали мѣсто на лавкахъ и полкахъ на одной сторонѣ, другія на противоположной. Закрывшись вѣниками, мущины и женщины брали шайками холодную воду изъ чана въ самой банѣ, а горячую внѣ бани изъ котла, вмазаннаго въ особую печь съ подтопкой. Въ отдѣльныхъ передбанникахъ раздѣвались и одѣвались.

Въ свидѣтельство о глубокой древности бани у сѣверныхъ Славянъ Преп. Несторъ приводитъ сказаніе Св. Апостола Андрея, видѣвшаго, какъ моются и парятся тамъ въ деревянныхъ мовницахъ; Стоглавъ пишетъ о существованіи у Псковитянъ общей бани, гдѣ безъ зазора мылись мужи и жены, чернцы и черницы. [62] Хотя указами Императрицъ Елисаветы 1743 г. и Екатерины II 1783 г. и воспрещено было людямъ обоего пола вмѣстѣ париться въ торговыхъ баняхъ; но старинный обычай етотъ, употребительный и въ Чуди, не прекращался до самаго начала XIX вѣка. Естампъ рѣдкій, на большомъ листѣ, конца XVIII вѣка.

23. *Головные уборы* чудовищнаго вида у дамы и кавалера, щеголей XVIII вѣка. У первой волосы вчесаны тупеемъ и напудрены, огромный чепецъ корабликомъ; на лицѣ налѣплены мушки (кружечки изъ черной тафты), кои имѣли у нашихъ щеголихъ тоже знаменованіе, что цвѣты у Восточныхъ; онѣ составляли условный языкъ волокитства, занятый Русскими у Французовъ, у которыхъ такія мушки собственно были прикрытіемъ на лицѣ и на рукахъ слѣдовъ развратной жизни. Приводимъ здѣсь самое значеніе стихъ мушекъ, взятое нами изъ рукописи конца XVIII вѣка: «Середи лба — гордость; на «конецъ лба — отказъ всѣмъ; середи носа—отказъ одному; въ длину противъ рта—любовь; среди щеки—радость, на бородѣ—смиреніе; «на нижней губѣ — безстыдная волокита, противъ рта большіе съ «маленькими — имѣетъ двери къ любви; подъ усомъ — похабство, по «край уса — вертопрашество; подъ глазомъ — жеманство; въ длину «противъ глаза — вѣрность; подъ глазомъ — печаль; на правой груди — отдается въ любовь къ кавалеру; на лѣвой груди — изображаетъ себѣ доброжелателя; промежь грудей — любовь нелицемѣрная; подъ правой грудью — тайная любовь; на большомъ пальцѣ

---

[62] Стогл. лѣтоп. I. гл. LI, вопр. 18.

«рукъ — коварство и волокитство; на среднемъ пальцѣ — изъ платежа «вѣруетъ; на большомъ среднемъ пальцѣ — призываетъ; отъ мизин-«ца на среднемъ — неутаимая; на мизинцѣ — волокита тайная; среди «ладони—всѣхъ желаетъ; среди затылка руки—изъ найма вѣруетъ.» [65]

24. «*Похожденіе о носѣ и о сильномъ морозѣ.*» Первый изображенъ въ видѣ мужика съ шляпою на головѣ и съ дубиною въ рукахъ; съ нимъ споритъ большой Носъ въ образѣ мущины въ Нѣмецкомъ платьѣ и съ колпакомъ на головѣ. Носа не спасаетъ ни табакъ, ни кабакъ; его побѣждаетъ олицетворенный Морозъ. Въ сказкахъ *морозъ* называется *красный носъ.*

25. *Ограбленный медвѣдь, нарядившійся петиметромъ.*

26. *Ѳомушка музыкантъ да Ерема поплюхантъ.*

27. *Прохоръ да Борисъ* поссорились, подрались, за носы руками взялись.

28. *Ѳома и Ерема,* два братёнки, представители глупости и нелѣпости. Ихъ похожденія описываетъ намъ слѣдующая сказка:

Ахъ, да Ерёма, да Ѳома были два братейка:
Они волосомъ одинаки и умомъ равны,
У нихъ бороды, какъ бороды, и усы, какъ усы.
Вотъ задумали братани въ Божью церковь идти;
Въ Божью церковь идти, Богу молиться.
Вотъ Ерёма пошелъ въ церковь, а Ѳома въ алтарь.
Вотъ Ерёма взялъ книгу, а Ѳома Псалтырь;
Охъ, Ерёма-то запѣлъ, а Ѳома заговорилъ.
То заслышали попы со высокія горы,
Попы грамотные, люди набожные . . .
. . . . . .
Ерёма-то изъ двери, а Ѳома изъ окна.
Охъ, Ерёма пошелъ въ ельникъ, а Ѳома въ соснякъ;
Они оба испугались, оба вмѣстѣ соходились.
Вотъ задумали братаны сѣрыхъ зайковъ промышлять,
Сѣрыхъ зайковъ побѣгошковъ; ничего не нашли.
Вотъ пошли братаны по крутому бережку,
По крутому бережку, по желтому по песку.
Вотъ увидѣли братаны, что двѣ уточки плывутъ:
Одна уточка бѣлешенька, а другая-то, что снѣгъ.
Охъ, Ерёма схватилъ палку, а Ѳома косарь:
Какъ Ерёма не докинулъ, Ѳома черезъ перекинулъ.
Вотъ задумали братаны себѣ рыбу промышлять,

[65] Рукоп. сборникъ XVIII в., писан. въ Астрахани, въ 12. Въ библіотекѣ А. А. Медынцева.

Себѣ рыбу промышлять, красну сёмошку.
Охъ, Ерёма сѣлъ, да въ лодку, а Ѳома въ ботню:
У нихъ лодка безъ набоевъ и ботня безо дна.
Они три года тонули, не могли потонуть,
Ихъ три чорта давили, не могли задавить.
Вотъ задумали братаны свои головы кормить,
Свои головы кормить, себѣ хлѣбъ наживать,
И положили работа себѣ пашню пахать:
Вотъ Ерёма пошелъ въ рынокъ, а Ѳома на базаръ,
Вотъ Ерёма купилъ мерина, Ѳома жеребца.
Охъ, у нихъ меринъ-то не тянетъ и соха-та не валитъ;
Они мерина коломъ, сами съ пашенки бѣгомъ. [64]

29. «Новый фаболъ предлагается, безмѣстнаго двора купцемъ объ-«является: въ томъ дворѣ хорошаго строенія твердаго: 1) посреди «двора горница подъ жилье, 2) подклѣтъ подъ сѣнями, 3) крыльце «въ окнѣ, 4) въ заходѣ печь, 5) на кровлѣ красное окно, 6) на по-«толкѣ погребъ, а у самаго двора крыша крыта черепицею.»

30. *Сказаніе о честномъ Семикѣ и честной Масляницѣ.* Оба народные праздника, называемые одинъ женихомъ, другая невѣстою, представляются здѣсь въ образѣ мущины и женщины; первый расточаетъ послѣдней забавныя похвалы и ласки, какъ на пр: «Душа «моя, Масляница, перепелиныя косточки, бумажное твое тѣло, са-«харныя твои уста, сладкая твоя рѣчь, красная краса русая коса, «тридцати братовъ сестра, сорока бабушекъ внучка, трехъ ма-«терей дочка, ласточка, ясочка, ты же моя перепелочка» и т. д. Въ нѣсколькихъ отдѣлахъ етой картинки видны разныя сцены, потѣхи, встрѣчи и проводы разгульной Масляницы: катанье на саняхъ и на свиньяхъ, пированья, попойки и кулачные бои, конми въ старину обыкновенно сопровождался масляничный кутежъ. Ета картинка печаталась въ листъ; но есть изданіе въ 8, гдѣ Семикъ и Масляница въ маскарадныхъ костюмахъ, одинъ въ испанскомъ платьѣ съ шапочкой на головѣ, другая въ великолѣпной робѣ съ ожерельемъ на шеѣ; съ прическою на головѣ въ видѣ рожекъ, подаетъ Семику яблоко, напоминающее искусительницу праматерь Евву. Оба сидятъ подъ тѣнью дерева. Надъ ними надпись:» Семикъ Масляницу потѣшаетъ она его фруктами забавляетъ.» см. выше.

---

[64] Народныя Русскія сказки, изд. *А. Аѳанасьевымъ*. вып. IV. М. 1858 г. въ 8.

31. Старинная притча о *Курѣ*, т. е. пѣтухѣ, и *льстивой лисицѣ* ведетъ свое начало отъ глубокой древности; она извѣстна въ XII и XIII вѣкахъ на Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Сѣверно-Французскомъ. О похожденіяхъ Лисы разсказываютъ намъ Нѣмецкія сказки: Kinder und Hausmärchen, изд. Гриммомъ. [65] Старинное Русское слово Лиса [66] созвучно и сродно Нѣмецкому List, хитрость, коварство и древнему Лиса, тоже что хитрость. Лиса (лисица) служитъ въ притчѣ представительницей лукавства, уловляющаго въ свои сѣти простоту и оплошность пѣтуха (кура). Содержаніе етой повѣсти отчасти сходно съ простонародною средневѣковой сатирой Reineke Fuchs, послужившей источникомъ для соименной ей поемы Гёте.

Русская ета притча, помѣщенная въ народной книгѣ: «Старичекъ «весельчакъ, разсказывающій давнія Московскія были.» Спб. 1790 г. въ 8, неоднократно издана была лубочною печатью. Вокругъ изображенія пѣтуха написано: «Куре доброгласное, воспѣваніе красное, «звѣрямъ снѣдь очень сластное.» Въ заголовкѣ читаемъ: «Повѣсть о «Курѣ и Лисицѣ. Наставшаго теплаго лѣта, у нѣкоего небогатаго «человѣка куръ со многими женами живяше и во единъ отъ дней той «куръ прискорбенъ бяше и мало пѣлъ, въ то время курица курицу съ «насѣсти столкнула; падша же на землю и не дохнула. Куръ же «отъ незапныя смерти ужасеся и помянувъ смерть, отъ страха по«трясеся, нели и самъ внезапно умретъ. Тако ему о семъ раз«мышляющу всяко, въ такой печали вышелъ на улицу погулять и «самъ себе проклиная, еже много зла сотвори, сердцемъ тяжко взды«хаше, како бы ему міра сего убѣжати, въ пустыни единому пребы«вати.» Увидѣвъ прекрасное дерево въ пустынѣ, онъ избралъ его себѣ приютомъ, гдѣ бы могъ пожить въ постѣ, потрудиться и дѣла свои открыть и оплакать ихъ. Въ то время, какъ пѣтухъ объ етомъ разсуждалъ, увидѣла его проходившая мимо дерева лисица и начала его прельщать, убѣждала слетѣть съ дерева, чтобы его не растер«зали орлы. Пѣтухъ, подозрѣвая въ ея ласкательствѣ коварство, «сперва не поддавался обману, потомъ обольщенный ею, слетѣлъ съ «дерева и попалъ ей въ зубы.» Таковъ конецъ притчи, которая имѣетъ

---

[65] Въ письмѣ своемъ ко мнѣ изъ Берлина 1844 г. Яковъ Гриммъ увѣдомлялъ меня, что онъ занимается изслѣдованіемъ древней притчи о *Лисицѣ и Волкѣ*.

[66] «А что ти слышевъ о нашемъ *лисѣ*, что намъ на пакость, или о добрѣ, то бы «намъ повѣдать въ правду, безъ примышленія.» *Акты Археол. Експедиціи*. I, 23.

духовно-нравственное значеніе; подъ видомъ пѣтуха изображается борьба человѣка съ самимъ собой, а подъ видомъ лисицы искуситель, врагъ человѣка. Образъ смерти возбуждаетъ въ немъ раскаяніе, которое влечетъ его въ удаленіе отъ соблазнительнаго міра; но и тамъ искушеніе, коему онъ поддается, вводитъ его въ пагубу. Такая притча, по видимому, вышла изъ монастырей и пустынь.

25. Между символико-поетическими картинами лубочной печати занимаетъ главное мѣсто *Погребеніе кота мышами*: ето любимая простолюдьемъ сатира и каррикатура, обратившаяся въ притчу и поговорку, усвоилась жизни народа, составляетъ предметъ его забавы и толковъ. Переходя отъ одного вѣка и поколѣнія къ другому, она въ разныхъ изданіяхъ и форматахъ является полною и сокращенною, въ однѣхъ съ перемѣнами и пропусками, въ другихъ съ прибавленіями, смотря по ея отношенію къ обстоятельствамъ и духу времени; потому что ей произвольно давали то или другое значеніе и примѣненіе. При сличеніи разныхъ изданій, обозначится и сходство и разница не только въ текстѣ, но и въ самомъ рисункѣ.

Одно изъ старинныхъ, весьма рѣдкихъ и едва ли не единственныхъ, хотя, можетъ статься, и не первоначальныхъ, изданій етой народной сатиры, находится въ драгоцѣнномъ собраніи лубочныхъ картинъ Императорской публичной Библіотеки. Оно рѣзано на деревѣ грубыми, рѣдкими чертами, оттиснуто на двухъ склеенныхъ листахъ; фигуры размалеваны желтою, красною и черною краской. Рисунокъ неправиленъ до уродливости; очевидно совершенное отсутствіе перспективы и младенчество художества. Буквы надписей надъ фигурами обнаруживаютъ переходъ церковнаго шрифта къ гражданскому: онѣ крупныя, прямыя и сходны съ буквами на картинкѣ Баба-Яга. Слогъ соотвѣтствуетъ пошибу картинки.

Котъ на етомъ естампѣ изображенъ лежащимъ на погребальныхъ саняхъ, запряженныхъ восьмью мышами; на задкѣ у саней стоитъ могилякъ съ заступомъ для рытія могилы. Надъ первымъ надпись, въ позднѣйшихъ изданіяхъ, распространенная: «Котъ Казанскій, а умъ «Астраханскій, разумъ Сибирскій;» надъ послѣднимъ: «Емелька мо«гилякъ идетъ землю ковырять.» Къ восьмеркѣ возниковъ относятся слова: «Мыши с Резани, а прозваніемъ они Макары, лямками кота «тянутъ, и отъсадно работаютъ.» Въ печальной процессіи одна мышь бьетъ въ бубенъ, другая на волынкѣ играетъ, третья въ сви-

релку, «Чурила Сарначь въ свирелку играетъ, а ладу не знаетъ;» потомъ мышь ѣдетъ съ скляницей вина въ коляскѣ о двухъ колесахъ, еще мышь везетъ бочку; на возникѣ сидитъ верхомъ мышенокъ съ трубкою во рту; еще одна несетъ пироги, да двѣ ушатъ съ пивомъ. Г. Стасовъ почитаетъ етотъ естампъ оттискомъ, сдѣланнымъ въ XVIII вѣкѣ съ досокъ, рѣзанныхъ ранѣе того времени, именно въ первой половинѣ тогоже столѣтія, но съ нѣкоторыми только подробностями, принадлежащими XVII вѣку. [67] Въ етой редакціи всѣхъ фигуръ 23, между тѣмъ какъ въ позднѣйшей, составленной по образцу первой, ихъ 66; при томъ многія околичности и надписи прибавлены. Намъ неизвѣстно, когда именно и кѣмъ сочинена и пересочинена ета картинка; но послѣдующія изданія, рѣзанныя на мѣди, не похожи на вышеприведенную нами.

Для сличенія приведемъ здѣсь самое оглавленіе и объясненія, повторенныя во многихъ изданіяхъ. Въ заглавіи на развернутомъ свиткѣ, который держатъ двѣ летучія мыши, читаемъ:

«Небылица въ лицахъ, найденная въ старыхъ свѣтлицахъ, обер«ченною въ черныхъ тряпицахъ, какъ мыши кота погребаютъ, не«друга своего провожаютъ, послѣднюю честь отдавали съ церемо«ніемъ. Былъ престарѣлый котъ Казанскій, урожденецъ Астрахан«скій, имѣлъ разумъ Сибирскій, усъ Сусастерскій, жилъ славно, «плелъ лапти, носилъ сапоги, сладко ѣлъ, слабко бдѣлъ, умеръ въ «мѣсяцъ сѣрой, въ 15 число въ жидовскій шабашъ.»

Внизу картинки помѣщается объясненіе самаго содержанія съ нѣкоторыми разнословіями. Повторимъ его.

1. «Знатныя подпольныя мыши, кріночныя блудніцы напослѣдокъ коту послу«жили, на чухонскія дроги, связавъ лапы, положили, хотятъ печаль утолить, а «кота въ говенной ямѣ утопить; 2. На дрогахъ (полозахъ) сидитъ кучеръ изъ на«возныя кучи; 3. съ Балчуга старая крыса поминаетъ, а лабриса з брысу по котѣ «воспѣваетъ, а малыя дѣти съ визгомъ припѣваютъ: искусная мышка изъ Нѣмец«кой лавки, взявши свирѣль въ лапки, умильно играетъ, кота проклинаетъ; 5. «изъ Рогожской мышъ Корча тащитъ бубень скорча; 6. позади бѣжитъ изъ Та«ганки сама поганка, бьетъ въ бубень, походъ будетъ; 7. деревенская мышь Сар«па (Сарначь) въ свирѣлку играетъ, а ладу не знаетъ; 8. въ балалайку играетъ,

---

[67] Разборъ сочиненія Д. Равинскаго: Обозрѣніе Русскаго гравированія на металлѣ и на деревѣ до 1725 г. сост. *Вл. Стасовымъ*. Спб. 1856 г. въ 8.

«на поминки коту гостей; собираетъ 9. Гренко съ Дону изъ убогаго дому, (она) «пѣсни воспѣваетъ, а послѣ коту добрую жизнь возвѣщаетъ; 10. мышъ татарская «Аринка тожъ наигрываетъ въ волынку; 11. мышь изъ (съ) Рязани въ синемъ «сарафанѣ, идучи; (такъ) горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ; 12. мыши «Елеси идутъ, хвосты повѣся; 13. мыши Ермаки, надѣвши колпаки; 14. отъ воль«ныхъ домовъ, изъ большихъ питейныхъ погребовъ сидитъ маленькая въ одноколкѣ на отцѣ, объявляетъ веселью быть (веселіе) въ корцѣ: 15. Уралская (мышь) «братиною гремитъ, переднихъ бранитъ, что скоро бѣгутъ и старыхъ не ждутъ: «хромыя и лазарѣцкія мыши на силу за ними бѣгутъ; 16. мыши Чухонки ендовы «тащитъ мерзлаго молока ушатъ съ лѣтошнова году (згодьду?) и съ подъ заходу, «(бѣжитъ на конькахъ, сама говоритъ, лучше бы, я знала, сидѣла дома), 17. за ни«ми бѣжитъ, крушкою гремитъ, возниковъ бранитъ, чтобы поскорѣя поспѣшали, съ «весельемъ кота поминайте, похмѣльныхъ охмѣляйте; 18. мышъ несетъ склянице вина, а другая закуску полтора блина; 19. старая Подновинская крыса сѣдая «смотритъ бочки, у которой котъ изорвалъ ж... въ клочки; 20. мышъ (мельна) при«спѣшнику заткнула за поясъ тряпицу, а сама поигрываетъ въ скрипицу; 21. мышъ «Охтенка переведенка несетъ ребенка раненова (котомъ), какъ ребенка (?); 22. «сельская мышъ сива ведетъ на убой свинью; 23. друга грыжа говоритъ, я де «ночью (все) вижу; 24. мышъ голодна весьма не проворна, попала въ яму говенну «по горло; 25. маленькія мышки пищатъ и вонъ ее тащатъ; 26. мыши хворыхъ «мышей на себѣ везутъ и прогоновъ не берутъ; 27. мышъ курбата (курата) не«сетъ лопаты яму копати; 28. мышь съ метлой, а другая съ ветлой по пути за«метаютъ, а сами по сторонамъ посикаютъ; 29. мыши изъ татарской мечети по «татарски лепечутъ; 30. лазарѣцкая мышъ на костыляхъ ходитъ, присѣсть у кота «не можетъ (хочетъ присѣсть у кота на дровняхъ) 31. Сибирскія мыши щиры «идутъ править (у кота) морщины; 32. мышъ Чурила бѣду сокурила, (сдурила) «кота на дровни взвалила, чуть было я... коту не раздавила; 33. мышъ, сѣдши «на пенекъ, надувается, три дни въ лапти обувается; 34. мыши ярко красной «растоптала лапти (ознобила лапки); 35. мыши нашли (наналина) рака, учинили «драку; 36 Коломенска мышь гонкомъ на саняхъ везетъ рогожи коту на саванъ; 37 «мышъ Цыганка несетъ покрытъ кота цыновку; 38. мышъ Барабошка несетъ ро«гожку; 39. мышь, идучи хрюкаетъ, за нимъ нюхаетъ; 40. мышъ съ Арбата «очень горбата, велитъ собрать тарелки и подноситъ горѣлки, (и начала сама под«носить горѣлки), 41. мыши Олонки, одна несетъ солонку, а другая снопъ соломки; 42. мыши Корелка несутъ ложки и тарелки; 43. мыши ханжи несутъ вилки «да ножи; мыши жалки несутъ колпаки, да чарки; 45. мышъ перша несетъ пер«цу; 46. мышъ несетъ таракана печенаго, а другая чесноку толченова; 47. мыши «пѣшками несутъ кушанья мѣшками; 48. мышъ съ Поляпки старуха несетъ хлѣ«ба краюху; 49. мышъ смазлива несетъ ситные въ корзинѣ; 50. мышъ отъ чу«хонки Малаши везетъ полны сани оладьевъ; 51. мышенокъ ушибено рыло не«сетъ жареной рыбы; 52. Тошера из Мошена несетъ сиги, лини, (?) ѣшь, даплотно «сиди; 54. мышъ палена несетъ ядро калено пиво разогрѣвать; 54. мышъ съ Пок«ровки (несетъ) морковны похлебки; 55. мышъ изъ Риму несетъ кобыльева молока «крину; 56. изъ помой мышенокъ держитъ въ лапкахъ рожекъ калача, ѣстъ въ крин-

«ку обмача; 57. мыши съ Вятки наварили яицъ въ смятки; 58. Новогородки не«сутъ похлебки въ сковородкѣ; 59. мышь идетъ невесела, объѣлась киселя; 60. «мышъ несетъ молотокъ въ лапкахъ, да хвалитъ пироги, ѣстъ сладко; 61. мышъ для «смаку несетъ тертаго маку; 52. мышъ бѣжитъ на конькахъ, сама говоритъ: луч«ше дома сидѣть, а тутъ за содомъ гостей не станетъ поглаадать костей; 63. со «Вшивой горки послѣ стола крошить корки; 64. мышъ бѣжитъ на лыжахъ, послѣ «банкета посуду лижетъ; 65. мышка говорокъ, доброй поварокъ, на чумичкѣ вши «бьетъ, а ж....й тарелки третъ; 66. послѣдняя подслѣпая, пирожница добрая горазда «печь пироги съ саломъ, для знаку ходитъ съ оваломъ.»

Какъ волкъ въ отношеніи къ овцамъ, такъ и котъ въ отношеніи къ мышамъ издревле занимали въ басняхъ и притчахъ свойственную имъ роль: тотъ и другой утѣснителей и мучителей, а овцы и мыши утѣсненныхъ и страждущихъ. Характеру кота, какъ хищнаго и плотояднаго животнаго, вполнѣ соотвѣтствуетъ созвучное и повидимому, сродственное съ Русскимъ среднегреческое *καττις* и *κατα*, средне-латин. catus, cata отъ catus, или cautus, осторожный, лукавый, ловкій: [68] ето слово выражаетъ тѣ коварныя ухватки и ухищренные приемы, съ какими онъ подстерегаетъ и ловитъ свою добычу; забавляется ея страданіями, не вдругъ пожираетъ; но напередъ измучитъ жестокою игрой, такъ что приходятся, по старой послоцѣ, *кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки*. Котъ поступаетъ съ пойманною мышкой, подобно опытному *коту*, палачу, который сперва вымучиваетъ у жертвы своей медленными пытками признаніе въ содѣянныхъ и даже несодѣянныхъ преступленіяхъ; потомъ такъ исторгаетъ у нее жизнь, чтобы чувствовала, какъ умираетъ. Даже одно изъ употребительныхъ прежде орудій наказанія и пытки были *кошки*, какими назывались плети съ желѣзными крючками на концахъ: онѣ подобно кошачьимъ лапамъ, царапали и терзали спину при тѣлесномъ наказаніи.

Ето не тѣ мыши, которыя были виновницами истребленія Сеннахиримова воинства [69] и не тѣ, которыя разорили селенія Филистимлянъ, пославшихъ къ Іудеямъ пять вылитыхъ изъ золота мышей. [70] Но ето мыши подданные, утѣсненныя Котомъ, своимъ владыкою. Свойства и дѣйствія людей перенесены на етихъ животныхъ.

---

[68] Glossarium manuale ad scripp. mediae et infimae Latinitatis. VI vol. Halae, 1773, in 8.

[69] *Herodot.* II, c. 142.

[70] *I Царствъ*, V, 67.

Характеръ слабыхъ существъ, каковы мыши, обрисовывается въ картинкѣ прозвищемъ ихъ «Криношныя блудницы,» т. е. мѣлочныя воровки; но ето свойственно и мучителю ихъ, который также склоненъ къ воровству, по своей натурѣ и старой поговоркѣ: *блудливъ, какъ кошка* При сличеніи первой редакціи лубочной картинки Погребеніе кота со вторичною, очевидна разница въ числѣ фигуръ и въ содержаніи надписей. Кота везутъ тамъ на погребальныхъ саняхъ, здѣсь на колесницѣ; тамъ провожатыхъ несравненно менѣе, чѣмъ здѣсь. Какъ въ той, такъ и въ другой редакціи идутъ мыши. кромѣ возниковъ, на заднихъ лапкахъ; въ первой онѣ размѣщены на естампѣ безпорядочно, въ послѣдней процессія въ четыре ряда, открывается маленькой мышью, держащею въ лапахъ книгу, повидимому, ноты; а въ Нирембергской картинкѣ Погребенія охотника звѣрями и птицами, впереди процессіи лисица съ книгою. Въ Русской: за звѣрками, играющими роль пѣвчихъ, идутъ музыканты и двѣ крысы въ колпакахъ, нареченныя въ надписи Ермаками, за ними мышь въ сарафанѣ изъ Рязани, потомъ мышки Ханжи, далѣе Подновинская старая крыса въ очкахъ. Прочія мыши, которымъ, повидимому, дано значеніе въ процессіи представительницъ разныхъ племенъ, провинцій и сословій, отмѣчены собственными и вымышленными именами: однѣ съ Рязани, съ Дону, Новгородскія, Сибирскія, Вятскія, Олонецкія, Корельскія, другія, Чухонскія, Нѣмецкія, Охтенскія, Коломенскія (въ С.-Петербургѣ Татарскія); въ лапахъ онѣ несутъ какіе-то значки, столовыя утвари и принадлежности похоронъ: лопаты для копанія могилы, рогожи и цѣновки, вмѣсто савана и покрова, наконецъ гвозди для заколачиванія гроба, коего впрочемъ не видно на естампѣ. Въ рядахъ печальной процессіи мыши везутъ, для поминовенія усопшаго, пироги, оладьи и блины, бочку съ какимъ-то напиткомъ; «двѣ мыши несутъ ушатъ добраго питья выморознаго зяблаго году изъ подъ «заходу. Одна изъ возницъ куритъ трубку.»

Здѣсь почти вся обстановка старинныхъ похоронъ знатной особы, гдѣ смѣшано старое съ новымъ, Русское съ иностраннымъ; только исключено все священное и церковное, между тѣмъ какъ на Нирембергской картинкѣ лисица съ крестомъ въ лапахъ явно представляетъ духовную особу.

Очевидно, цѣлью сочинителя была не одна забава и балагурство; но онъ хотѣлъ олицетворить въ каррикатурѣ освобожденіе слабыхъ отъ гонителя, въ утѣшеніе гонимымъ и въ урокъ гонителямъ. Мы-

шамъ онъ присвоилъ человѣческія страсти: лицемѣріе, ненависть, злопамятность; внутренняя радость у нихъ прикрыта наружною печалью. Такъ «Рязанская мышь горько плачетъ, а сама въ присядку пляшетъ; «мышь веселая въ волынку играетъ, пѣсни напѣваетъ, «кота проклинаетъ;» *знатныя* крысы, показывая притворную горесть, хотятъ кота утопить въ помойной ямѣ. Онѣ не забыли, что у Подновинской сѣдой крысы котъ изорвалъ задъ, у Охтенской изранилъ мышенка и т. д Какъ примѣненіе етого изображенія къ случаямъ въ жизни простаго народа было весьма близко и легко: по сему, вѣроятно, ета картинка усвоилась ему. Въ котѣ онъ видитъ только обидчика, въ мышахъ — обиженныхъ, въ смерти его освобожденіе и торжество другихъ, отрадный конецъ гоненіямъ.

Смотря потому, какъ и люди различаются между собою происхожденіемъ, чинами и нравственными качествами, также и мышамъ дано названіе *знатныхъ, подпольныхъ, криночныхъ блудницъ*. Слово *знатный* противополагается низкому, простонародному; *подпольный* тоже, что *подклѣтный*, т. е. дворцовый, придворный. *Криночные*, по видимому, сходствуютъ съ Римскими scrinarii, хранителями казны, казначеями. Съ словомъ *крынка*, также *скрыня*, отъ глагола крою, скрываю, созвучно и едва ли не сродственно Латинское scrinium, по изъясненію Исидора Севильскаго, казна государственная, сундукъ, гдѣ хранятся сокровища и книги. [71] Какъ *блудливый* въ просторѣчіи тоже, что склонный къ хищенію, крадливый, слѣдственно *подпольныя криночныя блудницы* значатъ придворные казнокрадцы. Замѣтимъ еще, что возники, запряженные въ сани, названы *Макарками съ Рязани*: «Макарки съ Рязани тянутъ лямки.» Ето объясняется намъ встрѣчею, сдѣланною Петру I въ Рязани. Онъ спросилъ одного изъ подносившихъ ему хлѣбъ соль: «какъ тебя зовутъ?» — «Макаромъ, надежа Государь,» тотъ отвѣчалъ. — «Очень хорошо,» примолвилъ Петръ, а прочіе, услышавъ такой отзывъ, подумали, что ето имя ему очень понравилось и на вопросъ его объ ихъ именахъ всѣ сказались Макарами. «Будьте же вы всѣ Ма«карами,» примолвилъ

---

[71] *Scrinia* sunt vasa, in quibus servantur libri, vel thesauri; unde apud Romanos illi, qui libros sacros servant, *scrinarii* nuncupantur. см. Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis, ex magnis glossariis C. Ducangii et Carpentarii in compendium redactum. VI t. Halae. 1784, in 8. См. *Скрынка* въ Лексиконѣ Трехъязычномъ.

Царь. Съ того времени Рязанцевъ и стали прозывать Макарами. *Подновинская старая мышь* въ очкахъ не намѣкаетъ ли на любимаго Царевною Софіей и ненавистнаго Петру I, Князя Василья Васильевича Голицына, котораго дворъ въ 1683 г. стоялъ подъ Новинскимъ? [72] Этотъ временщикъ сосланъ былъ Петромъ I въ заточеніе, гдѣ пытанъ и умеръ въ 1713 г.

Однѣ мыши названы по городамъ, другія по Московскимъ и Петербургскимъ урочищамъ. А какъ Московскихъ урочищъ приведено гораздо болѣе, чѣмъ послѣднихъ: то изъ сего даже можно заключать, что хотя бы дѣйствіе происходило въ новой столицѣ; но описаніе его появилось въ древней. Мышь, курящая въ процессіи табакъ изъ короткой Голландской трубочки, напоминаетъ вѣкъ Петра I. Етотъ преобразователь отечества указомъ своимъ 1697 г. Февраля I дозволилъ привозить въ Россію табакъ и самъ курилъ его, между тѣмъ, какъ отецъ его въ Уложеніи своемъ за употребленіе етого зелья присуждалъ смертную казнь. Позже Петра I, какъ справедливо замѣтилъ Г. Стасовъ, куреніе табаку наврядъ ли могло быть представлено въ народной каррикатурѣ: оно не имѣло уже никакого сатирическаго значенія, потому что стало дѣломъ обыкновеннымъ.» [73] Загадочныя имена Ханжи, Ермаки, Чюрилка Сарначь остаются безъ изъясненія; но, повидимому, подъ ними разумѣлись какія либо извѣстныя лица.

Наконецъ возвратимся къ главному предмету церемоніи. Въ одномъ переводѣ картинки котъ изображенъ со связанными лапами, лежащимъ на саняхъ, а въ другомъ на колесницѣ, названной въ текстѣ *чухонскими дрогами*. *Сани* могли означать: 1) погребальный одръ, на какомъ нѣкогда выносили тѣла усопшихъ Царей изъ дворца въ усыпальницу и [74] 2) зимнюю пору погребенія, а *чухонскія дроги* — подражаніе Нѣмецкой погребальной колесницѣ, на какой везли Лефорта на мѣсто погребенія. Въ церемоніялѣ похоронъ Петра I значится, что гробъ его везли *на саняхъ*, обитыхъ чернымъ бархатомъ и обложенныхъ золотыми голунами. 3) Какъ сани, такъ и колесница запряжены шестернею мышей, коихъ «погоняетъ Русскій

---

[72] Чертежъ Новинской части 1683 г. отмежеванной Сергѣемъ Аксаковымъ.

[73] Разборъ сочиненія Г. Равинскаго Обозрѣніе Русскаго гравированія на металлѣ и деревѣ до 1725 г. сост. Вл. *Стасовымъ*, Спб. 1856, въ 8.

[74] Выходы Государей Царей и проч. М. 1844 г. стр. 617, 700.

кнутъ,» по видимому, приводящій въ церемоніальное движеніе всю печальную процессію.

Здѣсь очевидно примѣненіе и намекъ на историческое событіе; но грамотѣй, сложившій объясненіе въ етой каррикатурѣ, старался скрыть время, мѣсто и личность, самъ выдалъ ето изображеніе за *небылицу*, гдѣ дѣйствующія лица однѣ только мыши и крысы, погребающія своего врага. Старыя свѣтлицы, гдѣ найдена ета «небылица въ лицахъ, обернутая въ черныхъ тряпицахъ,» напоминаетъ намъ старый обычай на Руси, донынѣ существующій у крестьянъ, мѣщанъ и даже купцовъ, украшать свои клети и свѣтлицы лубочными картинами. Такою оговоркой не выражаетъ ли сочинитель опасенія огласить свою личность въ тотъ вѣкъ, когда подобная картинка легко могла довести его до застѣнка въ Преображенскомъ, или въ Сыскномъ приказѣ, гдѣ стали бы у него вымучивать на дыбѣ, подъ ударами кнута, сознаніе, кого именно онъ разумѣлъ подъ изображеніемъ кота и мышей, съ какимъ умысломъ выдалъ такой пасквиль? Не означивъ года погребенія на естампѣ и въ текстѣ, неизвѣстный грамотѣй сослался только на какой-то сѣрый мѣсяцъ и жидовскій шабашъ.

Весьма вѣроятно, что появленію печатной етой притчи въ лицахъ предшествовала рукописная съ картинами. Такое аллегорическое изображеніе давало поводъ къ разнымъ догадкамъ, болѣе, или менѣе вѣроятнымъ: потому что его содержаніе, по произволу, легко могло быть примѣняемо къ подобнымъ случаямъ въ жизни народной.

Если вѣрить Г. Макарову, то въ Чешской хроникѣ Вѣнцеслава Гайка 1553 года, изданной въ Вѣнѣ 1782 года, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ упоминается о покушеніи Римскаго Первосвященника привлечь Россію къ Римской Церкви, на поляхъ отмѣчено: «приготовили было такую же сатиру, какую Лютеране о погребеніи кота «мышами.» [76] На семъ основаніи Г. Макаровъ и предполагалъ, что первообразомъ етой Русской простонародной картинки была сатира въ лицахъ, выпущенная въ свѣтъ сперва Лютеранами, потомъ Че-

---

[75] Дѣянія Петра Великаго, изд. 2, т. X.

[76] Вѣстникъ Европы 1821 г. № 9.

хами по случаю смерти Папы Пія V, или Григорія XIII, преслѣдовавшаго тѣхъ и другихъ. Но какъ, къ сожалѣнію, г. Макаровъ не досказалъ, когда, кѣмъ именно и на какомъ языкѣ сдѣлана приписка: то подобнаго свидѣтельства нельзя принять въ основаніе къ заключенію, что дѣйствительно сатира ета сочинена на современнаго Царю Ивану Васильевичу Римскаго Первосвященника. Самымъ содержаніемъ картинки первой и вторичной редакціи опровергается мнѣніе, будто ета сатира на грознаго Царя, хотя бы, по видимому, и подтверждается оно изображеніемъ любимаго етимъ Царемъ кота, которое, по свидѣтельству Г. Чижова, хранится въ Дрезденской галлереѣ. Подобная картинка не могла появиться въ тотъ вѣкъ, когда еще только заведено было въ Москвѣ книгопечатаніе и началось гравированіе, посвященныя единственно религіознымъ предметамъ. Скорѣе бы можно приписать его произведеніе концу царствованія Алексія Михайловича, когда усилилась дѣятельность того и другаго художества и когда въ Москвѣ появились, «кромѣ духовной типографіи, люди неопредѣленные къ тому, которые стали печатать деревянными досками на «бумажныхъ листахъ разныя изображенія.» Изъ такихъ печатницъ могли выходить естампы не одного только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія, къ коимъ, вѣроятно, принадлежитъ и описываемое нами Погребеніе кота.

Предметомъ къ сочиненію такой картинки могъ служить любимый Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ котъ, съ коего гравюра хранится въ Императорской публичной библіотекѣ, въ листъ, съ надписью: portrait du chat de grand duc de Moscouie, 1661, изображеніе кота, принадлежавшаго Великому Князю Московскому. Спросятъ, что же побудило сочинить такую сатиру на Царя, котораго иностранцы и Русскіе признавали благочестивымъ, кроткимъ и милосердымъ? Безъ сомнѣнія, жестокія въ его царствованіе гоненія на раскольниковъ, по внушенію Патріарха Никона, особенно Іоакима. Ихъ современникъ ересеначальникъ Спиридонъ Потемкинъ въ рѣзкихъ чертахъ обнаруживаетъ ненависть раскольниковъ къ Царю Алексію Михайловичу и радость ихъ о его смерти. Еслижъ первообразъ естампа Погребеніе кота мышами былъ не Русскій, а иностранный и заимствованъ изъ Нѣмецкихъ потѣшныхъ листовъ въ XVII вѣкѣ: то въ немъ удержаны только однѣ общія черты первообраза, такъ что онъ вышелъ переработаннымъ въ чисто національныхъ формахъ, примѣненныхъ къ отечественнымъ событіямъ; потому что всѣ надписи и нѣко-

торыя подробности прямо Русскаго содержанія. Достовѣрнѣе же, ето небылица, перелицевка, издавна ходячая въ народѣ и записанная въ концѣ XVII, или въ началѣ XVIII вѣка; на нее указываетъ старинная притча: *И кота мыши волокутъ на погостъ.* [77] Изъ сравненія старой редакціи съ позднею открывается, что *старая погудка* была передѣлываема *на новый ладъ*, сообразно съ обстоятельствами мѣста и времени. Етою притчей могли воспользоваться, вскорѣ послѣ кончины Петра I, ожесточенные гоненіями раскольники и крамольные стрѣльцы, испытавшіе на себѣ всю неумолимую строгость его суда, наконецъ отцы, огорченные разлукою съ дѣтьми, которыхъ записывали насильно въ военную службу и отправляли въ чужіе краи учиться. Въ самомъ содержаніи многіе предметы подтверждаютъ такое мнѣніе, преимущественно же обрядность (церемонія) погребенія, въ которую входитъ и музыка инструментальная. До Петра I етого не бывало на святой Руси. Въ первой разъ Москва видѣла печальную церемонію въ Нѣмецкомъ вкусѣ, въ Мартѣ 1698 г. при погребеніи Лефорта, любимаго Царемъ и ненавидимаго боярами и простымъ народомъ; а Петербургъ въ Январѣ 1725 г. при выносѣ гроба Петра I на мѣсто погребенія, коему онъ преданъ былъ черезъ шесть лѣтъ. О Лефортѣ тогда говорили стрѣльцы и раскольники почти тоже, что нѣкогда о ненавистномъ Елисеѣ Бомеліи, лютомъ волхвѣ, который, по словамъ лѣтописца, «конечно былъ «отвелъ Царя (Ивана Васильевича) отъ вѣры, на Русскихъ людей, Ца«рю возложилъ свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи.» [78]

Изъ всего етого заключить можно, что описанная нами картинка выпущена въ свѣтъ изъ лубочной печатницы неранѣе начáла, или половины XVIII вѣка; въ послѣдствіи переиначена и текстъ ея распространенъ прибавленіями; но главное содержаніе и направленіе остались неизмѣнными. Хотя осторожный грамотѣй, сложившій полнѣйшее объясненіе рисунка и выдаетъ въ охраненіе себя самое изображеніе «за небылицу;» но выставленныя обстоятельства времени и мѣста, характеры главнаго и второстепенныхъ лицъ намѣкаютъ на истинное событіе, которое можно относить и на особу Петра Великаго.

---

[77] Повѣсти, или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту: въ Сборникѣ скорописномъ, въ 4, по примѣтамъ, Каріона Истомина, гдѣ означенъ на 80 л. 1690 годъ. Въ главн. Архивѣ М. и. д.

[78] Архив. Псковская лѣтопись 1570 г. въ *Карамз.* И. Г. Р. IX, пр. 268.

При обозрѣніи етого произведенія народной фантазіи и художества, намъ остается довольствоваться только главнымъ смысломъ и цѣлью, временемъ и мѣстомъ сочиненія. Чтожъ касается до загадочныхъ и необъяснимыхъ для насъ обстоятельствъ въ етой перелицевкѣ, то къ нимъ можно примѣнить слова Федра: quot res contineat hoc argumentum utiles, non explicabit alius, quam qui reperit, т е. сколько заключаетъ въ себѣ полезныхъ предметовъ ета повѣсть, никто другой не можетъ объяснить намъ, какъ только тотъ, кто ее выдумалъ. [79]

26. Драка мышей съ лягушками ничто иное есть, какъ жалкое подражаніе Гомеровой Ватрахоміомахіи, появившееся въ лубочной иллюстраціи конца XVIII столѣтія.

27. Вятская баталія: какъ Хлыновцы всѣмъ городомъ вооружились чѣмъ попало противъ появившагося у нихъ морскаго чудища. Вятчане, прозваны *сльпородами* отъ того, что въ 1480 году, они ночью, подъ предводительствомъ Разсохина, напали на Устюжанъ, пришедшихъ къ нимъ съ Анѳаломъ на помощь противъ Татаръ. Съ разсвѣтомъ дня они увидали, что били своихъ союзниковъ, сосѣдей. [80]

28. «Медвѣдь съ козою прохлажаются, на музыкѣ своей забавляются.» Медвѣдь въ шляпѣ съ перьями, играетъ на балалайкѣ, предъ нимъ пляшущая коза въ сарафанѣ, держащая въ лапахъ ложки съ бубенчиками, какія употребляли пѣсенники. Ето должно быть масляничная потѣха, напоминающая намъ любимую народную игру: *козу водить*. За пляску медвѣдь и коза ожидаютъ отъ зрителей награжденія, обѣщаясь «отдать почтеніе на сырной недѣли въ «Воскресенье.»

Басни на лубочныхъ картинкахъ, по большей части, Езоповы, кои напечатаны въ Москвѣ особою книжкой въ 16, повелѣніемъ Царскаго Величества 1712 г. подъ заглавіемъ: *Есоповы притчи*, съ гравир. картинками.

Войны въ XVIII столѣтіи съ Турками, Прусаками и Поляками доставляли Русскимъ матеріялы для каррикатуръ на своихъ враговъ; однѣ

---

[79] *Phaedri* fabularum Aesopiarum, V, I. IV, f. 10.

[80] Сказанія Русскаго народа, собран. И. Сахаровымъ, т. I, изд. 3, стр. 109. Спб. 1841, въ 8.

изъ такихъ сатирическихъ картинокъ утратились, или сдѣлались весьма рѣдкими, другія остались памятниками событій и выраженіемъ духа народнаго. Въ семилѣтнюю войну, когда Прусскія газеты печатались подъ Русскимъ гербомъ, когда на Прусской монетѣ виднѣлось изображеніе Россійской Императрицы Елисаветы, тогда появились разныя каррикатуры на Прусаковъ. Въ одной изъ такихъ перелицевокъ представлены сухопарые, ловкіе казаки, побѣждающіе толстобрюхихъ, неповоротливыхъ драбантовъ неприятельскихъ; первые наскакиваютъ на послѣднихъ съ пиками и нагайками, а другіе, съ трубками табаку во рту, не успѣваютъ вынуть изъ ноженъ длиннаго палаша на защиту и выстрѣлить изъ ружья. Изъ Турецкой войны олицетворены разныя забавныя сцены, какъ напр: бѣгство Турка отъ казацкой нагайки; онъ запутывается въ своихъ шаравахъ.

О милиціи въ войну противъ Наполеона I напоминаютъ разныя каррикатуры, составлявшія забаву народную, напр: изображеніе Русскаго ратника Долбилы, который прикладомъ ружья поражаетъ поверженнаго на землю Француза, приговаривая: «што, мусье, кувыр«нулся, разъ, два, три, ась? не прибавить ли, мусье?» Русская отвага и храбрость видна въ изображеніи Корнютки Чихирника.

Въ каррикатурахъ на Бонапарта и Французовъ, во время войны 1812 года, смѣшное и балагурное соединяется съ ужаснымъ и даже омерзительнымъ, особливо въ изображеніяхъ гибельнаго бѣгства непріятелей изъ Россіи: по колѣно въ снѣгу, они тащатся въ трескучій Русскій морозъ: одни въ рогожкахъ, или салопахъ, другіе въ священническихъ ризахъ и женскихъ сарафанахъ, окоченѣлые отъ холода, истомленные отъ голода, пожираютъ падаль, галокъ, воронъ и даже трупы своихъ собратій. Старостиха Василиса поражаетъ ихъ вилами, крестьяне зарываютъ ихъ живыми въ ямы, кидаютъ въ пруды и колодцы. Тогда была въ разгарѣ месть народная врагамъ отечества, ругателямъ отечественной святыни, не щадившимъ ни старыхъ, ни малыхъ. Само Правительство употребляло каррикатуры средствомъ для возбужденія въ народѣ рвенія къ защитѣ отечества, угрожаемаго опасностію отъ сильнаго врага, который ополчился противъ него съ двадесятью языками. Такъ называемыя Ростопчинскія афиши, или воззванія къ народу, олицетворялись въ каррикатурахъ лубочныхъ. Тогда Теребеневъ славился своими произведеніями въ этомъ родѣ. Собраніе ихъ, по содержанію и по рѣдкости, любопытно и драгоцѣнно во многихъ отношеніяхъ.

Англо-Французско-Турецкая война, противъ Россіи въ 1854 и 1855 годахъ, ознаменована каррикатурами Гг. Соколова и Писарева.

Для правительства каррикатуры также служили проводниками полезныхъ свѣдѣній въ простомъ народѣ. Запрещая лубочныя картинки, противныя православному ученію и нравственности, оно поощряло выдавать такія, кои опровергали предразсудки, суевѣріе и лжевѣріе. Простолюдины въ царствованіе Екатерины II противились спасительному прививанію оспы, — по внушенію Правительства, изданы были лубочныя каррикатуры, изображающія *споры привившихъ себѣ оспу съ рябыми*. Онѣ дѣйствовали на простой народъ едва ли не столько же, сколько великодушный примѣръ Екатерины II и Наслѣдника ея Павла I. [81]

Оканчивая обозрѣніе лубочныхъ картинокъ не можемъ не замѣтить, что если въ историческомъ существованіи народа выражается духъ его, который собственно составляетъ народность, отечественность, то въ духѣ заключается начало развитія и дѣятельности народа — сила, движущая и поддерживающая его. Если ета сила проявляется во всемъ томъ, въ чемъ она участвуетъ, стало быть, проявляется она и въ произведеніяхъ лубочной иллюстраціи, сколь бы онѣ, по внѣшности своей, ни были пошлы и грубы. Подъ такою скорлупой таится ядро мысли и зерно чувства. Простолюдину въ лубочныхъ картинкахъ представляются вѣрованія и понятія въ лицахъ; для него онѣ служатъ доступнымъ средствомъ къ удовлетворенію умственныхъ и нравственныхъ потребностей его духа. Съ ними онъ сроднился отъ младенчества; онѣ вошли въ его семейную жизнь, въ его житье-бытье. Но какъ и чувственный елементъ, тѣсно связанный въ человѣкѣ съ душевнымъ и духовнымъ, имѣетъ свои потребности, то онѣ удовлетворяются въ лубочной иллюстраціи произведеніями фантазіи, подходящими къ характеру и вкусу простаго народа.

---

[81] Празднованіе дня выздоровленія Императрицы отъ оспы 1768 г. внесено было въ Мѣсяцословъ подъ 21 числомъ Ноября. См. Московскій Мѣсяцесловъ, М. 1794 г., въ 8.

Хотя въ символико-сатирическомъ родѣ лубочныхъ картинокъ, иногда рѣзко выдается чувственный елементъ съ его причудами и нелѣпостями; за то въ другихъ родахъ лубочной иллюстраціи преобладаютъ духовныя и душевныя свойства, коими условливается преимущественное направленіе народа къ вѣрѣ и благочестію, къ познанію истины и добродѣтели. Отъ етого число простонародныхъ естамповъ духовно-религіознаго содержанія несравненно было болѣе, чѣмъ другихъ. Забавныя и балагурныя появились въ Москвѣ гораздо позднѣе первыхъ. Хотя Г. Блюмеръ въ Свѣточѣ [82] и сдѣлалъ приговоръ, будто «очевидно несправедливо, особливо въ наше «время, мнѣніе, высказанное назадъ тому нѣсколько лѣтъ, что «Русскія лубочныя картинки занимаются преимущественно предме«тами нравственными и религіозными,» но потомъ, вопреки своему убѣжденію, оговаривается: «правда, въ старину Русскія лубочныя «картинки выражали *не рѣдко* (вѣрнѣе, очень часто, большею ча«стію) содержаніемъ своимъ религіозныя идеи; но ето зависѣло отъ «историческихъ обстоятельствъ Россіи: тогда не было *науки*, опыта, «тогда все сосредоточивалось въ *вѣрѣ*.» Что дѣйствительно лубочныя картинки преимущественно занимались, даже и теперь занимаются религіозными и нравственными предметами, въ етомъ удостовѣряютъ ихъ выставки во многихъ мѣстахъ Москвы, гдѣ переводы прежнихъ и вновь изданныхъ картинокъ духовнаго содержанія выказываются на первомъ планѣ. «Тогда не было въ Россіи *науки*,» продолжаетъ Свѣточь,» т. е. въ концѣ XVII вѣка, когда появились въ Москвѣ лубочныя картинки. Какъ! не было науки, когда была уже въ древней столицѣ Россіи Академія, были училища, библіотеки, ученые, писатели? Не слѣдуетъ ли изъ етого, что лубочныя картинки существовали при наукѣ, изъ нея иногда почерпали свое содержаніе, и если въ нихъ выражались религіозныя идеи: то скорѣе можно ето объяснить вліяніемъ, а не отсутствіемъ науки, и тѣмъ еще, что народъ любитъ наглядную форму своихъ понятій о вѣрѣ и благочестіи? Преобладаніе религіознаго елемента въ простонародныхъ естампахъ зависѣло конечно и отъ духа вѣры и благочестія въ народѣ, также отъ того, что просвѣщеніе распространено было въ Духовенствѣ. И напрасно говоритъ Г. Б. что «прежде все со«средоточивалось только въ вѣрѣ;» вѣра и донынѣ не престаетъ быть

---

[82] Свѣточь, Спб. 1860 г.

средоточіемъ жизни народной и насущною ея потребностью. По этому никакъ нельзя назвать *очевидно справедливымъ* приговоръ Свѣточа, ни *очевидно несправедливымъ* наше мнѣніе о преобладаніи лубочныхъ картинокъ духовно-религіознаго содержанія не только въ XVIII вѣкѣ, коимъ мы ограничивались, но и въ началѣ XIX вѣка, когда появились лубочныя картинки изъ Французскихъ и Нѣмецкихъ романовъ.

Конечно, всѣхъ скуднѣе отдѣлъ картинокъ историческаго, философическаго и юридическаго содержанія. Вотъ это могло отчасти зависѣть отъ историческихъ обстоятельствъ Россіи. [85]

Лубочная гравюра, какъ отдѣлившаяся вѣтвь отъ гравировальнаго художества, состоитъ въ непосредственной связи съ Исторіею отечественной Словесности и Художествъ въ Московскомъ мірѣ, гдѣ она получила свое начало и откуда расходится, какъ изъ центра, не только по всей Россіи, но достигаетъ Америки, гдѣ жители сѣверо-западнаго ея берега охотно пріобрѣтаютъ себѣ картинки духовно-религіознаго содержанія. Печатаніе лубочныхъ картинокъ составляетъ ремесло однихъ и промыселъ другихъ въ простомъ народѣ.

И такъ лубочныя картинки представляютъ не одни только предметы забавы и увеселенія во вкусѣ простолюдья; но духовно-религіознымъ и нравственнымъ содержаніемъ своимъ питаютъ въ народѣ чувство вѣры и благочестія, любовь къ Государю и отечеству, внушая отвращеніе отъ пороковъ и страхъ грѣховъ, уваженіе къ добродѣтели, какъ цѣли жизни. Въ нихъ проявляются не однѣ любопытныя, типическія черты изъ Русской жизни съ ея оттѣнками, но и религіозное, нравственное и умственное настроеніе народа, его общечеловѣческое и отечественное.

---

[85] Къ чему могутъ служить лубочныя картинки. *Л. Блюммера*, Спб. 1859, въ 12,

ПОПРАВКИ ЗАМѢЧЕННЫХЪ ОШИБОКЪ И ДОПОЛНЕНІЯ.

			Напечатано:	*Читай:*
Стран.	17,	стр.	7, «перешедшая Шишкина,	къ Шишкину.
—	16,	—	5, Чему могутъ служить Лубочныя картины *Л. Блюммера*. Спб. 1859 г. в 8.	
—	31,	—	9, «со внѣшнею впутреннею»	со внѣшнею и внутреннею.
—	35,	—	24, «большоіі срэдніі»,	большой, средній.
—	70,	—	31, прибавить: у г. Образцова въ Спб.	
—	76,		«Планъ лавры Преподобныхъ Отецъ Зосимы и Саватія Соловецкихъ чудотворцевъ, 1744 г. напечатанъ въ той гравир. Иванъ и Алексѣй Зубовъ, на 3 склеенныхъ въ листахъ, у г. Образцева въ Спб.	
—	102,		къ прим. 45. «Объ Устюжанишѣ»,	Устюжанинѣ.

A 5.1/20 75 =

1891

acid

SMK 653
(1503)
42 239ST BR1 4196
06/95 53-005-00 GBC
Д-79-69

Stanford University Libraries
3 6105 016 488 202

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

JUL 15 2003
SEP 22 2003
DEC 10 2003
JUN 30 2004